ДЕМ МИХАЙЛОВ
ИНФЕР 9
18+

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Оди ушел.

Просто ушел, внезапно покинув самую гущу жестокой схватки за выживание, оставляя за спиной не только недобитых врагов, но и соратников. Уйдя в темные воды умирающего мира Формоз, он обрезал все линии связи и погрузился в мрак небытия.

- Дем Михайлов
  - Пролог
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11

Дем Михайлов
Инфер-9

Пролог

Девушка билась в сбитом флаере.

Она была из того сорта людей, что борются за свою жизнь до последнего.

Супернадежная машина рухнула не куда-нибудь, а на полузатопленной территории Калли. За считанные мгновения до почти неконтролируемого падения автопилот предпочел выбрать из трех вариантов место с наибольшим шансом на успешную посадку, с компьютерным похеризмом проигнорировав все криминальные и социальные аспекты окружающей местности.

Машина упала. С визгом ушел в небо третий маяк — первые два вечнолета отстрелились еще в воздухе. Четвертый отстрел ударил в землю под упавшей машиной. Он пробил неглубокую дыру, после чего присыпанный почвой четвертый маяк тоже заработал, указывая место падения и оставаясь скрытым для глаз — его как вечнолеты не сбить, тут нужны сканеры. Четвертым шагом была ушедшая вверх визуалка — красная аварийная ракета, что лопнула в вышине, выбросила старомодный парашют и невыносимо медленно начала снижаться. Четвертого шага не должно было быть — еще одна тупая ошибка компьютера, оценившего условно зеленый статус окружающих территорий как населенный миролюбивым населением.

И красной ракеты вполне хватило, чтобы не только привлечь внимание всех окрестных ублюдков, но и с точностью указав местоположение рухнувшего на их лишайные головы счастья, любезно подсветив при этом в цвета готовой пролиться крови.

Да… даже этого дерьма вполне хватило бы для целой кучи проблем. Но машинный разум проверил запас энергии в бортовых батареях, счел их удовлетворительными и выпустил в небо первый веер лазерных лучей.

Все это время девушка сражалась с тупой техникой, стремясь предотвратить это дерьмо. Но она безнадежно опоздала — только чтобы убедить бортовой компьютер разблокировать ремни безопасности ей потребовалось несколько минут. А дальше этого дело не пошло… превратившаяся в гроб машина не пожелала разблокировать двери или потолочный люк, заодно перекрыв прозрачной перегородкой доступ к передней части салона. Причина — неимение официально подтвержденных и имеющихся навыков выживания в экстремальных ситуациях, равно как и неимение подтвержденных навыков обращения с оружием. Отметив нервозность пассажирки, бортовой компьютер любезно предложил сделать ей укол успокоительного. Достаточно

положить руку на левый массивный подлокотник заднего кресла — подлокотник уже вернул себе привычную форму, прекратив играть роль дополнительного защитного обруча в районе живота пассажирки.

Девушка длинно и матерно отказалась, умело пояснив куда машина может засунуть себе гребаное успокоительное. Флаер пояснил, что это никак невозможно осуществить на практике и вообще сие действие не несет в себе никакой практической пользы. В ночное небо ударила и потухла еще одна пара лазерных лучей, на мгновение подкрасив черные тучи в красный и желтый. Девушка взвыла и принялась лягать прозрачную перегородку в безнадежной попытке пробить себе путь к передней части салона.

— Помощь уже в пути — успокаивающе промурлыкал искусственный голос.

— Сука! Долбанная сука! — выдохнула в ответ пассажирка, нанося удары пятками в прозрачный материал своей тюрьмы — Открой! Сука! Дверь! Приказ!

Машина любезно откликнулась на ее слова. Мягкий успокаивающий женский голос никак не подходил под происходящую вокруг хрень, но при этом по шаблонам психо-дерьмо-правил являлся наиболее подходящим для успокаивание испуганной молодой особи женского пола, выглядящей достаточно самостоятельной и волевой.

— К сожалению ваши требования невыполнимы… вы не обладаете доказанными умениями выживания. По имеющимся у меня сведениям данные территории облюбованы для жизни не только людьми, но и достаточно опасными тварями. Также сама местность представляет собой пресеченную поверхность с частыми скалистыми образованиями и глубокими трещинами, что способны привести к перелому и…

— Открой дверь! Открой!

— Мисс Окси, я прошу вас успокоиться.

Девушка не услышала, продолжая наносить удары в прозрачный прочнейший материал обеими ногами:

— Вот! Поэтому! Я! И! Ненавижу! Долбанные! Машины! Вас! Всех! Надо! Уничтожить!

— Мисс Окси… уведомляю, что все происходящее записывается и при первой технической возможности будет передано в облачное хранилище данных. Я на вашей стороне и напоминаю про мировые инфо-фильтры, чья задача отслеживать любые радикальные высказывания. Новолуддизм относится именно к этой категории и…

— Заткнись!

— Но среди ваших эмоций я фиксирую не только злость, но и

страх… поэтому я помечаю запись ваших выражений как технофобию, вызванную стрессовой ситуацией. Возможно, небольшая лекция о вреде новолуддизма и глупости технофобии в наш просвещенный век послужит отличным успокаивающим для вас?

— ЗАТКНИСЬ!

— Понимая вашу нервозность, еще раз предлагаю сделать инъекцию успокоительного средства. Оно действует мягко, почти не притупляет ясность мыслей и… — мягкий голос резко оборвался.

Девушка замерла в скрюченном положении, не нанеся очередной удар — она поняла, что машина замолчала не просто так.

— Что случилось?

— Фиксирую движение слева… расстояние тридцать метров и быстро сокращается.

— Что там?

— Фиксирую четырех бегущих мужчин… они обнажены, они кричат… и они с топорами…

— Ну просто охренеть! Ты сука просто молодец!

— Благодарю за похвалу, мисс Окси. Ваш комплимент записан в мою базу данных.

— Да пошел ты! Ублюдок! Ты навел этих тварей на меня! Ты хоть понимаешь?! Ты навел этих гребаных насильников и убийц прямо на меня!

— Мисс Окси… я вынужден пометить запись ваших выражений как возможную клевету на ни в чем пока не повинных четверых приближающихся индивидуумов. Они пока никак не опорочили свои добрые имена и по умолчанию обладают не только не требуемой презумпцией невиновности, но и правом на доброе заочное суждение! Ведь…

Брошенный меткой и сильной рукой топор все же не смог пробить материал окна и со звоном отлетел, упав на едва заметно парящий в свете аварийных ламп песок.

— Сука! — крикнула девушка, с такой яростью рванувшись, что удерживающие ее ремни затрещали. Ненадолго затихнув в ловушке как обреченная, но пока не сдавшаяся муха в паутине, она еще раз попыталась воззвать к холодному машинному разуму — Ты не видишь происходящего?! Не можешь оценить правильно степень угрозы?! Мне нельзя здесь оставаться! Надо бежать!

— Возможно агрессию вызвало упавшее транспортное средство, а не вы, мисс Окси. Мы не знаем степень осведомленности местных жителей о современных транспортных средствах…

С неожиданностью прихлопнутой к окну ветром мокрой бумаги к стеклу приникла оскаленная бородатая рожа, вгляделась внутрь и, рассмотрев зажатую ремнями пассажирку, восторженно загоготала, орошая стекло бурой слюной. Подпрыгнув, он залетел на прозрачную крышу машины и упал ничком, тут же принявшись долбиться пахом. Мелкие темные вздутия на его коже лопнули. На крышу потекла бело-черная слизь, а безумец продолжал колотиться о машину всем телом, показывая, что сделает с пассажиркой, как только сумеет вскрыть упавшую машину.

— Трахну! — приглушенно провыл бородатый и с силой врезал лбом о стекло — Я оттрахаю тебя! Оттрахаю!

Машину качнуло, когда в ее левый бок ударились еще три нагих мужских тела. Всколоченные волосы и косматые бороды, потемневшая от химикатов кожа, безумная ярость в гноящихся глазах и оскаленные черные зубы. И все это в красном свете аварийных вечнолетов и под аккомпанемент дружного злорадного воя. Сумасшедшие шакалы радовались падению на их территорию подарку…

— Конфетка! — выкрикнул крайний справа — Сочная конфетка! Хочу! Хочу! Хочу!

— Я первый! — прорычал мужик сверху и ударил кулаком о крышу — Я первый ее трахну! И первый ее вскрою!

— Я готов и с дохлой! — проскрипел самый старый и худой из уих, выглядящий так, словно он только что вылез из ямы полной токсичной кислотной грязи. Изъеденными грибком ногтями содрав с щеки целый пласт кожи, он запихнул его в рот и, чавкая, повторил — Я готов и с дохлой… Присуну ей жестко… глу-глу-глубоко…

— Тихо! — заорал верхний и как только все заткнулись, прижался лбом к прозрачной крыше, взглянул на сжавшуюся под ним в кресле перепуганную девушку и ласково попросил — Откройся, конфетка.

Она не ответила. Сжавшись в комок, с трудом ворочаясь под сдавливающими ее ремнями безопасности, она медленно какую-то пластиковую штуковину под подлокотником, пытаясь вырвать ее из креплений. В глаза облепивших ее машину ублюдков она старалась не смотреть. Не потому, что это могло спровоцировать их на еще большую агрессию. Нет. Больше уже некуда. Как только она попадет им в руки… они исполнят все свои жуткие обещания. Просто она не хотела показывать, насколько сильно испугана. Животный ужас сдавил ей горло, подрубил колени и уронил тонну веса на грудную клетку. Каждый вдох приходилось силой загонять в легкие, от бушующего в крови адреналина трясло и только это отгоняло от глаз темную пелену и не позволяло ей

свалиться в глубокую бессознанку.

— Внимание! — автопилот наконец-то ожил и в его искусственном голосе звучало дружеское осуждение — Джентльмены. Представьтесь.

С дурашливой готовностью козырнув, бородатый нырнул вниз, через секунду снова показался в окне и с силой ударил в стекло топором. Оружие со звоном отскочило.

— Представьтесь — повторила машина.

Ответом стало еще четыре удара. А следом удары обрушились на упавший флаер уже без счета. В каждый замах и удар они вкладывали все свои силы, раскачиваясь тощими голыми телами, скользя в грязи, порой падая и тут же подскакивая, чтобы с воем нанести еще один удар топором в стекло, что отделяло их от такой сладкой золотой конфетки.

— Ее кожа чиста! — простонал стоящий на крыше вожак — Такая белая… такая чистая… Я срежу ее! И отнесу своей леди! Да!

— Она обрадуется, Джек! — проскулил самый тощий и старый — Она пришьет белизну к себе! Так что срежь побольше, Джек! Срежь побольше! А я присуну и ободранной! Так даже лучше… глу-глу…

От услышанного у нее добавилось сил, и пластиковая хреновина с треском поддалась. С трудом удерживая ее в онемевших от запредельных усилий пальцах, она вытащила ее из-под кресла и поднесла ближе к глазам. Судорога разочарования передернула ее красивое лицо. Она сжимала что-то вроде граненого пластикового карандаша с парой непонятных креплений и несколькими проводками, торчащими из одной стороны. Этим не защититься даже от крысы. Хотя… внимательно изучив отломанную сторону, она вдруг широко и полубезумно улыбнулась. Что ж… эта хреновина достаточно острая, чтобы прорвать кожу и артерию на шее. Подняв другую руку, она ощупала себе шею и тут же наткнулась на часто пульсирующую реку жизни, что скрывалась под ее мокрой от пота кожей. Если с силой воткнуть и хорошенько поелозить зазубренным обломанным концом, есть неплохие шансы порвать артерию и быстро истечь кровью. Милосердная смерть. Настоящий небесный дар, если сравнивать с медленной агонией во время группового изнасилования на кислотной грязи, а затем прижизненное обещанное свежевание и новый половой акт некрофилии…

Машина продолжала что-то бубнить, но ее уже никто не слушал. С треском одно из боковых стекол поддалось. По нему протянулось несколько длинных трещин. Радостно хрюкнув, один из грязнуль повторил удар и трещины стали шире. Крепче сжав

пластик в руке, она отвела рук, приподняла лицо, чтобы натянуть кожу на шее, с шумом выдохнула, собираясь с духом и глядя на снова занесшего топор ублюдка… Вот и пора умереть…

— А столько планов было — с тихой усмешкой произнесла девушка, лежа в кресле.

— Ремни высвобождены — прошелестела машина и сдерживающие одинокую пассажирку путы ослабли.

— Да пошла ты! — выдохнула девушка.

Со звоном стекло разлетелось на куски, и четверка снаружи зашлась радостным воем. Мощной тошнотворной волной в салон ворвалась болотная и химикатная вонь.

Ликующий вой ублюдков длился несколько секунд, а затем превратился в ожесточенную свару, когда один из них первым сунулся в разбитое стекло, тяня руки к женскому телу.

— Она моя! — взревел вожак с крыши машины — Убью!

— Не гневи Флукса, Боллгс! — прохрипел самый старый — Ты не вожак! Он вожак. Его право! Его право! Его…

Девушка почти нанесла себе смертельный удар — потенциально смертельный, ведь надо еще попасть — но остановилась, услышав хлесткий звук выстрела, а затем увидев, как бормочущий что-то косматый старпер крутнулся вокруг себя и рухнул, выпустив из башки кровавый фонтан.

Еще три выстрела. И еще три трупа. Последним умер вожак с крыши — упав на прозрачный материал, он судорожно дернулся пару раз и затих, глядя на не доставшуюся ему конфетку застывшим огорченным взглядом. Из перекошенного безвольного рта потекла кровавая слюна, смешавшись с разводами гноя и грязи.

С шумом выдохнув, окончательно переставшая что-то соображать из-за сваливающегося на нее шока, девушка замерла в кресле, изо всех сил сжимая свое единственное оружие. Она ждала… сама не зная, чего именно. Это мог быть как спаситель, так и просто получше вооруженный насильник и убийца. Какой-нибудь живодер, что сотворит с ней столь страшное, что она и представить себе не может…

Ждать пришлось недолго. Рядом с машиной скользнула быстрая тень и мгновенно исчезла. Затем она мелькнула уже, с другой стороны, снова пропав из виду. И наконец в разбитом окне возникло уродливое раздутое рыло, взглянувшее на нее налитыми кровью огромными глазами. Она сначала закричала — сдавленно и беспомощно — и только потом поняла, что видит перед собой продвинутую защитную маску, прикрывающую лицо незнакомца. Именно незнакомца — даже не видя фигуры, она остро проявившимися инстинктами поняла, что смотрит на

мужчину.

Оглядев салон, незнакомец щелкнул парой креплений под подбородком и поднял маску, открывая лицо. На пассажирку взглянули еще молодые умные и жесткие глаза хищника.

Сейчас он скажет ей что-то успокаивающее и теплое…

— И че ты тут делаешь, дура тупая? — поинтересовался незнакомец…

Глава 1

Грязь.

Черная грязь, что по запаху больше походила на высранную больным гиппо слизь, а затем в этой же луже он сдох и сгнил. А теперь я, еще ни хера не понимая, пытался выползти из этого гребаного дерьма, вытягивая себя на локтях из вонючего болота. Накатывавшие сзади волны, бившие в спину, накрывающие с головой и заставляющие выкашливать горькую соль, остались в прошлом. Больше нечему было смывать с меня налипшее дерьмо, и я просто полз почти вслепую.

Я по-прежнему ни хера не понимал. Но меня это не останавливало. Подо мной кто-то то и дело дергался, пытался ускользнуть или зарыться поглубже в грязь. Ну да… кому-то дерьмо, а кому-то естественная среда обитания.

Вскоре обессилевшее тело шепнуло, что не сможет преодолеть больше ни метра. Я согласился с этим выводом и прополз еще метров двадцать по топкой грязи. Высокомерный мозг проскулил, что все лимиты исчерпаны и надо просто лечь, расслабиться и отдаться судьбе. Я согласился и с этим мозговым высером, а затем прополз еще метров десять, если я все еще был в состоянии правильно оценивать преодолеваемое расстояние.

Еще один уже совсем вялый рывок… и я окунулся с головой. Но окунулся не в черную грязь, а в мутноватую, но все же воду. Соленую теплую воду, в которой я наспех и через боль отмылся, выдергивая из порванной кожи колючки и куски кораллов. Голову и глаза я промыл в первую очередь, но толку ноль — мутная пелена не желала рассеиваться, и я видел максимум на полметра впереди себя. Продвинувшись дальше, я нашел местечко попрохладней и почище, где и замер на следующие полчаса, приказав себе не думать о терзающей меня жажде.

Сколько я уже не пил?

Эй, гоблин! Какого хера?! Я же сказал — не думай о воде! Она тебе не нужна.

Вскоре зрение вернулось ко мне в достаточной мере, чтобы я смог разглядеть что-то подальше собственного хера. Оставаясь неподвижным, пытаясь восстановиться хотя бы частично, я, давая в зародыше любую поспешность, занялся всматриванием и внюхиванием в окружающее пространство.

Запах говна и падали. Это норма.

Запах вывернутых с мясом кишок. Это тоже норма.

Запах загнивших сладких фруктов. Сильно загнивших. Тоже норма.

Едва уловимый запах дыма и жареной плоти. А вот это повод нехило так насторожиться…

Охладившись и отдохнув, вновь почувствовав боль от каждой ссадины и раны, я неспешно покинул песчаную яму с мутной водой и двинулся по широкому светлому пляжу, выглядящему так, как и должен выглядеть нормальный мать его пляж — херова туча разбросанного повсюду древесного мусора, уйма непуганой живности, охерело смотрящие на меня плачущими глазами огромные черепахи, пара воняющих трупов животных и трахающая какой-то орех мартышка. Вот ради это все и затевалось, верно?

— Эй, мохнатая — прохрипел я замершей в испуге мартышке — Продолжай. Только не сильно. А то эволюционируешь нахрен…

Бросив недотраханный орех, мартышка взлетела по стволу пальмы и уже с верхушки дерева гнусаво заорала. Покосившись на истекающую влагой ореховую искусственную мартышкину самку, я поплелся дальше, укоризненно хрипя самому себе:

— Ты сдохнешь от гордыни, гоблин. Мог бы и попить…

Упал я шагов через пятнадцать, приземлившись на мягкий песок и тут же подтащив к себе пару крупных орехов. В руке сам собой оказался нож. Умело провинтив по паре дырок в каждом из орехов, я завалился на спину и поднял первый из них над широко разинутым ртом. Пока в рот по капле вливалась животворная влага, пересохший мозг для чего-то размышлял о слишком большой крупности и тонкости покрова этих орехов. Наверняка это один из ранних гибридов, что должны были помочь справиться с глобальным голодом в начале эпохи Заката…

Мозг продолжал что-то там думать, но примитивная его часть предпочитала действовать. Я выпил каждый из найденных под пальмой орехов, а затем раздолбил парочку подобранным камнем и выжрал белую хрусткую мякоть. В голову и тело потекла… жизнь. По-другому это ощущение не назвать. И чем дальше от желудка и кишок расползалась волна жизни, тем больше ресурсов заново подрубалось в организме. Бодрости и сил особо не прибавилось, зато я глянул вверх, оценил количество висящих прямо над моей тупой башкой орехов и предпочел перебраться чуть в сторону и улечься под длинным толстым корнем. На мелких древесных скорпионов и огромных зеленых жуков я внимания обращать не стал. Вытянувшись, я позволил тренированному телу заняться частичным восстановлением, в то же время начав вспоминать какого собственно хера я делаю на этом райском пляжу в десятке шагов от дохлого дикаря с деревянным мечом в жопе. Меч не мой. И перекошенную рожу

дикаря не узнаю. Но лучше покопаться в памяти…

Хотя че там копаться?

Стоило задаться этим вопросом, и ожившая память тут же выплюнула в меня сплошной и ровный поток данных, который закончился скомканным и зажеванным обрывком рваных воспоминаний.

«Рваная» зона начиналась с момента, когда я в экзоскелете ушел под воду Формоза. Вода сомкнулась над уставшей башкой… и все воспоминания превратились в какие-то неподходящие друг к другу осколки. Помню, как я сначала шагал, а затем уже бежал по каменистому дну, обходя затонувшие поваленные небоскребы, мертвые или полумертвые жилые подводные купола — еще один выкидыш последних попыток гармоничного выживания на отторгающей нас планете. Потом темнота… А следом память вытягивает из себя дрожащую картинку того, как я отстреливаюсь от преследующей меня тройки ублюдков на тяжелых подводных экзах. Двое многоногих способны передвигаться только по дну, третий похож на ската, но не обладает таким запасом торпед… Я получаю несколько серьезных попаданий, но броня Гадюки держит. Пока что держит… я калечу двоих из троих и отрываюсь от них среди песчаных подводных дюн, в то время как индикаторы батарей уже в красной зоне…

Темнота…

И вот я с яростью голодного гоблина поочередно колочу ржавым гаечным ключом по шипастому панцирю огромного моллюска и заклинившему открывному вентилю торчащего над водой круглого стального люка. В потрескивающем передатчике кто-то хрипло орет, умоляя меня не лезть к нему и обещая откупиться просроченными галетами и инсектобелком высшей категории. Разряженный экз лежит на мелководье где-то в километре от остатков древней дамбы, превратившейся в разрозненные островки. В шаге от меня подыхающий загорелый абориген со сломанным хребтом и забитым в глотку гребаным бумерангом.

Темнота…

Я убегаю. Меня преследует невероятно странная хреновина, внешне выглядящая как огромный комок бурых водорослей с торчащими из него короткими толстыми щупальцами. Несмотря на хреновый набор конечностей, по суше тварь двигается быстрее бегущего человека. Но я гоблин. А рядом красная бамбуковая роща. Можно легко оторваться. А еще можно соорудить бамбуковое копье и попытаться отыскать у этой твари сердце или жопную артерию…

Темнота…

Бреду. Падаю. Отбрасываю в сторону дробовик со сплющенным стволом и прилипшими к нему мозгами. В руке намертво зажат пустой револьвер, за поясом последний оставшийся нож. За моей спиной кто-то надрывно воет, проклиная свою судьбу и умоляя выпавшие кишки забраться обратно. Миновав зону липкой грязи, я опять ухожу в мелководную зону океана, сверяясь с показаниями закрепленного на руке начавшего подмокать компаса…

Темнота…

Долгая темнота… или не слишком долгая… Тут хрен поймешь.

Но вот он я здесь — истощенный, грязный, почти голый и крайне злой валяюсь под кокосовой пальмой. Время предзакатное, но до темноты еще как минимум пара часов. В длинной ране на правом предплечье ползают тонкие красные черви. Серьезно болит поясница справа, ноет правое же колено, над левым ухом хорошая шишка, а правая бровь вспухла и рассечена, но уже заживает.

Провалы в памяти воспринимаются нормально — я помнил, как вкалывал себе дозер за дозером. Помнил, как игнорировал сами собой вылезавшие перед глазами системные сообщения, что раз за разом становились сначала все гневней, а затем резко сменились на панически увещевающие.

Лежа под пальмой, чувствуя, как в обожжённую солнцем кожу спины въедается соленый песок, я радостно скалюсь в виднеющееся сквозь зеленые ветви небо. И я знаю — провалов в памяти не будет. План выполнен. Выполнен как минимум частично — вряд ли я уже нахожусь там, где планировал оказаться.

Почувствовав, как подпинываемая голодом волна бодрости докатилась до каждого пальцах но ногах, сняв с них омертвелую бесчувственность, я заставил себя сначала усесться, а затем заняться самым главным для гоблина делом — выживанием.

Хрен его знает кто меня там преследовал, пока я под тяжелой химией уходил от Формоза. Быть может меня никто и не преследовал, а все всплывшие в памяти схватки всего лишь плод оглушенного химией воображения. Но рисковать я не мог. Раз не помню всего досконально — значит, надо предполагать худшее и твердо верить как в само преследование, так и в то, что скоро кто-то из них явится сюда по моему следу. Не знаю сколько времени у меня в запасе, поэтому каждую минуту надо потратить с толком — на поиск жратвы и воды. После чего надо уйти подальше и отыскать временное убежище, чтобы отключиться на несколько часов. Все остальное — на ходу и только на ходу.

Для чего я едва не прикончил себя отключающей активное сознание химией?

Ответ прост — чтобы действовать исключительно на инстинктах, имея при этом заранее выбранную неоспоримую цель. В моем случае это была точка на карте, куда я все эти дни и двигал напролом. Сначала в экзе, потом уже на своих двоих. Хотя вроде как помню, что меня подвезла какая-то огромная рыбина… Но это уже скорей галлюцинации.

Зачем действовать на тупых, но надежных первобытных инстинктах животного?

Ответ еще проще — потому что я себе не доверял.

В те последние дни на Формозе я все глубже и глубже погружался в продолжающие всплывать рваные воспоминания далекого прошлого, а заодно продолжал размышлять, проводя немало часов в одном из кресел зрительского зала высотного театра Хрустальный Факел. И чем больше занятных и наверняка правдивых картинок из прошлого я вспоминал, суммировал и перерабатывал в своем ушибленном мозгу, тем больше нехороших чувств у меня возникало. Параллельно с этим я мысленно проходил весь свой недавний путь заново — с того самого момента, как я проснулся в мокром тупике стального подземного лабиринта.

Так я набрал целый ком того, что раньше просто не замечал или по какой-то причине намеренно игнорировал.

И едва я это понял, как тут же наткнулся на таранное противоречие, которое с такой силой шарахнуло меня в тупой лоб, что я едва не кувырнулся назад с театрального кресла. Осознав главное, я понял, что не могу доверять даже себе самому. При этом я сумел промолчать и оставить свои выводе при себе.

А как только я решил сохранить эту тайну в мрачных глубинах искалеченного разума, как… тут же вспомнил о ней.

Я вспомнил ее. Болтливую наивную тупую дуру. Мета Окси. Новомодное имечко ей дали родители. Фамилию она выбрала сама, сменив ее уже в зрелом возрасте. В свое время я знал о ней вообще все — даже самые потаенные пристрастия в сексе, которые частенько претворял в жизнь к нашему общему удовольствию. Хотя не сказать, что я фанат траха в падающем с выключенными двигателями флаере. Но эта страсть у Окси возникла как раз после того почти фатального приземления и явления голых бородатых дебилов. В ту ночь я несколько часов тащил ее через кислотные заболоченные пустоши до своей машины.

Вообще это был мой день рождения, и я справлял его, отстреливая обитающих в мертвых болотах ублюдков, регулярно

совершающих набеги на еще живые поселения к западу. Есть ли более шикарный подарок чем отстрел долбанных детоубийц и насильников по одному за каждый уже прожитый год моей жизни? Хотя я настрелял их куда больше в те сутки одиночества, размышления, брожения по мертвым дюнам и стрельбы навскидку. Я уже устал и у меня заканчивались дыхательные фильтры в маске, поэтому решил, что пора возвращаться. Но увидел сначала падающую машину, мигающую всеми огнями так яростно, словно это и был мой главный подарок на день рождения. Вот я и решил проверить. И ведь не ошибся — подарок оказался хоть куда-то. Сначала я затушил четыре бородатые живые свечки, а затем распаковал коробку и увидел свой подарок — дрожащий, перепуганный и очень красивый.

Окси на самом деле была дурой. Восторженной, верующей в людей дурой и яростно ненавидящей все машинное, если там есть хотя бы намек на холодный искусственный разум.

В то предрассветное время, когда я добил семерых еще дышащих придурков, что пытались взломать мой поставленный на особую сторожевую программу флаер — калечить, но не убивать — и был занят промыванием ее полученных по дороге ожогов, она не затыкалась. Слова лились из нее сплошным мать ее потоком. В жопу точки — там не было даже запятых или хотя бы секунды на перевод дыхания.

Еще до того, как мы взлетели я уже знал куда она летела и зачем, с кем планировала встретиться, кого и каким способом пыталась убедить и с какой глобальной целью. Досказав, она наконец-то ненадолго замолчала, а я зашел в долгом приступе хохота, в то время как машина на автопилоте стремительно набирала высоту. На ее уязвленный яростный взгляд я внимания не обращал. К тому же ей было трудно выглядеть злой при ее то ангельской внешности и с огромным пакетом вишневого компота в дрожащих грязных руках. Я перестал смеяться, когда компьютерные системы флаера холодно оповестили, что к нам приближаются две неопознанные машины на недоступных для гражданских средств передвижения скоростях. Это побудило меня взяться за руль и отнестись к словам Окси с куда большей серьезностью. За мной никто не должен был явиться — во всяком случае так рано — а вот падение ее машины над полными отморозками дикими пустошами выглядело странно хотя бы потому, что такие машины вообще не должны были падать как брошенный камень.

В ту ночь я сбил обоих преследователей, а затем ушел в облака, связался со знакомым капитаном частного старого стратосферного дирижабля и следующие три недели мы провели

у него на борту. Там я и познакомился с Окси поближе — как с ее шикарным телом, так и с ее бредовыми идеями. Попутно я собирал данные, бросая людей расследовать и тянуть за ниточки, вскоре выйдя на организаторов покушения и удивившись тому, как высоко они сидели.

Самой Окси я ничего рассказывать не стал. Просто как-то ночью, после приятного вечера и двухчасового ленивого сексуального забега, когда она растеклась по мокрым от пота простыням и затихла, я неслышно поднялся, снарядился и ненадолго покинул борт приютившего нас дирижабля. На следующее утро электронные таблоиды пестрели новостями о почти одновременной гибели трех человек из верхушки одной довольно важной строительной корпорации. После этого корпорация получила куда более хреновое управление, быстро пошла ко дну, но ее перехватил в падении и поглотил Атолл.

А Окси…

Я помог ей. Помог ей во всем. Потратил вообще все свои уже немалые к тому моменту средства, причем платя за все в два, а то и в три раза дешевле запрошенной цены. Я умел уговаривать. Когда мои деньги кончились, я начал выбивать из банд и мелких картелей, со своим отрядом мотаясь на транспортнике по умирающей планете.

Где-то через год мы расстались. Все было мирно — просто мы исчерпали то немногое личное, что могли дать друг другу. У каждого из нас были куда более важные цели и на этом пути не должно было быть никаких помех.

И когда мы виднелись последний раз, я пообещал ей, что всегда помогу — пусть только позовет. Она кивнула, принимая мое обещание с той очаровательностью, какой обладают только умные красивые женщины. И в свою очередь она тоже кое-что пообещала. Причем ее обещание было куда серьезней — Окси обещала помочь даже в том случае, если ее самой уже не будет в живых. Неважно когда. Надо просто явиться к границам ее земель и произнести одну короткую фразу-пароль — любому из ответственных. И мне обязательно помогут.

Что ж… я никогда не думал, что этот момент настанет. Но спустя сотни лет вот он я — полуголый израненный беглец оборванец бодрым хромым аллюром двигаюсь к месту, что в те времена было известно как Земля Окси.

Да…

Как-то так…

Знал ли кто-то из моего отряда там на Формозе о моей конечной цели?

Нет. Не знал. Они были в курсе некоей долгой моей вылазки

в режиме соло. Но более того.

Почему?

Причина первая — любую информацию можно выудить из головы даже самого стойкого солдата. Все мы когда-нибудь и на чем-нибудь сломаемся и расскажем все без утайки. Поэтому лучше не знать лишнего.

Причина вторая — там же в большом и пустом театральном зале Хрустального Факела, наблюдая за патрулирующими и сражающимися группами из моего отряда, я вдруг понял, будто мне кто-то это прошептал на ухо, что как минимум один из моих приближенных является засланным. Это поняла какая-то часть моего старого разума. Но большего подсознание не сообщило, выдав лишь стойкое подозрение. Возможно я заметил какие-то детали или собрал в кучу какие-то внешне обычные вопросы из числа задаваемых мне. А может это были какие-то лишние секунды у кого-то из них в медблоке или кто-то на пару минут дольше обычного задержался на зачищаемом этаже… А может я просто вконец ошизевший параноик, готовый уже бросаться на своих. Не знаю… Даже не уверен в количестве — злобное гоблинское подсознание шепчет, что не может доверять как минимум двоим, хотя и не собирается называть имен…

Ладно… ладно…

— Ладно — пробормотал я, опускаясь на колено и подбирая еще один крупный кокосовый орех — Пока главное не сдохнуть, гоблин. А там дальше разберемся…

Глава 2

Источник маняще вкусного запаха я отыскал быстро.

Хотя их и искать не надо было — пятерка грязнуль устроила пикник у обочины прорубленной сквозь заросли дороги. Расположились они с полным удобством, а судя по окружающему их пространству, в этом месте они останавливались часто. И растительность тут вырубали тоже часто, не давай ей подняться слишком высоко и перекрыть видимость. В центре высвобожденной зоны стояла пара крепких навесов, крытых побуревшими длинными листьями. Между навесами дымил костерок, на подвешенной к вбитой жерди веревке покачивалась выпотрошенная свинка. Трое отдыхали на низких широких нарах, еще двое сидели у костра и были вооружены. Винтовка и дробовик висят на ремнях за спиной, болтаясь у самых поясниц. В песок воткнуты мачете, еще несущие на лезвиях зеленый сок. Чуть в стороне, но не слишком далеко, над большими охапками травы медитируют два осла. Рядом с ними странноватая двухколесная повозка с колесами высотой в мой рост. Разумно — такие колеса пройдут через любую грязь и не завязнут. Хотя вряд ли это транспортное средство можно назвать скоростным… На повозке навалены различные по размеру мешки, перехваченные у горловин веревкой. Несколько небольших мешков то и дело шевелится, под грубой тканью что-то будто перекатывается в попытке выбраться. Змеи?

Двое сидящих у костра о чем-то лениво разговаривали, но я находился шагах в пятнадцати, а говорили они тихо, поэтому я не услышал ничего кроме смеха.

Мне хватило минуты, чтобы оценить все условия предстоящей задачи по ликвидации троих, захвату двоих и последующему допросу. Услужливый опытный мозг злобного гоблина с готовностью предложил десяток не требующих особых усилий планов действий. Отбросив их все, я выпрямился, вышел из укрытия и спокойно зашагал прямиком к костерку, задумчиво гадая кто из них заметит меня первым.

Бублик наблюдательности был завоеван серым ишаком, заметившим меня первым и издавшим странноватое короткое взревывание. Сидящий к нему лицом уже немолодой лысеющий мужик вздрогнул от неожиданности и недовольно рявкнул:

— Заткнись, чертов бурро!

Сидящий напротив него узкоплечий парень увидел меня вторым и среагировал неправильно, предпочтя остаться сидеть и даже не схватился за оружие.

— Пабло! — окликнул он продолжающего ворчать лысеющего — Пабло…

— Давно пора пустить старичка на острую чоризо — не унимался тот.

— Пабло!

— Упрямый как моя жена! Норов как у…

— Пабло!

— Да погоди ты!

— Пабло! — рявкнул я, остановившись в трех шагах за его спиной — Хватит ныть!

Охнув, Пабло подпрыгнул, завалился на бок и только затем попытался схватиться за приклад оружия.

— Уймись! — буркнул я, усаживаясь на пустующий пень и устало роняя руки на колени — Я пришел с миром. Пока что…

— Хола, сеньор — держа руки на виду, парень у костра приветливо кивнул и, сменив выражение лица, укоризненно глянул на ворочающегося в пыли — Мы ведь не пугаем таких как он, Пабло!

Тот что-то прокряхтел, медленно поднялся на колени и криво улыбнулся. Улыбка предназначалась мне и легким кивком я дал понять, что увидел, принял и все такое, но к оружию не тянись. Спящие уже очнулись — неудивительно после поднятого эти двоими и умным ослом шума — усевшись, но тоже не торопясь хвататься за оружие или что-то говорить.

Все выглядело так, будто эта пятерка оборванцев не в первый раз встречают кого-то похожего на меня. Хотя за вычетом штанов и огнестрела я мало чем отличался от них внешне. Из пятерых двое смуглокожие и черноволосые от природы, один чернокожий, беловолосый и он же самый здоровый, еще двое просто загорелые светловолосые мужики средних лет. Они не бойцы — это видно сразу. Но все же чувствуется, что в случае чего долго думать не станут и сразу спустят курок. Вот только скорей всего привычная для них цель все же не двуногая, а четырехлапая добыча вроде хищников. Это говорило о многом.

— Хола — ответил я, когда бесцеремонно оценил и осмотрел каждого.

Эта затянувшаяся пауза никого не смутила — все это время пятерка внимательно изучала меня. Особенно их впечатлила моя мускулатура и количество шрамов. Меньше всего они смотрели на лежащие на колене нож, а вот крепкие ботинки привлекли немало внимания.

— Таких как он? — я с трудом удерживался от усталой зевоты.

Может и следовало чуток отоспаться, но тогда был риск, что

эти пятеро покинут лагерь. А это именно лагерь, причем охотничий. И на той повозке собрано немало добычи, причем часть из нее все еще жива. Это снимало множество вопросов о профессии оборвышей, заодно давая информацию о крайней скудности их заработка. Но они не подневольные — это всегда ощущается сразу. Они считают себя свободными. Нищебродными, но свободными как ветер. Что ж — я с раннего детства разделяю эти убеждения. Я вырос в заброшенном небоскребе торчащего из умирающего океана. Мы всегда голодали, носили лохмотья… но мы были свободными. Когда большинство из нас убили засланные наемники, а выжившие угодили в чудовищный детский дом… вот тогда я понял, насколько ценна была свобода, которую я раньше даже не осознавал.

— Таких как ты, сеньор — осторожно улыбнулся Пабло и, нащупав заднией бревно, уселся на старое место. Глянув через плечо, он велел одному из проснувшихся — Алан! Тащи сюда остатки маисовой каши! — снова повернувшись ко мне, он улыбнулся чуть шире — Голоден, компаньеро?

— Голоден — признался я — Вода есть?

Легким движением ноги, я сбросил нож с колена, и он воткнулся в потрескавшуюся ногу у моей ступни. Мой нехитрый фокус чем-то настолько впечатлил молодого парня, что он аж в ладоши пару раз хлопнул, но стушевался под суровым взглядом Пабло.

— Ты мирный и спокойный да, амиго?

Своими вопросами лысеющий Пабло показал, что он тут главный, доказав это прямо сейчас выполняющимися распоряжениями. Еще он чем-то отдаленно был похож на молодого парня. Кровное родство. Я уже решил, что если они только прикидываются охотниками, то я оставлю Пабло и того парня в живых, чтобы потом пытать молодого на глазах старого. Ну и вон того чернокожий тоже еще поживет, но без обеих рук и одной ноги. Он тут самый сильный и грозный и когда таких как он альфа самцов превращают в беспомощный агонизирующий мусор, у остальных это вызывает шок и горячее желание сотрудничать.

Но пока все выглядит так как есть. Пятеро оборванных свободных охотников, что сделали временную передышку рядом со старой и регулярно вычищаемой дорогой.

— Я мирный — подтвердил я — Такой мирный, что аж блевать хочется. Нарисовать ромашку на песке?

— Че?

— Вода говорю есть?

— Ах да! Конечно! Просто твои эти, сеньор…

— Мои эти?

— Мышцы, шрамы… глаза… — Пабло очень осторожно подбирал слова — У мирных людей таких не бывает.

— Глаз не бывает?

— Ты понимаешь, о чем… Послушай… не подумай, что я выспрашиваю у тебя ради хитрости какой-нибудь. Я не такой! Мой племянник Тьяго тоже не такой. Да и остальные нормальные парни — Алан, Дима и Чан. Я ведь почему спрашиваю — вдруг рядом есть кто-то еще, но боится выйти или держит нас на прицеле…

— Я один — коротко ответил я, принимая большой кожаный бурдюк от чернокожего названного Димой.

— Один… — повторил Пабло — Скажи… ты ведь не собираешься нас всех убить?

— Не собираюсь — ответил я и, прищурившись, глянул на лидера охотников — Но кто сказал, что я не лгу?

— Мы стараемся верить людям — широко улыбнулся Пабло — Ведь все люди добрые!

Я поперхнулся вливаемой в глотку водой и с огромным трудом добил последний глоток. Столь же невероятным усилием воли заставил себя промолчать и продолжил вливать в себя чужую воду. Таким как этот уже немолодой охотник бесполезно что-то доказывать. Можешь на его глазах убить его же племянника… так он просто уйдет в запой на пару дней, а затем вернется к убеждению, что все люди полны душевного добра и пердят исключительно фиалками. С другой стороны его убеждения более чем практичны и если кто попрет с ножом — его просто пристрелят, но затем похоронят и выпьют над могилкой придурка пару стопок самогона, не забыв сказать несколько слов о добром сердце отморозка.

Короче говоря — эту железобетонную стену не проломить никакими доводами. А я и не собирался. Я просто продолжал собирать информацию из любого источника. И лучше всего это делать не расспросами, а вот так вот приглядываясь, прислушиваясь к чужим разговорам, ловя обрывки фраз и наблюдая за поведением при той или иной ситуации. Напившись, я налил чуток воды в пригоршню и умылся. Содрать хотя бы с хари остатки солевой корки — уже неплохо.

— Позволь заняться твоими ранами? — мягкий, даже слишком мягкий голос принадлежал чернокожему амбалу, что осторожно подошел и присел неподалеку, показывая открытый деревянный ящичек с десятком разномастных бутылочек и склянок. Еще там имелся ворох серых бинтов и какие-то инструменты.

Я молча кивнул и вытянул зараженную червями руку, отметив, что на нее он и смотрел, безошибочно определив самую проблемную область. Обменяв бурдюк на деревянную потемневшую тарелку, впитавшую в себя остатки сотен трапез, я занялся кукурузной кашей, сдобренной каким-то маслом, и не останавливался, пока не съел все подчистую.

— Еще есть? — поинтересовался я, облизывая деревянную ложку.

— Найдется, сеньор. Сейчас подадим.

— А мясо?

Охотники заулыбались:

— О! — Пабло часто закивал — Конечно! Гисо де серпенто будешь? Но для голодного желудка оно тяжеловато…

— Буду — кивнул я.

На этот раз тарелка была глубже и больше. Этакое корытце полное кусочков мяса, корешков, порубленных листьев и желтоватых корнеплодов. Все это пахло сильно и пряно, ясно и четко заявляя о своем диком происхождении. Каждый ингредиент был собран здесь в дикой сельве, а не выращен где-нибудь на ферме. Прекратив изучать блюдо, я принялся за еду, в то время как чернокожий Дима с помощью тонкой деревянной палочки, предварительно тщательно смоченной в чашке с каким-то алкоголем, доставил из моей раны дергающих жирных червей, бросая их в костер. Глядя как одна из гнид, судорожно дергается на горячем булыжнике рядом с огнем, не понимая, что ее жопа — или харя — уже приварилась к камню — я задал главный вопрос:

— Где я? — чуть подумав, добавил еще пару вполне себе обычных для выползшего из океана бродяги — Как далеко ближайшее поселение? Кто тут главный?

— Главный у нас? — удивленно моргнул паренек и указал на своего родственника — Пабло говорит — мы делаем.

Досадливо поморщившись, лысеющий глянул на племенника и со вздохом покачал головой. Тот понял, что сказал что-то не то и виноват поник.

— Ближе всего к нам поселение Муро Фуэрте — мы все оттуда родом. Ты не назвал своего имени.

— Оди — ответил я.

— Оди — повторил Пабло — Короткое имя… но звучное… Скажи, Оди — ты хочешь отправиться с нами в Муро Фуэрте?

— Ага — кивнул я и отправил в рот еще одну ложку змеиного рагу — Хочу.

— Тогда чуть подлечим тебя — и отправляемся. Ослы уже отдохнули, колесо починено, а еще живую добычу не стоит томить духотой и голодом — иначе потеряем в и без того

невеликой цене.

— А ее — я указал ложкой на освежеванную свинью — Ее жарить не будем?

— Ты все еще голоден?!

— Ага — признался я, откладывая пустую тарелку — Голоден. Хочу мяса. Жареного жирного мяса. Много.

Охотники снова переглянулись и… я снова не уловил от них агрессии, недовольства или жадности. Они просто решали, как им быть, поглядывая при этом на уже темнеющее небо.

— Пожарим над огнем несколько больших кусков — решил Пабло за всех и один из охотников заспешил к подвешенной животине с ножом.

— В темноте опасно — пояснил Пабло, и его рука коснулась висящей за спиной винтовки — Всякое бывает…

— Что бывает?

— Звери… люди… судьба… На дороге может встретиться разное, компаньеро. Ты кушай, кушай… Раз ты один из спасшихся, то жизнь у тебя была куда тяжелее чем у нас. Кушай, Оди… кушай. А на все твои вопросы мы ответим по дороге. Мы ведь люди честные, скрывать нам нечего. Душа нараспашку! — и Пабло зашелся долгим искренним смехом.

— Куда это я попал? — пробормотал я, наблюдая, как толстые черные пальцы удивительно умело зашивают длинную рану на моем предплечье — Или я так и не выплыл?…

Высокая повозка оказалась настоящим примитивным вездеходом, хотя сначала я, глядя на относительно ровную иссушенную почву, никак не мог понять для чего такие большие колеса. Но через пять-шесть пройденных километров местность начала быстро меняться.

Дикие джунгли оборвались разом. А дорога осталась. Но теперь она вела почти через домашний лес. Высокие старые деревья казались чуждыми этим землям. И ведь все они были плодовыми. Тут росли только гибриды — это я понял сразу, хотя в заблокированной памяти не шевельнулось ровным счетом ничего. Я просто знал, что вон то высоченное дерево с раскидистой кроной является модифицированной яблоней с мелковатыми, но обильными крепкими сладкими плодами, защищенными от любых насекомых. В тропических и субтропических краях дерево плодоносит минимум дважды в год. Единственный серьезный недостаток — размеры дерева. Побочный гигантизм исправить не удалось. Зато само по себе дерево крайне живуче, неприхотливо к почве, по расчетам должно жить и плодоносить до четырехсот лет, требует минимум ухода и

обладает третьим симбиотическим порогом — прекрасное достижение симбиогенных лабораторий.

Больше я ничего не знал, но тут память наконец ожила, выдав воспоминание-картинку, где я держу в руках большой электронный планшет с десятками строчек поясняющего текста и там же абзац про запрограммированный симбиоз с муравьями, тлей и особым родом грибов. Короче говоря, такое дерево — идеальный вариант для племени мартышек. И для тех, кто готов подниматься за урожаем на высоту до тридцати метров. Если обосрался при подъеме или спуске — не страшно. Удобрение всегда пригодится. А здесь его хватало, кстати — расползающиеся в стороны старые поднявшиеся корни присыпаны листвой и черной жирной почвой, земля вокруг дерева вскопана. И таких вот ухоженных гигантов тут столько, что небо исчезло из виду из-за их сомкнувшихся крон. В зеленом сумраке гуляет легкий ветерок и температура здесь куда ниже, чем там в прибрежной зоне. Как-то выживающие в этих потемках лианы обвивали стволы гигантов, тянулись между ними и явно были частью устоявшейся экосистемы. Вдоль дороги еще росли свечкообразные высоченные деревья с длинными свисающими листьями — и тянущие повозку ослы то и дело отхватывали себе по куску этого «салата».

— Лучшая еда для ослов! — с улыбкой поведал мне говорливый Пабло, сидящий спереди, в то время как я развалился среди шевелящихся мешков — От этой еды ослы вдвое дольше живут! И силы до глубокой старости сохраняют!

— Круто — кивнул я и покосился на остальных членов охотничьей бригады, которые шли пешком по сторонам повозки и выглядели довольно напряженными — Ты продолжай рассказывать, Пабло. Продолжай…

Тут и начались частые спуски и подъемы — то и дело повозка вкатывались в тянущийся поперек дороги ручей с очень пологими берегами и довольно глубоким руслом. Ослы спускали и вытягивали повозку с помощью подталкивающих охотников, и мы двигались дальше — до следующего рукотворного ручья. Тут целая ирригационная сетка, поддерживающаяся в идеальном состоянии.

Перебив разошедшегося главу охотников, я ткнул пальцем в воды очередного форсируемого ручья и задал резонный вопрос:

— Мостик тяжело построить было?

— Нельзя! — категорично ответил Пабло и поднеся ко рту ладони, подул на них, будто пыль сдувая — Должны окунуться копыта, колеса, ноги, лапы… и даже хвосты! Ну ладно про хвосты это шутка. Ха-ха-ха!

— Ну да — буркнул я, прислушиваясь к несмолкаемому

птичьему ору над головами.

— А скоро дойдем до мелководного поста. Там все вброд пойдем, а повозку под душем специальным пропустим. Там же тебя и служащим на дороге парням представим — такой уж порядок.

— Ага — лениво кивнул я — Яйца птичьи тоже собираете?

— Конечно! Но строго в меру. В прошлую ходу собрали пять сотен ровно! — гордо ответил шагающий рядом Дима — Все продали! Половину отдали в казну. Наша ступица по добычливости одна из лучших во всем Оксидаре!

— Оксидар — повторил я, уже раз тридцать за последние полчаса услышанное название всех окрестных земель, что тянулись от побережья на пару сотен километров вглубь.

Правильный квадрат. Огромный правильный квадрат.

Оксидар.

Достаточно густонаселенная местность с расположенным точно в центре главным городом, десять крупными районными центрами и немалым количеством мелких поселений и хуторов. Ближайшее к нам поселение называлось Муро Фуэрте. Оно находилось приблизительно в пятидесяти километрах от более крупного по населению городка Овентаг, являющегося районным центром. Вся территория, что находилась по направлению от столицы Даррос именовалась Седьмой Ступицей или же седьмым направлением.

Как ты жопой не крути, а от централизованного управления никуда не деться, если только не страдаешь такой неизлечимой хренью как доверие ко всем и во всём. Но такие придурки как правило живут недолго. Остальные же придерживаются правила «правь стиснутой на их яйцах железной рукой и дави сильно! — кроваво-склизкое должно сочиться, не переставая!». Это единственный способ достичь контролируемого, долгого и устойчивого баланса.

Все почти также, как и в любом из миров-опухолей. Но все же не так… Здесь от центра старались держаться максимально далеко. Пабло поведал мне удивительную вещь — в город забирали только тех, кто реально накосячил и нуждался в постоянном так сказать наблюдении, пока убирает улицы от грязи. А еще тех, кто реально там должен находиться — особо умелые медики, к примеру. Но только не руководящее звено.

По здешним правилам любому достаточно крупному управленцу строжайше запрещалось дважды ночевать в одном и том же месте, и он постоянно кочевал из одной ключевой точки в другую. Так четыре дня назад охотничья группа встретилась на одной из главных дорог с человеком ответственным за все

мельницы и амбары южной половины Оксидара. Вот уже двенадцать лет этот бодрый старик жил в дороге, путешествуя на тяжелом фургоне вместе с женой и парой взрослых уже детей, ночуя там, где застала ночь и постоянно курсируя между мельницами и зерновыми хранилищами, общаясь со всеми причастными к мукомольному делу.

Подобная ответственная должность считалась высокой честью, но накладывала океан всевозможных ограничений — причем немало и пожизненных. Никаких посещений ресторанов, например. Полный запрет на обладание личной недвижимостью — кроме той, которую выходящий на заслуженную пенсию управленец получал во временное пользование. И получал он что-то вроде сельского одноэтажного домика на небольшом участке, принадлежащем ему до самой смерти и смерти его жены или родителей. Следом недвижимость переходила к следующему пенсионеру. Вообще ограничений было столько, что владеющий двумя вполне сносными лачугами Пабло чуть слезу не пустил и признался, что однажды ему хотели предложить должность младшего лесничего, но у него хватило ума отказаться. Уж лучше сытая ленивая свобода, чем такое вот вечное движение до самой смерти — это если не снимут с должности на ежегодной проверке… А если вспомнить, что за любой проступок всех, кто отмечен серебряной или золотой бляхой судят вдвое строже, то желание повелевать и властвовать исчезает мгновенно.

Подобную систему здешним землям несколько сотен лет назад даровала сама Леди Окси и с тех пор на любое изменение здешних правил наложено табу.

Бывают ли инакомыслящие?

Как не бывать! С ними поступают просто — выясняют кто воду мутит, отлавливают, собирают ему вещички в рюкзак и дают пинка под зад. Пусть себе идет и разводит долбанную ересь где-нибудь в другом месте. А тут правила и будет править оксикратия, которую поддерживают как низы, так и мучающиеся верхи, включая в себя и всю военную касту. А здешние вояки, кому хоть и запрещено вмешиваться в дела гражданские и чьи прямые обязанности заключаются в защите от врага любого рода, уже трижды устраивали государственные перевороты, проводя массовые чистки и не гнушаясь расстрелами. Последний переворот был лет сорок с небольшим назад и с тех пор все тихо. Пабло тогда был еще пацаном, но он помнил, как догоняли и расстреливали остатки тех, кто пытался спастись бегством.

Негодяи посягнули на святое — на свод правил Леди Окси. Хотели выбить право управленцам сохранять за собой родовую недвижимость.

Вот подонки! Хочешь служить народу — брось все и иди служи!

Как ты можешь отдаться служению, если у тебя мысли о личной зеленой лужайке и о том, где раздобыть денег на починку крыши родового поместья? А вот когда у тебя из личных вещей только старый фургон с парой лошадей, потрепанные штаны и целая куча обязанностей — вот тогда тебя ничто не обременяет и служится особо хорошо. Служится истово и вдумчиво.

А еще правила есть?

Пабло часто закивал и со счастливой улыбкой развел руками. Похоже, он показывал этим жестом объем еще неозвученных правил. Что ж они все лыбятся? Может как и эти ослы жрут какие-нибудь листья особые? Напитанные транквилизатором природным…

Правил много! Есть и те, что касаются приходящих извне. Таких сразу отвозят в один из центров и там разговаривают. Вот о чем именно разговаривают, того Пабло не ведает. Да и никто из его парней тоже не знает. Не их это дело. Но на том дорожном посту мы либо расстанемся, либо им поручат доставить меня до поселения и отвести на площадь, где решаются различные дела. Там же и телефонная будка.

— Будка? — вздрогнув, я ожил и повернул голову к охотнику — Что за будка?

— Ну… кабинка такая со стеклышками и дверкой — удивленно ответил Пабло — А внутри аппарат, а на нем диск крутящийся с дырочками. В каждой дырочке цифра имеется. А пользоваться значит надо аппаратом вот как…

— Кабинка какого цвета? — перебил я.

— Зеленая с красными ромбами и синими линиями идущими волной…

— Ясно — кивнул я — Тогда мне надо к той будке, Пабло.

— Тут не мне решать, компаньеро. На дороге тебя как встретят — там с ними сам все и обговоришь. А наше дело маленькое…

Глава 3

Повозка тащилась медленно — ослы тупыми не были и перерабатывать не собирались. Поэтому нужную точку я увидел загодя и без всякой спешки принялся ее рассматривать.

Блокпост представлял собой очередной навес, чьи опоры стояли на высоких каменных кубах. На этом же основании лежал и крепкий дощатый пол, разместив на себе пару столов, несколько лавок, бочек и прочего барахла. Все сделано вручную — это сразу бросается в глаза. Никакого фабричного производства. Но при этом все сделано с максимальной основательностью, полностью оправдывая выражение «на века». Судя по внешнему виду бревенчатых опор им примерно вчера лет двести исполнилось, и они были готовы простоять столько же — несмотря на тот факт, что навес стоит над широким водным потоком. По обращенной к нам боковой стороне навеса тянулась длинная надпись «Санитарно-ветеринарный пост №23». Ниже надписи болталась вырезанная из покрашенной доски еще одна надпись «Пост вежливого досмотра и чуткой бдительности за пределы родного края».

Охренеть…

Моих ноздрей коснулась вонь замаскированной парфюмом эльфийской жопы…

Кто интересно составлял последнюю гребаную надпись?

От вопросов я удержался, с удивительным трудом сохранив гоблинскую откровенную пасть закрытой. Но харю так перекосило, что усевшийся ровнее Пабло, как раз оглянувшийся на меня, заметил эту гримасу и задал логичный вопрос:

— Что-то не так, компаньеро? Не бойся — тут ничего худого никому не сделают. Парни и девки умные, глупостей себе не дозволяют. Да и строго у нас с этим — смотрящий бдит крепко. С нашим хефе Домиником не забалуешь.

— Хефе Доминик — повторил я, запоминая новую информацию.

Последние часы пути я не задал ни одного вопроса — усталость взяла свое и я попросту позорно отрубился. Отключился настолько плотно, что не осознавал и не слышал вообще ничего и никого вокруг себя. Вздумай меня кто разоружить и связать — у них получилось бы с легкостью. Правда потом я бы их убил за это… а так проснулся и все остались целы. А еще я перекусил завернутым в лепеху холодным мясом, запил теплой водой из бурдюка и был всем доволен. Тело почти восстановилось — по моей оценке я снова мог преодолеть в

достаточно быстром темпе под сотню километров минимум и это по пресеченной местности. А если местность такого вот «щедрого» типа, где есть чем напиться и что сожрать на ходу, то дистанция потенциального марш-броска резко увеличивалась. Но пока такой необходимости не было, и я продолжал валяться среди «живых» мешков и разглядывать приближающийся блокпост.

— Те надписи — пояснил я ждущему ответу охотнику — Нижняя надпись… кто ее составил? Выглядит свежей…

— Надписи? — Пабло недоуменно прищурился, всматриваясь в еще далекий пост — Погоди, амиго… так ты прочел что ли?

— Прочел — подтвердил я.

— Да как ты разглядел с такого расстояния так? — изумился лысеющий лидер бригады, усиленно тря себе веки — Или я уже такой старый, что глаза сдавать начали?

— Я тоже не вижу, тио Пабло — пропыхтел толкающий повозку его племянник — А я вроде пока молодой… Но ту надпись помню почти наизусть. Хорошая ведь. Звучная. Как же там было? А! Уже и прочитать могу: пост вежливого досмотра и чуткой бдительности за пределы родного края! Говорят, на каждом посту такую повесили. А составила ее аюданте Гильда.

— Гильда — повторил я, запоминая еще одно имя — И чья она помощница?

— Так с самого центра она! Кто ж знает чья… но вроде как старшая! А надпись эту года три назад подвесили под навес — улыбался молодой — Сеньора Гильда знает, как защитить простой люд одними лишь словами! Не то чтобы нас притеснял кто — мы других ничем не хуже — но все же душе приятно.

— Ясно — процедил я, делая внутреннюю заметку.

— Так что не так с надписью той? — не мог успокоиться Пабло.

Пришлось пояснить как есть:

— Надпись тупая, разлагающая личный состав и снимающая ответственность с каждой жопы в округе — пояснив, я покосился на Пабло и снова перевел взгляд на навес.

Бурлящие воды омывали его со всех сторон. Добраться до него можно было только вброд, хотя вон там я вижу торчащие из воды камни, образующие цепочку. И это тоже дернуло меня изнутри.

— Это в каком же месте доброе послание аюданте Гильды такое говорит? — охотник медленно заморгал, пытаясь вычленить нужную информацию из внешне столь безобидных слов.

— Пост вежливого досмотра — произнес я.

— И что с этими словами не так? Вежливость всегда нужда! Мы ведь тоже люди!

— Вот! — я наставил на него палец покрытый уже заживающими царапинами — Вот ты уже и начал качать свои сраные права, гоблин.

— А?! Ты чего вдруг, компаньеро? Зачем ругаешься?

— Как только появляется предложение досматривающим проводить осмотр вежливо — как тут же среди досматриваемых появляются недовольные всем и вся. Начинается с того, что не надо выворачивать мешки грубо, продолжается с просьбой не проверять прямо уж каждый мешок, а кончается жалобами в центр и просьбами снять с поста того урода с вечно злой рожей. В результате те, кто отвечает за досмотр, начинают бояться самих досматриваемых и последствий за правильно выполненную работу — и за пределы поста в центр уходит запрещенка и просто любая незамеченная опасная хрень… Поэтому досмотр должен быть досмотром — тщательным выворачиванием каждой жопы наизнанку и осмотром каждой анальной трещины на предмет контрабанды. И при этом посрать какая там будет рожа у досмотрщика.

— Кхо-о-о… вот это ты завернул…

— Завернул — кивнул я — И это только первая часть.

— А вторая? Про бдительность. Здесь что плохого?

— Бдительность должна быть направлена в каждую сторону — ответил я — Враг может ударить не только снаружи, но и изнутри. Любая диверсионная грамотная группа не станет атаковать в лоб, а предпочтет зайти с фланга или с тыла. Или просто обойдет ленивых олухов и уйдет вглубь чужой территории, не вступая в бой и не поднимая шума. Так что смотреть надо в обе стороны, не забывая про скрытое наблюдение с замаскированных постов и регулярное патрулирование.

— Ты кто такой, компаньеро? Че то у меня аж похолодало там болезненно — пробормотал Пабло и хлопнул себя по заду.

— И благодаря такому вот добросердечному тупому посланию все начинает делаться через жопу — продолжил я, чуть привставая и вглядываясь в приметный предмет, что сразу привлек мое внимание и что-то оживил в черной дыре беспамятья — Мало того — в результате еще и виноватых не найдешь! Мы мол смотрели в ту сторону, как и завещало послание Гильды… а враг атаковал с тыла. Мы проявляли вежливость и в результате больное чумой животное оказалось внутри защищенных территорий и начался мор и падеж скота… Но мы не виноваты — ведь мы все делали по висящему над головой предписанию…

— Так кто же ты все-таки такой, Оди?

— Я? Я гоблин… — пробормотал я, усаживаясь — Просто злой гоблин…

Там под навесом было немало крепких парней и девок. Даже визуально они были разделены на два частично смешавшихся лагеря. Четверо в серых распахнутых халатах и такого же цвета бейсболка. И шестеро в военной зеленой с желтым форме. Последние шестеро вооружены автоматическим оружием, и оно пусть не на спинах, но под рукой. Подхватить можно за секунду. На поясах ремни с расстегнутыми кобурами. Все выглядят не отдыхающими, а работающими. За рекой виден удаляющийся небольшой караван из нескольких груженых повозок. Нам до навеса осталось метров десять и мы все уже меряемся гляделками — причем на меня смотрят почти все из них, хотя голый торс прикрыт чьей-то просторной старой безрукавкой. Чужаки они вычленили сразу, что им только в плюс.

Но смотрел я не на них — уже не на них, так как увидел главное, определил командира и его помощницу, между которыми явно имелась более чем глубокая неуставная связь, отметил еще несколько важных деталей и временно переключил внимание на куда более интересный предмет.

Под потолком навеса на цепи висел красный деревянный ящик. Вокруг цепи сбегал в ящик черный витой провод. Над навесом имелась тонкая длинная антенна, наверняка там же и солнечная панель — раз на навес падает уже почти неощутимый вечерний солнечный свет.

Этот красный ящик мне и нужен…

— Добрый вечер! — звучно поздоровался молодой парень в зеленом, покидая навес и прыгая на один из камней-островков — Останавливаемся. Все, как всегда, типос, все как всегда.

За ним следом из-под навеса вышла невысокая девушка с пышным формами, накинувшая на плечо серый рюкзак и на ходу одевающая длинные защитные перчатки.

Парень достиг берега и остановился в полушаге от воды, глядя только на меня.

— Так… вижу, ты подобрал пассажира, Пабло — улыбнулся военный — Добрый вечер, незнакомец.

— Мне нужен вон тот ящик — я указал на покачивающийся на цепи красный ящик — Прямо щас.

Удивленно моргнув, парень начал открывать рот, но я не дал ему ничего сказать, озвучив вдруг вспыхнувший в башке набор внешне никак не связанных слов:

— Новолуддизм. Затмение. Пять. Один. Окси. Дельта. Тупая. Дура. Долг.

Выпучившись на меня, молодой вояка заморгал еще чаще,

медленно опуская руку на кобуру. В его глазах читалось полное непонимание.

— Солнце сегодня было жарким — кашлянул он — Многие перегрелись и…

— Тихо, Стакки! — этот резкий командный голос исходит от мужика лет сорока.

Говорил тот, кого я опознал как командира этой группы. Поднявшись во весь свой немалый рост, он глянул на меня и… потянулся к красному ящику со словами:

— Доступ к связи предоставлен по твоему требованию, амиго. Топай сюда.

Спрыгнув с повозки, я миновал изумленного вояку и вошел в мелкие воды. Меня никто не атаковал, все кроме командира были в лютом недоумении, а тот просто протянул мне телефонную трубку на проводе. Прижав древний аппарат к уху, я услышал пару длинных гудков, а затем крайне удивленный женский голос с той стороны:

— Случилось что? В смысле — слушаю! Что произошло?!

— Окси. Смесь кислот. Пять. Гамма. Одиннадцать. Тупая дура — слова выходили из меня будто сами и они явно имели какой-то смысл, раз на той стороне сначала воцарилась тишина и только секунд через пять охрипшая женщина дала ответ:

— Протокол Одерон активирован. Вертолет уже поднимается… сэр. Ожидайте.

— Принято — буркнул я и вернул трубку военному.

Усевшись на доски навеса, я опустил ноги в воду прямо в ботинках и поинтересовался:

— Кофе есть?…

Прибывший старый, но поддерживающийся в идеальном состоянии вертолет доставил меня не к центральному городу. Нашим пунктом назначение оказалось смутно знакомое мне серое мрачное здание, выглядящее абсолютно безликим серо-зеленым кубом. Высота в тридцать с небольшим метров, плоская крыша напичканная всем необходимым под завязку — от водосборников и солнечных панелей до огорода, плодового сада и вынесенной за пределы крыши посадочной площадки.

На нее мы и опустились — пилот сработал ровно и четко. За не слишком долгое время полета он ни разу не взглянул на меня и после взлета не произнес ни единого слова. Кроме нас в вертолете не было никого. Зато на сиденье лежал небольшой деревянный ящик. Внутри него обнаружился кусок копченого жирного мяса, стеклянная солонка полная крупной соли, большая головка свежего чеснока, несколько ломтей ноздреватого и еще

теплого хлеба, полулитровая бутылка виски «Мертвая Башня» и стеклянный закрытый кувшин доверху наполненной темной красной жидкостью. Его я проверил в первую очередь. Принюхавшись, сделал крохотный глоток и… не отрывался от кувшина пока не ополовинил его. Кисло-сладкий компот… Мой любимый — это я осознал буквально только что. Его не могли сварить к тому моменту, как я дал о себе знать — разве что знали заранее о моем появлении. Но и совпадением это тоже быть не могло. Ответ дал пилот, первый и предпоследний раз нарушив молчание:

— Кастрюлю особого компота варят дважды в сутки. К исходу каждых двенадцати часов отдают персоналу и варят свежий. Все остальное тоже всегда наготове, сэр. Всегда… в течении столетий.

Я промолчал, вставляя кувшин в специальные держатели внутри деревянного ящика. Следующей я вытащил бутылку виски. В этот момент пилот нарушил молчание последний раз:

— Взлет.

Он не предложил пристегнуться или надеть наушники — это я сделал сам, не отрывая взгляда от этикетки на бутылке виски. Серый бурный океан вздымает пенные волны, а из его вод поднимается угрюмая и некогда светлая башня-небоскреб с зияющими в ее стенах многочисленными темными проломами.

Виски «Мертвая башня»…

Это мое виски. Я выпускал его, контролируя процесс от и до. Да… к тому моменту я владел парой десятков похожих друг на друга полуподпольных баров по всему задыхающемуся миру. Даже больше — их было двадцать. Одиннадцать баров находились на нижних уровнях башен и там собирались сочащиеся гнойной грязью гоблины, что порой не могли заплатить даже за глоток самого дешевого бурбона. Еще одиннадцать баров находились на вершинных уровнях различных жилых башен и работали для посетителей совсем иного рода. Я беспрестанно мотался от одной точки к другой, попутно со своим все растущим и растущим отрядом обстряпывая куда более криминальные и кровавые дела, приносящие огромную прибыль. Да… в те времена я работал уже только и только на себя. Я обладал определенной репутацией… И в каждом из моих баров подавалось виски «Мертвая башня».

Бутылка в моей руке стара… очень стара… ее горлышко залито бурой массой, что рассыпалась мелким крошевом в моих жестких пальцах. Плачуще вскрикнула скручиваемая жестяная крышка, в ноздри ударил знакомый крепкий аромат. Это оно… настоящее…

Стакана или стопки не нашлось. Я ощутил в этом какую-то

смутно знакомую насмешку… и сделал большой глоток прямо из горлышка. Утерев рукой обожженный алкоголем рот, я занялся куском копченого мяса и хлебом. Из хрустнувшей в ладони головки чесноки полезли крупные белые дольки. Медленно жуя, наслаждаясь каждым куском и глотком, я смотрел на проносящие под нами земли. Вертолет летел низко. Уверен, что и это было сделано намерено. Квадраты и прямоугольники ухоженной возделанной земли сменялись плотными линиями плодовых садов, хуторами, частыми озерцами и пасеками. Тут все было посвящено главному — производству абсолютно всего необходимого для обеспечения безбедного существование всех жителей. И эти самые жители прямо сейчас трудились в поте лиц, делая паузу лишь для того, что проводить взглядами из-под соломенных шляп пролетающий над ними вертолет. Затем они вновь возвращались к работе, вытягивая из озерных вод сети полные живого серебра, с не столько гигантских деревьев собирались огромные желтые мандарины, на бахчах срезали полосатые арбузы и дыни, громоздящиеся грудами на просевших повозках. Благословенная пора сбора очередного щедрого урожая от умиротворенной и ублаженной земли. И тут хватало черных перепаханных лоскутов отдыхающих от работы полей и выглядящими совсем дикими и нетронутыми ничьей рукой лугов… Природу здесь берегли. Это было видно даже с пролетающего вертолета…

Когда машина приземлилась, пилот остался на месте и лишь взглядом указал на окруженную ящиками с цветами и томатными кустами дорожку, ведущую к небольшой надстройке. В надстройке имелась открытая дверь, а рядом с ней стояла высокая одинокая женская фигура в длинном белом платье. Оставив в салоне почти полную бутылку виски, я кивнул на нее пилоту:

— Забирай.

— Это честь, сэр — ответил он, глядя на меня сквозь непроницаемое черное половинное забрало шлема — Спасибо!

— Ага — кивнул я, отворачиваясь и дожевывая последний кусок мяса.

— Вы… это на самом деле вы? Тот самый? Легендарный и…

Рассмеявшись, я двинулся по дорожке, не забыв по пути сорвав несколько небольших спелых помидорин. Одна за другой они лопнули у меня на зубах, плюнув яркими красными брызгами на старую безрукавку и безукоризненно чистое покрытие дорожки.

От двери ко мне шагнула старуха в белом платье. Седые волосы собраны в аккуратный узел на затылке, начавшие тускнеть

зеленоватые глаза смотрят чуть испуганно, но и властно одновременно. Ее спина явно не привыкла ни перед кем сгибаться, а суровая складка у переносицы вряд ли когда-нибудь разглаживается. На вид ей лет восемьдесят, но вряд ли она столь уж молода.

— Приветствую! — произнесла незнакомка и… сбившись, замолчала.

На ее лице мелькнула и исчезла сердитость на саму себя. Поправив тонкий белый пояс с серебряной пряжкой, выглядящей как скрещенные стрелы, она указала рукой на открытую дверь, за которой виднелась кабина просторного лифта:

— Прошу вас, сэр. Прошу. Я сопровожу вас к нужному месту.

— Сопроводишь… — безразлично произнес я, стирая с подбородка потеки сладкой помидорной мякоти.

— Со всей радостью — властная старуха попыталась улыбнуться, но у нее не особо получилось, а по лицу снова пробежала судорога — на этот раз мне почудилось раздражение. Оправившись, она продолжила — Мы всегда верили, что однажды это радостное долгожданное событие случится. Мы верили всей душой. С первого своего дня вступления в нынешнюю должность я верила, что эта честь выпадет именно мне…

Пройдя мимо нее, я первым вошел в лифт. Она зашла следом и нажала одну из многочисленных старомодных медных кнопок. Двери медленно закрылись, и старуха повернулась ко мне. Ее опять спокойное и на этот раз куда лучше улыбающееся лицо изгнало с себя остатки раздражения.

— Я старшая помощница Гильда — представилась она.

— Гильда? — повторил я в то время, как лифт начал медленно опускаться.

— Да. Вот уже как тридцать семь лет я являюсь бессменным помо…

— Ответь как на один вопрос, Гильда — перебил я старуху, прислоняясь плечом к стене лифтовой кабины — Но ответь честно.

— Я не совсем понимаю… сэр…

Я широко улыбнулся:

— Вопрос простой.

— Я… я слушаю вас внимательно, сэр… и конечно я не собираюсь лгать.

— Конечно — кивнул я — И вот вопрос: что ты скажешь абсолютному психопату, любящему выскребать чужие мозги через глазницы при помощи ножа, ногтей и серебряных пряжек, оказавшись с ним вдруг в заблокированном лифте и зная при этом, что долбанный психопат прямо вот сука подозревает, что

ты, сучья тварь, постепенно меняешь и дополняешь древние законы и обычаи, а заодно мечтаешь о верховной власти над этими процветающими землями… что ты ответишь этому психопату, Гильда?

— Я… а?! Я не… я… что?!

— У тебя только одна попытка, тупая ты сука — улыбнулся я, медленно нажимая кнопку остановки своим грязным гоблинским пальцем с сорванным с мясом ногтем. Я нажал так сильно, что кровь потекла снова — У тебя всего одна попытка… и поверь — только от твоего ответа будет зависеть как глубоко серебряные стрелы уйдут в твои глазницы…

— Я…

— Т-с-с-с… — я прижал окровавленный палец к ее задрожавшим губам — Подумай чуток, пока я прикидываю как вывернуть твой левый глаз так, чтобы он остался висеть у тебя на щеке и продолжал видеть…. И подумай хорошенько, старшая помощница Гильда… пока тебе есть чем…

Звякнув, двери открылись, и я покинул лифт. На белом мраморном полу следом за мной тянулись кровавые отпечатки. Я не оборачивался, но знал, что Гильда продолжала сидеть в дальнем углу, прижимая ладони к истекающему кровью лицу. Подбросив на ладони вырванное глазное яблоко, я швырнул его в стену, и оно лопнуло о лицо нарисованной сучьей Гильды, чей небольшой портрет украшал стены просторного и ярко освещенного коридора.

Тут была всего одна дверь — она уже была открыта и находилась передо мной. Перешагнув порог, я остановился на пороге просторной светлой комнаты и некоторое время молчал, глядя на размещенной по ее центру прозрачный аквариум с желто-красной жидкостью. Внутри плавал сморщенный ошметок вроде как еще живой плоти, истыканной многочисленными шлангами и трубками.

— Ты все же пришел… — тихий голос донесся от саркофага, но я был уверен, что он тот плавучий кусок тухлой рыбьей наживки говорить не мог просто физически.

Но голос был знаком. Не только голос, но и целый спектр интонаций вмещенный в эти четыре слова.

— Окси?… — произнес я, делая шаг к аквариуму.

— Скорее то, что от меня осталось…

— Охренеть… помню, как я оставил тебя отмокать в джакузи в тот последний раз и сказал ждать меня… но ты по ходу поняла это слишком буквально… От тебя щас что-то отпало… вроде как жопы кусок…

— Ты… — выдохнул голос и тело внутри аквариума едва

заметно вздрогнуло — Это точно ты. Выглядишь иначе. Голос другой. Но анализаторы опознали тебя стопроцентно. Я сначала не поверила, но теперь… теперь вижу… чувствую…

— Чем ты нахер там че чувствуешь? — я задумчиво почесал подбородок и неожиданно сам для себя вдруг сбавил обороты — Какого хрена, Окси? Почему ты выглядишь как кусок раскисшего дерьма?

— Меня пытались убить. Сто двадцать три года и четыре месяца тому назад — она ответила спокойно и без эмоционально — Попытку совершил крайне близкий мне человек. Предельно близкий и максимально доверенный.

— Типа новый я?

— Больше, чем ты. Его я любила… доверяла полностью…

— Ну да… — я поморщился — Забыла, что я тебе сказал о доверии в тот последний день? До джакузи мы успели поговорить о многом…

— Не забыла. Ты сказал — никому и никогда не доверяй. Я следовала этому кодексу больше столетия… а затем твои слова перестали так уж ярко пылать в моей голове. Дела шли отлично. Планы выполнялись. Все шло ровно, плавно и правильно. И я… я решила, что уже можно немного расслабиться… ведь все мы люди, Од…

— В этом ваша проблема — кивнул я — Как ты меня назвала? Од?

— Как и всегда… почему ты спрашиваешь?

— Моя память стерта — буднично оповестил я — Не помню почти ничего. В башке с болью ворочается визгливый хоровод несвязных обрывков воспоминаний… Чьи-то лица, чьи-то громкие слова, какие-то события и много крови… Вот тут — я постучал себя пальцами по обоим вискам одновременно — Вот тут большая проблема, Окси. Поэтому я и вернулся. И теперь меня зовут Оди.

— Оди… Хм… даже я не знала твоего настоящего имени — лишь несколько псевдонимов. Одерон, Одрэкс, Одигар… Но меня-то ты помнишь?

Я покачал головой, медленно обходя аквариум:

— Не помню почти ничего. Но момент нашего знакомства помню…

— Как же давно это было… момент начала. Не будь тебя — не было бы и всего этого. Я была наивной идеалисткой с примесью пацифистского гнойного дерьма — как ты сам сказал. Ты вправил мне мозги. Научил многому. Ты внес огромные изменения в мой проект… Ты плескал черной краской на мой белоснежный ангельский несбыточный план, и появившийся мутант оказался куда более жизнеспособен. Я несла мягкий свет,

а ты жесткую тьму… Мы были с тобой как Инь и Янь…

— Как Хрень и Срань — буркнул я — Твою мать, Окси… чем тебя траванули, если не может справиться даже продвинутая медицина? В твоем теле все еще бродят токсины?

— Благодаря тебе и твоим урокам я стала бессмертной. И потратила еще вечность на создание дополнительных гарантий моего выживания при любом раскладе. Поэтому тот, кому я отдала свое бессмертное сердце… вонзил в него шприц с уникальной смесью тяжелых радиационных элементов и питающимися ими микроорганизмами. Какое-то новое поколение, изобретенное им в его личной лаборатории. Он тоже был идеалист… и верил, что мой путь, слишком устаревший… что пора покинуть пределы этих земель и нести наши убеждения на новые территории… Он был лидером… экспансионистом… он стремился нести людям добро…

— И что ты сделала с этим сучьим выродком?

— Запытала до смерти собственными трясущимися и облезающими на глазах руками — ответил кусок полумертвой плоти в помутневшей воде — Все то черное, что живет в душе каждого из нас, вылезло в те шесть дней из меня в полной мере. На седьмой день он умер в диких муках…

Тело внутри затопленного бокса содрогнулось. Из всех натуральных отверстий и проеденных щелей в плоти ударили струи мутной жидкости. Сработавшие насосы принялись оперативно менять состав аквариума и вскоре жидкость опять стала прозрачной. Все это время я молча разглядывал жалкие остатки, что некогда были красивой женщиной.

Ноги сгнили до середины бедер. Рук нет вообще. Глубокие каверны в плоти, кое-где видны почернелые кости. Лысая деформированная голова утыкана металлическими стержнями, к скрытому пластиковыми накладками лицу плотно прилегает дыхательная маска. Глаз нет… как и вообще всего над маской — там лишь истерзанная неостановимым гниением бесформенная вспученная плоть.

— Последние сто двадцать три года ты плаваешь в этой луже?

— Нет… я нахожусь здесь чуть больше пятидесяти лет. До этого меня удавалось стабилизировать разработанными ежедневными процедурами. Все это время наши ведущие ученые бились над попытками очистить мое тело от разрушающих его веществ.

— Но?

— Но оказалось, что это невозможно. Я медленно умираю, Од… Оди… То, что ты сейчас видишь — всего лишь затянувшаяся

на сто двадцать лет агония. Меня уже не излечить. Это невозможно.

— Возможно — ответил я и огляделся — Так… мне бы пожрать. Есть че?

— Пожрать? Я ведь отправляла тебе тот самый особый приветственный набор… Ты как всегда ненасытен? Сейчас я оповещу Гильду…

— Старуха сейчас чуток занята — ответил я, оглядывая стены и потолок, скрывающие за собой сложную техническую начинку. Я видел сенсоры и камеры наблюдения, деактивированные системы активной защиты, готовые опуститься многослойные щиты и еще много чего другого. Эта комната представляет собой защищенный бункер. И я уверен, что при желании Окси откачает отсюда воздух за считанные секунды.

— Чем она занята? — удивленно спросила Окси — Она мой личный ассистент уже долгие годы и никогда не имела нареканий с моей стороны. Уверена, что она… о Господи! Оди! Ты вырвал Гильде глаз?!

— Ага — буднично ответил я.

— ЗАЧЕМ?!

— Чтобы привести старую суку в чувство.

— Ты кретин?! Она верна мне до мозга костей!

— Ага — кивнул я — Это так. Будь иначе — она бы сдохла в том лифте.

— Тогда зачем?! Зачем было так поступать?! Она находится в тяжелом шоке! А к зданию уже подошел отряд тяжелых штурмовиков.

— Подошел?

— Да.

— Прямо близко?

— Да!

— Так скажи им по двести раз отжаться и бодро идти нахер — велел я — И хватит разыгрывать истерику, Окси. Ты живешь уже слишком долго, чтобы истерить из-за одного растекшегося по портрету старого глазного яблока… Сука Гильда получила небольшой и ценный урок.

— Она… она прямо сейчас благодарит тебя и извиняется передо мной — удивленно произнесла Окси — Ей проводят экстренную глазную хирургию, а она продолжает благодарить и извиняться… Так! Значит была причина? Я ошиблась в Гильде?

— Нет. Такие как она всегда сохраняют верность до последнего. Не строят заговоров, не прыгают через твою голову.

— Тогда в чем причина?

— Я сам сначала не понял — признался я — Шаблон не

сходился. Сначала я считал ее сучьей карьеристкой. Затем увидел ее, сказал ей пару слов, услышал ответ и понял, что она не такая по натуре, хотя уже и начала заниматься подловатой хренью… Я преподал ей урок, но все еще оставался в непонимании. Но затем вошел сюда и увидел тебя… кусок едва живого мяса… плавающий в физиологическом растворе… И все сошлось.

— Что сошлось?

— Такие как Гильда всегда находят себе кумира и служат ему до последнего вздоха — медленно произнес я, глядя вверх на направленный на меня визор одной из камер — И Гильда нашла тебя. Уверен, что она родилась здесь, выросла в одной из школ, где тебя славили днями и ночами, где в ее мозг внедряли мысли о исключительности спасительницы Окси…

— Да… все так и было. Она была лучшей ученицей, закончила школу и университет с золотыми ветвями. Ее дипломная работа была посвящена моей личности. И ее работа была умной и честной. Я приняла ее стажером в мой личный штат, и она начала быстро подниматься по ступенькам, пока не достигла текущей позиции. Я знаю Гильду с рождения… а ты, говнюк, вырвал ей глаз…

— Все так — кивнул я — Вот тебе и ответ. Гильда служит своему кумиру. Скажи, а на своих портретах и в скульптурах ты выглядишь вот так как здесь и сейчас? Плавающей в миске больной и отвратной булькающей тварью?

— Конечно нет! Я скрываю свое состояние. Все знают, что я больна и причину моего состояния, но никто не видел меня уже десятилетия — не считая Гильды и доверенных медиков.

— У Гильды есть семья?

— Нет. Только недолгие отношения. Секс для здоровья.

— Я про детей.

— Нет.

— Вот и ответ — проворчал я — Это же должно пониматься на инстинктах. Гильда служит своему кумиру. Вот только теперь ее кумир — это не красивая баба с сияющим взором и сиськами торчком, а еще не смытый кусок разумного говна в унитазе… Она видит тебя каждый день. Сострадает тебе. Заботится о тебе. Наверняка взвалила на себя часть твоих функций — вроде публичных выступлений и прочее. У нее нет настоящей глубокой личной жизни. И вот результат — она перевела на тебя всю свою нерастраченную материнскую любовь. И как только это случилось ты из прославленного и неоспоримого лидера превратилась в ее неразумное беспомощное дитятко. А какое дитятко не совершает ошибок? И задача матери — исправлять эти ошибки. Ведь мать сильнее и умнее своего ребенка — хотя бы до тех пор, пока

дитятко не встанет на ноги, не свалит из дома и не заведет собственную семью.

— Это все чушь! Как ты вообще мог додуматься до такого?

— А не надо было додумываться — равнодушно ответил я — Она сама проорала достаточно в том лифте, пока я вытягивал ей глаз из орбиты. И громче всего она орала, когда просила не вредить тебе. Осталось сопоставить факты… и понять, что еще лет десять, ну может двадцать, и ты окончательно превратишься для нее из мудрого кумира в глупого младенца… и она объявит себя наместницей Гильдой… хранительницей сучьего престола… Причем она будет свято верить в это.

— Я…

— Да забей — усмехнулся я — Урок преподан вовремя. Гильда осознала свое место — слева от унитазного смыва в дальнем сортире и нигде более.

— Ты безумный мясник! Был им — и остался!

— Ага — кивнул я — Все так. Там жратву несут?

— Несут. Тревога отменена, штурма не будет. Да я бы и не позволила никому зайти в эту часть здания.

— Королева не в форме?

— Я не королева! Я всего лишь часть этого проекта! И несу прямую ответственность за тысячи и тысячи жизней! Мой проект… наш с тобой проект, Оди, наше с тобой детище оказалось жизнеспособным! Наш проект — это рай!

— Нет — возразил я — Этот проект — очередной жилой мега-купол. Только без стального неба над головой. Но да… у тебя получилось многое, Окси. Поэтому я и вырвал глаз суке Гильде — чтобы отсрочить падение этого мирка… Чем больше гребаной либеральной мягкости позволяется населению, чем больше безделья и всепрощения — тем быстрее тут все рухнет. Но самая червоточина — ты сама!

— Я стержень!

— Ты гнилой кусок говна — безжалостно припечатал я — Ты сама противоречишь установленным здесь порядкам. Любой лидер должен безостановочно мотать свою жопу по всей территории и ставить раком руководителей всех рангов. Они буквально должны ощущать на своих прямых кишках твою крепкую хватку. Но ты исчезла с их горизонтов и они почувствовали запах сраной свободы. Уверен, что в какой-то из областей давно уже правит всеми мелкий тиран, что подчиняется тебе только формально… а ты и не в курсе.

— Быть такого не может! Я выстроила идеальную систему управления!

— Ага… Но без главного жесткого лидера эта система

работать не сможет. Ты должна быть везде, всегда и жестко.

— Ты всегда повторял это, когда заставлял меня ввести очередную драконовскую меру контроля…

— Эти меры работают?

— Да…

— Тогда все правильно.

— Что случилось с твоей памятью?

— Многое — ответил я — Поэтому я и пришел сразу же как только вспомнил о тебе…

— И о выставленных тобой условиях?

— Нет. Каких?

— Да простых — не оставить тебя в беде, если потребуется помощь. Мы все в огромном долгу перед тобой. А я из тех, кто платит по долгам. Чего ты хочешь, Оди?

— Немного — бледно усмехнувшись, я постучал пальцем себя по лбу — Вытащи из моей башки всю хрень.

— Твои тупые мозги?

— Если от них осталось хоть что-то — моя улыбка стала шире — Такое ощущение, что внутри моего черепа потрескивает только пара дымящихся электродов с налипшими на них догорающими остатками мозговой массы…

— Больше…

— Что?

— Больше, чем пара — в голосе Окси появилась заинтересованность, а с потолка медленно опустился по направлению ко мне длинный белый щуп с шаровидным окончанием — Как только ты вошел в главное здание, тебя просветили полностью и не один раз — и я продолжаю это делать. И вижу невероятное…

Одна из стен засветилась и превратилась в экран. Через мгновение на нем появился стоящий у аквариума я. Затем мое изображение выпрямилось, развело руки и ноги в сторону и замерло в этой странноватой позе. Следом на фигуре начали одна за другой загораться крохотные искры. Две в груди в области сердца. Одна в шее. Одна в левом бедре. Одна в правом плече. Что-то светящееся и длинное в кишках снизу справа. Рядом с фигурой появилось изображение моей головы, а внутри черепа зажглось пять ярких разноцветных искр.

— Это?

— Инородные активные вкрапления — задумчиво произнесла Окси — Большая их часть отличается по типу и даже способу вживления. Я провожу оценку, но уже сейчас могу уверенно утверждать, что тебя чипировали на протяжении очень и очень долгих лет. Прямо сейчас обнаруживаются все новые и новые

следы, куда ранее что-то вживлялось, а затем извлекалось. Но это еще не самое страшное…

— Удиви меня.

— Судя по шрамам и внутренним следам хирургического вмешательства все твое тело представляет собой одну сплошную зажившую рану. Тебя протыкали везде. И по многу раз. А если верить диагносту — ты лишался всех конечностей. Господи…

— Это был не он — хмыкнул я, потирая поясницу — Тесаком надо мной поработали другие ублюдки. Все минувшие столетия я либо спал… либо воевал… И, похоже, еще ни разу это не было действительно моим желанием. Со мной сделали то, от чего я всегда тебя предостерегал — меня использовали по полной.

— Отымели во все дыры?

— Ха-ха-сука-ха… Что у меня в башке?

— А вот так и не ответишь… настолько сложных нейрочипов мне еще не приходилось видеть. Как минимум пара из них должны обладать функцией вывода нейроинтерфейса и связи. Ты получаешь визуализацию?

— Пара чипов?

— Да. Они независимы друг от друга. Один из них находится в спящем режиме и его архитектура настолько сложна, что даже не понять на что именно он влияет. Второй чип активен. Еще два мозговых импланта являются устройствами отслеживания. И один… не хочу тебя пугать… но он выглядит как дистанционно управляемый контейнер, содержащий в себе микродозу какого-то вещества.

— Уверена?

— Более чем.

На стене появилась схематическая картинка короткой трубки с парой утолщений по краям.

— Как предохранитель из древних фильмов — заметил я.

— В точку. Это и есть своего рода предохранитель. По имеющимся данным подобные устройства начали ограничено использовать в первой половине двадцать первого века. Затем был недолгий перерыв из-за их неэтичности и… опять ограниченное использование в особых случаях.

— Какого рода случаи?

— Чаще всего в мозговом контейнере находилась микродоза мощного снотворного. Такие устройства вживляли краснокнижным дикими животным, если зоны их обитания граничили с городами. Как только зверь пересекал границу — устройство срабатывало, и животное засыпало. Одновременно подавался сигнал и прибывали егеря. Изначально контейнер был разработан для использования на таких вымирающих хищниках,

как, например, уссурийские тигры, обитавших в остатках некого великой тайги.

— А потом?

— Позднее контейнеры начали вживлять особо опасным преступникам и прошедшим лечение, но потенциально буйным сумасшедшим. Еще через тридцать с небольшим лет подобный метод был признан крайне неэтичным и от него отказались. К нему вернулись через пятьдесят с лишним лет — уже шла эра Заката… но просуществовала методика недолго. Настал тот момент, когда уже перестали заботиться как о тиграх, так и о сумасшедших — и тех и других попросту пристреливали, если они представляли собой угрозу. Жизнь перестала цениться и такие контейнеры стали не нужны — во всяком случае официально… Последние упоминания о их использовании это…

— Частные тюрьмы — медленно произнес я — Да… я помню. Автоматизированные медицинские фабрики массово выпускали дешевые и легко вводимые чип-контейнеры и все это дерьмо поставлялось в переполненные частные тюрьмы. Как раз тогда все тюремные организации мира получили предложение от Атолла Жизни…

— От тебя — поправила меня Окси — Я помню. Это была твоя инициатива в эпоху Заката. Бесплатная рабочая сила выпускаемая в уже частично затопленные территории, где они возводили многокилометровые дамбы на древней технике. Эта инициатива сработала и от затопления были спасены тысячи гектаров еще пригодной для возделывания земли. Заключенных никто не охранял, еду им регулярно сбрасывали при выполнении недельной нормы. У них было полное самоуправление. Но если они пересекали запретную границу в попытке убежать…

— Контейнеры в их головах раскрывались и их отрубало. Причем так надолго, что счет шел на недели — медленно продолжил я — Чаще всего это было смертным приговором. Хотя сигнал и уходил на ретранслятор, а оттуда на тюремный спутник… никто не погонит флаер ради одного бунтовщика… У меня в башке такое же устройство?

— Все указывает на это. Обычная штатная модель.

— Но я не отрубился.

— А ты покинул дозволенные тебе границы, Оди?

Зло оскалившись, я кивнул:

— В точку. Я сука уверен, что покинул дозволенные границы.

— Дозволенные кем?

— Разумными машинами мать их — проворчал я, зная, что последует за моим признанием:

— Я же говорила! — Окси с силой вздрогнула в боксе и из ее

тела снова ударили мутные струи — Я говорила — машинам верить нельзя! Искусственный интеллект опасен! Я ведь тебе говорила? А ты, как всегда, посмеивался и готовил очередной коктейль… как же давно это было…

— И как давно?

— Триста семьдесят три года назад, Оди.

— Охренеть мы старые…

— Ты старше меня. Когда мы познакомились мне было всего тридцать два и только готовилась к первой процедуре клеточного восстановления…

— А мне сколько было?

— Не знаю сейчас, не знала и тогда. Ты всегда оставался загадкой. Может это в тебе и привлекало… Ты мог часами говорить, о чем и о ком угодно, но только не о себе и не о своем прошлом. Когда мы расстались, я еще немало лет продолжала следить за тобой…

— Тосковала по джакузи со мной?

— Ха! К тому времени я уже была не одна. Но в прошлом нас многое связывало, к тому же ты спас мне жизнь и поэтому я присматривала за тобой, надеясь однажды отдать долг и сравняться в счете.

— Не получилось?

— Ты бесследно исчез. Исчез внезапно и вдруг. Первый месяц и даже полгода я не особо парилась — знала твою натуру и что ты можешь быть, где угодно. Даже на Луне.

— А ты там бывала?

— Два раза. Вместе с тобой. Ты делал какие-то важные дела, но все вечера посвящал мне, и мы нежились на кровати в номере с отличным обзорным окном на унылые мертвые пейзажи… Луна продолжала застраиваться быстрыми темпами и Атолл Жизни, как всегда, хотел оторвать себе кусок пожирнее.

— У Атолла получилось?

— Кто знает? Ты всегда был закрытой шкатулкой и не любил говорить о делах…

— Возвращаясь к шкатулкам… Контейнер в моей голове закрыт?

— Да. И полон. Чем — неизвестно. Надо достать и изучить. Но там может быть что угодно — от снотворного до взрывчатки.

— Достань из моего тела всю инородную хрень — сказал я — Выскреби все без остатка! Сделай это, Окси. Сделай прямо сейчас.

— Пара чипов находится в крайне… опасных местах. Меня не волнуют чипы у тебя под сердцем, но мозг… если он будет поврежден, то…

— То я сдохну и на этот раз навсегда — кивнул я — Меня

такой расклад полностью устраивает. Как пройти к операционной?

— Что вообще происходит? Я наблюдаю за внешним миром и… особо наблюдать там не за чем, честно говоря. Старые договоры работают, огромные купола все еще закрыты, природа восстановлена, космос молчит, да и вообще везде первобытная тишина… Планета все еще в восстановительной дреме.

— Мы поговорим потом — ответил я — Когда я буду свободен от всего вшитого в меня говна. И вот тогда мы поговорим и о том, как бы тебе вернуть хоть немного здоровой кожи на твою гнилую жопу…

— Меня уже не излечить, Оди. Мы обладаем самыми продвинутыми медицинскими технологиями и…

— Вот тут ты ошибаешься, дура тупая — усмехнулся я — Ой как ошибаешься… так куда идти?

— Дверь слева. Спрошу в последний раз — ты точно готов?

— Более чем — ответил я, шагая по белоснежному полу и оставляя за собой грязный след — Более чем…

Глава 4

Проснувшись, первое что я увидел — сидящую рядом с кроватью Гильду. На ее посещенной моим пальцем глазнице красовалась белоснежная повязка, а в правой руке тихо улыбающаяся старушка крутила сверкающий скальпель, изредка поглядывая в район расположения моих яиц.

Оценив свое состояние и нихрена не поняв — тело почти не ощущалось — я на всякий случай приготовился отражать атаку и лишь затем медленно шевельнулся. Гильда даже не вздрогнула. Заторможенно отведя взгляд от блеска острого металла, она перевела глаз на меня и ее улыбка стала чуть шире:

— Холодный блеск всегда успокаивает. Не так ли?

Я промолчал. А она медленно опустила скальпель на прикроватный столик и прояснила еще один момент:

— Эту старомодную штуку я прихватила с одного из информационных больничных стендов. Для успокоения, пока сижу здесь и подбираю подходящие слова, чтобы выразить всю глубину своей благодарности, господин Оди. Подумать только… трудно и представить, что в прежние времена люди без помощи электроники и точных наук с помощью одно лишь заточенной стальной штуковины спасали тысячи жизней и без колебаний погружались в грудные клетки, выполняя сложнейшие операции… Я благоговею перед хирургами. А вы?

Я не ответил, продолжая оценивать свое состояние. На этот раз я занялся конечностями и убедился, что могу ими управлять. Осторожно усевшись, я ощупал голову и обнаружил несколько отдающих болью вздутий в разных местах черепа. Такие же уже поджившие вздутия имелись и на теле — в тех местах, где плавающая гнилая бывшая подруга углядела инородные предметы. Убедившись в этом, я откинул простыню — под ней я был голым — и продолжил осмотр, с каждой секундой находя все новые и новые свежие отметины. Какого хрена? На животе сразу три свежезаросшие дырки, на правом боку вверх еще две шишки, одно пятно под правым коленом и длинный рубец на спине внизу. Поясница не болела. Боли вообще нигде не было, хотя я ощущал странное чувство опустошенности — меня будто лишили чего-то реально важного. Поймав мой взгляд, все еще отстраненная и ничего не боящаяся Гильда — это я понял сразу — начала пояснять:

— В вашем теле…

Поморщившись, я перебил:

— В твоем. Говори проще, старая.

— Так даже лучше — согласилась она — Естественней, учитывая мой возраст. Хотя в сравнении со мной ты настоящий динозавр…

— И говори проще — добавил я, спуская ноги с низкой широкой кровати.

Стоило ногам коснуться теплого и чуть мягкого белого пола, как в стене что-то щелкнуло и часть покрытия медленно отошла в сторону, открывая встроенный шкаф. На паре вешалок и полок разместились футболка, штаны, трусы, бейсболка, носки и кроссовки. Все черного цвета. Там же лежал мой нож, а рядом с ним ремень с кобурой, откуда торчала рукоять револьвера. Окси все еще помнит мои предпочтения…

— Проще так проще — вздохнула личная главная ассистентка, осторожно коснувшись глазной повязки — Ты открыл мне глаза на многое. Может кому-нибудь стоило вырвать мне глаз пораньше?

— Свежий воздух освежает — хмыкнул я, вставая — Что там с моим телом?

— Из него были благополучно замечены все импланты. После этого была запущена полная диагностика. Говоря твоим простым языком — в твоей жопе за время осмотра много чего побывало. Одна только колоноскопия выявила два не просматривающихся обычными средствами импланта из особых материалов. Дальше — больше. Одно полностью фальшивое ребро со сложной начинкой — его пришлось удалить и заменить протезом. В животе отыскалось еще одно достаточно хитрое устройство, что умело маскировалась под паразита. Продолжать можно долго. Все твое тело представляло собой настоящую выставку всевозможных имплантатов. Большая их часть была отслеживающей. Некоторые для установки связи.

— А остальные?

— Как минимум два из этих имплантов созданы по абсолютно неизвестной нам технологии. Это нечто… гибридное… и выходящее за грань понимания наших специалистов. Анализ найденных устройств продолжается и со временем мы узнаем больше. Пока же ясно одно — забирая у тебя часть поступающего в тело питания, эти импланты перерабатывали его в кое-что совсем иное. Так, к примеру тот червь, что обосновался в твоей кишке, создавал некие мутантные изоферменты, которые воздействовали на… на многие проходящие в теле процессы. Даже на обитающие в тебе пробиотики, что резко повышало шансы успешно переварить и разложить испорченную пищу на полезные составляющие. Уже выяснено, что есть прямая связь с гликолизом и с метаболизмом… Один лишь этот имплант

приносил столько пользы, что, пользуясь твоим языком, так и хотелось крикнуть врачам — запихайте его обратно в жопу! Пусть живет!

— Смешно…

— Впрочем, пока все это лишь толком не подтвержденные гипотезы, мистер Оди. Ты был без сознания недолго и поэтому…

— Сколько?

— Шестнадцать часов и тридцать семь минут — без запинки ответила Гильда и, взглянув на меня с благодарностью, продолжила — Теперь ты абсолютно чист.

— Хорошо — выдохнул я сквозь ткань натягиваемой футболки — А ты чего такая довольная?

— Вытащенные из твоего тела устройства обладают невероятными свойствами. Многое из этой начинки работало только и только для твоего блага. Благодаря им ты мог выжить там, где другие погибали.

— Понял… радуешься, что у меня подросли шансы сдохнуть от кровавой диареи где-нибудь в джунглях?

— О да… — ее улыбка стала по-настоящему теплой и доброй — Я действительно мечтаю об этом. Но радуюсь я по совсем иной причине. Ты как старый добрый пасхальный кекс. И весь вытащенный из тебя изюм невероятно ценен в первую очередь для госпожи Окси. Пока это лишь зыбкое предположение и не более чем призрачный шанс, но… больше надеяться не на что — госпожа Окси стремительно угасает.

— Так вылечите ее — буркнул я, защелкивая пряжку ремня и подхватывая с полки нож — Но мой вам совет — загасите всю вытащенную из меня хрень. Загасите надежно!

Она поняла меня правильно:

— Все устройства находятся в полностью экранированном помещении подземной лаборатории. Там они и останутся.

— Не — я покачал головой — Вытащите из этой кучки окровавленного барахла пару отслеживающих хреновин, воткните их в задницу какого-нибудь бабуина и гоните его горящими палками подальше отсюда.

— Пусть твоих преследователей по ложному следу… А кто тебя преследует, мистер Оди? Нам всем грозит опасность из-за твоего появления?

— Ага — кивнул я, выходя в залитый светом белый коридор — Скорей всего за мной явятся.

— Кто?

— У вас тут есть арсенал? — поинтересовался я, устав отвечать на вопросы.

— Планируешь задержаться у нас?

На этот раз я все же ответил:

— Нет. Вооружусь, пожру — и сваливаю нахер отсюда. Мне надо хорошенько подумать…

— Я рада твоему решению. Быть может вот это поможет ходу твоих мыслей? — идущая рядом со мной Гильда величавым жестом указала на уже замеченный мной и выглядящий здесь также инородного, как и искусственный червь в моих кишках предмет.

На белом изящном столике у стены стоял старый зеленый металлический ящик с откидной крышкой. В толстые скобы продет обычный замок с четырьмя кодовыми вертушками.

— Что это?

— Не помнишь?

— Нет.

— Этот ящик ты сказал отдать тебе многие столетия назад. Отдать сразу же как только ты появишься — даже если не вспомнишь о нем.

— Но Окси не отдала — заметил я, подходя ближе и останавливаясь.

Зеленый. Почти квадратный. Нещадно битый жизнью — смяты даже некоторые уголки. Несколько раз перекрашенный. На фоне ящика висящий в скобах замок поражает своей новизной.

— Госпожа Окси не отдала — согласилась за моей спиной замершая гипсовой статуей старуха — Она не была уверена на все сто процентов. Даже несмотря на заверения электроники она не была уверена. Но во время черепно-мозговой операции ты был под лекарствами, но частично оставался в сознании для отслеживания поведения. С помощью электроники госпожа присутствовала на операции и задала тебе немало вопросов. Ты был заторможен, но ответил на каждый из них. После этого госпожа Окси долго плакала… но была счастлива. И тогда же приказала отдать тебе этот ящик, что находился на хранении в самом надежном сейфе. Она добавила, что ты назвал этот ящик «Шестью главными подсказками» и «Третьим страховочным дублем».

— Где Окси сейчас?

— Ей нельзя быть чересчур эмоциональной — это пагубно влияет на общее состояние. Поэтому ее погрузили в недельный химический сон. Даже если мы захотим, вывести ее из искусственной комы не получится. И не надо… прошу тебя, Оди… дай госпоже Окси отдохнуть…

— Она прожила достаточно — проворчал я.

— Как и ты. И она тоже боец.

— Знаю — кивнул я, осторожно касаясь не раз вмятой и снова

выпрямленной крышки железного ящика — Знаю… Какой код?

— Этого ты не сообщил. Ты не помнишь ящик?

— Помню — кивнул я — Отрывками. Знаю, что этим ящиком я убил двоих. И только что вспомнил их перекошенные залитые кровью рыла. Код… код не помню…

Пока я все это говорил, мои пальцы будто сами собой крутили чертовые вертелки. И пальцы не ошиблись — замок щелкнул, дужка откинулась. Приподняв крышку, я заглянул внутрь, нихрена не понял и снова закрыл ее и, подхватив ящик со столика, повернулся к Гильде:

— Так где арсенал? И веди так, чтобы дорога шла через кухню.

— Уходишь? Или просто решил перекусить?

— Ухожу — подтвердил я и проигнорировал вспыхнувшую в ее глазах радость.

Многие радовались, если я уходил, а они еще были живы и даже стояли на собственных ногах. Шагая по коридору, я мимоходом спросил:

— Видела тот портрет с твоей харей заляпанной кровью и глазной жидкостью?

— Видела. И до визита в твою палату стояла перед ним довольно долго… со скальпелем в руке.

— Что сейчас с портретом?

— Все еще там же. Я решила утилизировать его самостоятельно. Я усвоила урок.

— Не трогай портрет — приказал я — Не трогай, если не хочешь, чтобы я однажды вернулся и не выкосил тут к херам все поголовье собирающихся вылупиться долбанных эльфов.

— Эльфов? Я не понимаю…

— Эльфов — подтвредил я — Оставь портрет на том же самом месте, бабка. Не очищай его. Пусть все так и засохнет. И каждый сраный день приходи туда и смотри на эту художественную инсталляцию. Каждый день! И если ты правильно поймешь суть этих гляделок — значит повысишь шансы на то, что я никогда больше не появлюсь в этих пока еще процветающих здоровых землях. Ты поняла меня, Гильда?

— Я… я поняла предельно четко. Все будет выполнено, мистер Оди.

Оставшийся путь до кухни, а затем и до арсенала мы молчали.

Я жарил мясо.

Немалый кусок оленины шкворчал на плоском камне, распространяя по округе выбивающий голодную слюну запах.

Сидя на свернутом спальнике, я прихлебывал налитый из стального термоса кофе и с вершины холма оглядывал окрестности. Тут было на что взглянуть. Выбранное мной место для ночлега находилось всего в нескольких километрах от границы земель Окси. С вершины высокого холма открывался вид на шелестящий сумеречный лес впереди, на километры цветущих лугов справа и сотни метров чайных плантаций слева. За мной расстилались полные здоровых сочных фруктов сады. Да и сам холм представлял собой ярусную плантацию, где произрастало немало чего и где не разгибали спины крестьяне. По дуге холм оббегал ручей, обсаженный мексиканскими платанами — да я знал их название.

Перевернув подрумянившееся мясо, я подбросил в костер пару сухих веток, сделал глоток кофе и вернулся к разглядыванию содержимого ящика.

Внутри него находилось пять предметов. Но весь этот набор предметов назывался «Шесть главных подсказок». И отсюда я сделал вывод, что шестым был сам ящик. Но никак не новенький навесной замок, что так и остался лежать на столике в том белом коридоре.

С него я предпринял попытку понять предназначение этих хреновин — а предназначение определенно имелось. Ящик был чем-то вроде посланием из прошлого в будущее — от меня прошлого ко мне нынешнему. Вот только беда в том, что я уже не личность, а просто мешанина из обрывочных воспоминаний. Но есть надежда что тот «прошлый я» предполагал, что ему могут однажды стереть память и почти полностью лишить знаний и воспоминаний. Именно что «почти». Кое-что я все же вспомнил — и продолжал потихоньку вспоминать.

Ящик…

Пока я задумчиво пялился на него, не происходило ровным счетом ничего. Но едва я провел пальцами по его крышке, как меня будто током ударило.

Закон о ограниченных имущественных правах социально незащищенных граждан, к которым к тому времени отнесли всех, кого смогли — начиная с калек и умственно отсталых и вплоть до несовершеннолетних круглых сирот. Закон приняли за три года до того, как я сам осиротел и был вынужден покинуть свой дом. По новому закону в том случае, если подпадающий под эту категорию гражданин находился на полной или частичной опеке государственных служб, он имел право на крайне ограниченный объем физического имущества. Да… формулировки там были другие, более… умные и запутанные… Но вся их суть сводилась к одному — каждый из таких как я, попадая в лапы опеки и

надзора, снабжался таким вот стальным крепким ящиком. Почти квадратный — стороны двадцать на двадцать пять, глубина двенадцать сантиметров, откидная крышка, скобы для навесного замка. На боковых сторонах широкие горизонтальные пазы, на крышке и передней стенке обязательный номер. Мой номер… не помню…

Дурацкие размеры, дурацкая вместимость, но это хоть что-то — особенно, если приходится выживать среди жадного юного шакалья. Ты сам мог выбирать, что станешь хранить в своем ящике. Закрыв крышку и защелкнув замок, ты самолично вставлял ящик в специальные держатели в больших пристенных шкафах в вестибюле. С восьми тридцати утра и до девяти вечера у тебя имелся полный доступ к личному имуществу — но при этом ящик не дозволялось уносить из вестибюля. Мы называли их «банковскими ячейками».

Что я вспоминал, глядя на старый железный ящик? Какую подсказку он мне давал своим видом?

Ответ очевиден — приют. Я вспомнил только его. Даже не вспомнил, а ощутил. Боль от чужих ударов и боль в руках от ударов собственных. Вонь зловонной каши и точно такая же вонь в приютских туалетах — похоже, каша проходила через наши тела, даже толком не переварившись и сохраняя внешний вид. Можно было снова наваливать в кастрюли и опять подавать на обед…

Где находится приют?

Где-то на старом побережье. В месте, что давно уже перестало быть сушей — если только за последние века вода не отступила на прежние позиции, в чем я сомневаюсь. Но там не может быть слишком глубоко… речь о десятках, а не о сотнях метров — а может и того меньше.

Что за город? Название не помню, но он из новых. Это было выражено и в названиях, когда вместо «нью» повадились использовать словечко «Нова». Нова-Сука-Что-то. На побережье. Город строили очень быстро — наступающая вода гнала людское стадо все дальше и дальше, подгоняя их поджопными ударами цунами и проваливающейся за спинами землей. По оказавшимся абсолютно неверными расчетам одно из возвышений сочли более чем подходящим для нового города и высоченные здания начали расти как радиоактивные грибы. Сраные человейники с крохотными конурками соседствовали с небоскребами элиты, мигающие огнями флаерами кружились как мухи над падалью, у подножий невероятных башен носились стаи сумасшедших с факелами, но издалека все это дерьмо можно было принять за веселое празднество в честь торжества человеческого гения. Как

бы не так. Разгневанная природа пришла и туда — но не сразу. Далеко не сразу. Когда вода стояла уже совсем рядом с городом в нем появился я — озлобленный юный гоблин, что совсем недавно совершил свое первое убийство и кого совсем не пугала перспектива убить еще раз.

Относительно недалеко от этого города находилось еще одно важное для меня место — и подсказка о нем нашлась внутри старого железного ящика — залитая прозрачным пластиком этикетка с бутылки виски «Мертвая башня». Еще одно более чем очевидное мать его направление.

В чем смысл подсказок?

Следовать по оставленным самим собой хлебным крошкам?

Или это должно активировать что-то в моей башке и ко мне вернется память?

Я даже подождал немного, но чуда не случилось, и я принялся жрать жареную оленину. Молодого аксиса я убил сам — хромающее трясущееся животное вывалилось на тропу передо мной, неся на теле глубокие борозды от когтей. Он уже подыхал и мне оставалось только перерезать ему глотку и выпустить остатки крови. Вырезав из него пару кусков, я собрался было разрубить остальное и разбросать по округе — зверью на радость — но появилась крестьянская повозка и вскоре стало ясно, что они не против позаботиться об остальном мясе.

Ладно…

Разрезая мясо, проливая на шипящий камень красный мясной сок, неспешно жуя, я смотрел на закрытый ящик с лежащим на нем пластиковым квадратиком и пытался вспомнить еще что-нибудь. Не преуспев, я вытащил из рюкзака старый армейский планшет и включил. Загрузив карту, вбил в поиск слово «Нова» и принялся задумчиво переключаться перед предложенными вариантами, не забывая наслаждаться мясом. Мой палец остановился на семнадцатом варианте.

Вот он… Нова-Фламма. Современный Вавилон, вобравший в себя сотни национальностей, религий и традиций, чтобы смешать это все в нечто тошнотворное и убийственно крепкое…

Моя палец упирался в место, что находилось в океане в десяти с чем-то километрах от берега. Версия карты стара — последний раз обновлялась сорок лет назад и не факт, что за это время ничего не изменилось. Береговая линия была совсем иной. Но я был уверен — это то самое место. А вот тут… чуть сместив палец, я упер его в крохотное черное пятнышко дальше в океане — вот тут находится или находилась старая небесная башня.

Ткнув в экран еще пару раз, я получил несколько вариантов маршрута к Ново-Фламме. Этого было достаточно — теперь я

имел направление и целую кучу вариантов того, как добраться до нужной точки.

Мертвая башня и старый приют?

Меня устраивают такие ориентиры — других все равно нет. Как нет и других вариантов. Мне вслед донеслись брошенный в динамик слова Окси.

Останься, сказал она. Просто останься и все.

Но я даже не придержал шаг. Для меня такой исход не вариант. Я бросил своих гоблинов и свалил с Формоза не ради того, чтобы остаток затянувшейся беспамятной жизни провести в сучьей неге и траханном покое. Я гоблин. И если у меня нет проблем — я отыщу их сам.

Оставшиеся четыре предметы в ящике не вызвали у меня абсолютно никаких или почти никаких ассоциаций.

Блестящий полировкой черный монолитный кубик с гранями в два сантиметра. Есть пара мелких царапин.

Брелок для ключей, представляющий собой улыбающийся смайл с кратерными рытвинами и надписью на лошадиных зубах «Happy Mooonzes». Брелок настолько потертый, что надпись едва читается.

Пустая перьевая ручка с золотым пером. Черный корпус, колпачок с золотым навершием, изящное резное перо. Корпус пуст — отсутствует картридж с чернилами. Нет никаких надписей, ручка выглядит почти новой.

Наполовину полная — или пустая? — обычная прозрачная солонка. Внутри посеревшая закаменелая глыбка соли и сомневаюсь, что в ней хоть что-то скрывается. Хотя придет время — проверю. На солонке скромная синяя надпись «Lake Amadeus».

И хер его знает, что все это означает. Хотя весь сука злой юмор в том, что я, к примеру, уже тогда мог быть абсолютно поехавшим придурком или там просто был под наркотой… или просто решил пошутить над самим собой и вывалил в старый ящик все что было в карманах…

Как бы то ни было — мне предстоит разобраться со всем этим по пути к первой цели. У меня снова появилась цель. И это хорошо, ведь гоблины не любят праздной пустоты.

Одно теперь ясно совершенно точно — я не зря свалил с Формоза, выпав из-под контроля и власти Управляющих. А они меня контролировали — пусть не полностью, но в более чем достаточной степени, умело при этом притворяясь, что я полностью свободен и вообще весь из себя такой не подчиняемый суровый альфа-сука-охренеть-брутальный-самец. Ну да… Ну да…

Тряхнув потерявшей «изюм» головой, я опять глянул на экран планшета. Направление есть, маршрутов навалом. Но двигаться

придется на своих двоих. И пока что без полноценного боевого экзоскелета — у меня к ним появилась временная вроде как фобия. Даже к Гадюке. Хватит слепой веры в то, что в моих старых вещах никто и никогда не копался. Я бы избавился даже от этих вот «шести главных подсказок», не будь шанса, что внутри них скрывается что-то еще. Пока придержу при себе — но избавлюсь от них при первой возможности.

А насчет передвижения — пока что вон лежат еще ни разу неиспользованные ножные и поясничные усилители. Есть и солнечная панель. Для начала мне надо пробраться через десятки километров джунглей, а когда миную эту буферную зону, то снова окажусь на территории контролируемые одним из машинных разумов. Есть наметки вроде как еще целых дорог, а там может найдется и транспорт пошустрее, чем собственная потная задница…

Продираясь сквозь защитный пояс джунглей, через каждые несколько часов я находил солнечное место и позволял себе отдохнуть пару часов, в то время как экзоскелетные усилители подзаряжались от разложенной солнечной панели. Я занимался примерно тем же самым — впихивал в себя куски оставшегося от недавней охоты жирного мяса, заедая фруктами и смутно знакомыми корнями. Хранящийся в большом рюкзаке запас консервированной пищи я не трогал — хер его знает, что меня ждет там впереди. Пока мясо шкворчало в уже потемневшей глубокой сковородке, а в железном чайнике закипала вода, я мысленно бился головой в выставленные в мозгу блоки, пытаясь если не пробить, то хотя бы «выбить» оттуда хоть какое-то воспоминание. Пока я не вспомню все полностью и без остатка, пока не заполню все пахнущие кровью и гноем темные каверны в дырявой карте ушибленной памяти, не смогу досконально разобраться в происходящем и стать самим собой.

А это важно.

Ведь будь я просто слегка неудобным, но полезным гоблином, меня бы «подрихтовали» лишь слегка. Скажем, убрали бы пару слоев недавних воспоминаний, в которых я круто разошелся с Первым во взглядах на будущее всей законсервированной цивилизации. Может они и пытались для начала поступить именно так — снова эта уже не раз посещавшая меня слепая уверенность — но этот подход не сработал, и они рубанули весь мой мозговой куст под корень. Могли и убить. Но не убили — из всей той же порой тупой запасливости. Вдруг замороженный упертый ублюдок вроде меня еще пригодится однажды?

Вот и заморозили.

Нет… Я невольно замер с поднесенной ко рту вилкой.

Не так. Или в начале было так, а вот потом я чуть изменил правила… Да меня заморозили. А я вроде как вспомнил слишком много и попросту покинул чужую игру, уйдя посреди кровавой вечеринки и по пути поймав пару пуль в спину. Вроде бы… То, что сейчас всплыло в моем мозгу, не назвать даже зыбким воспоминанием. Так… несколько дрожащих отрывков из моего прошлого. И на этих картинках я бреду по полутемному и очень холодному коридору. Меня шатает от стены к стене, я ударяюсь о стальные двери, оставляя на них пятна крови. В прямоугольных кристально чистых окнах дверей видны освещенные огромные помещения. Некоторые из них еще пусты. Другие заполнены частично или под завязку. Обнаженные тела лежат или висят настолько ровными рядами, где каждый рассортирован не по полу, возрасту или социальному положению, а только по габаритам и весу. Легкие висят, тяжелые лежат, а перекачанные амбалы под двести кило или такого же веса жирдяи занимают самые нижние ярусы соответственно строгой машинной логике. При этом мне известно, что нижний этаж — самый гиблый, если смотреть на статистику выживаемости после долгого холодного сна. При этом я также знаю, что статистика вполне приемлема — даже учитывая повышенный риск пребывания на нижних ярусах. Кто-то со смешком заметил, что если однажды вырубятся почти вечные насосы и прекратится откачивание изолированных сейчас грунтовых вод, то нижние уровни хранилищ превратятся в могильники. Но такая халатность присуща только гоблинам. И поэтому контроль над подземными морозилками отдан всегда бдящим Управляющим. Качки и жирдяи могут спать спокойно… Да… именно такие вот тупые мысли бродили у меня в голове, когда я, почти уже теряя сознание, упрямо брел по холодному коридору, зная, что преследователи уже рядом. Если сдамся и упаду, то мне снова вколют двойную дозу мозгового миксера, а затем забросят в ближайший морозильник. Так что лучше я сам захлопну за собой дверь в смерть… И я продолжаю шагать, уже не чувствуя ног и не понимая какого черта они еще не подломились подо мной… Нужную отметку я едва не пропускаю, но все же замечаю и сворачиваю в коридор О-11. Почти сразу упираюсь в очередную дверь и едва передо мной зажигаются желтые огни, торопливо и невнятно бормочу кодовые слова, активируя какой-то протокол. Ровный голос машины подтверждает правильность кода, но дверь не открывается. Нет… вместо это еще одна стальная створка перекрывает за моей спиной, но за долю секунды до этого я вижу, как выехавший из стенной ниши дрон-

уборщик старательно смывает с пола оставленные мной кровавые пятна. А голос машины сообщает, что мне не нужно нервничать, но при этом я должен быть поставлен в известность о том, что все условия содержания спящих изменены в приказном порядке соответственно пришедшему из Атолла распоряжению. Я все еще могу попасть в особый холодильный сектор О-11, но при этом мне необходимо подтвердить свое добровольное согласие на отказ от определенных прав. Список состоит из сорока трех пунктов… Машина начинает зачитывать, но я прерываю, понимая, что вырублюсь прямо сейчас. Я соглашаюсь. Желтые огни сменяются на зеленые, дверь открывается, и я падаю в морозную темноту. Еще успеваю увидеть подхватывающие меня стальные манипуляторы…

Когда это было?

Сколько сотен лет назад?

Проплывавшие мимо меня коридоры выглядели новыми и чистыми, равно как и обслуживающая их техника. Многие хранилища еще были пусты, но это не может указать на время — не все убежища заполнялись одновременно, ведь даже Атолл не мог позволить себе строить сразу десяток колоссальных куполов одновременно. Попросту не хватило бы ресурсов и тогда еще имеющих хождение валют.

Но даже такое рваное воспоминание — уже что-то. Вот так, крошка за крошкой, капля за каплей, я восстановлю все утерянное и выясню главное — кто сука виноват? И мне плевать кто — был это сраный эльф или одна из Управляющих. Я найду и убью, если они еще живы или функционируют. Хотя, похоже, в эти времена грань между биологической жизнью и машинным функционированием окончательно стерта.

Да и можно ли назвать машиной почти живое мать его существо?

Подзарядив все батареи, я сверялся с планшетом, а затем с компасом — никакой карты с привязкой местности я не имел. И никакого встроенного модуля связи. Ничего кроме четкой яркой картинки экрана и неплохого объема пока еще пустой памяти. Все что мне нужно было знать — некоторые отмеченные на карте ориентиры и привязку к стороне света. И все это у меня имелось. Убедившись, что не сбился с намеченного пути — а это мать его для меня теперь очень важно, ведь без собственного пути ты не гоблин, а говна кусок в сточной трубе или попросту чья-то пихаемая куда хочется секс-игрушка — я затягивал пояс, фиксировал крепления на ногах, проверял стабилизатор поясницы и поднимал разом полегчавший рюкзак. Дробовик отправлялся за спину, автоматическая винтовка со складным

прикладом привычно повисала на разгрузке спереди, а револьвер ждал своего часа в поясной кобуре. Еще имелся нож, тесак с утяжеленным лезвием и небольшой запас патронов к каждой оружейной единице. Руки чесались прихватить куда больше из распахнутого арсенала, но тащить все предстояло считай на собственном горбу, и я ограничился необходимым, зная, что всегда смогу раздобыть нужное по пути. Собравшись, оглядевшись, я убеждался, что костер залит как надо и двигался дальше, вслушиваясь в мирный шум джунглей. Кого-то жрали живьем, кто-то еще убегал с визгом — жизнь как она есть. Закон джунглей. Закон выживания — приспособления, доминирования и сосуществования. Жирные и длинные пищевые цепочки окружали меня со всех сторон — так, как это было, наверное, тысячу лет тому назад. До того, как в первобытные джунгли пришли погоняющие тупых голодных гоблинов жадные эльфы и уничтожили тут все к херам ради собственной выгоды. И ведь гнойным сукам удалось! Это бесило меня всегда… жгло неутолимой яростью. Этим сукам удалось уничтожить саму планету, мать их! После чего они безбедно и счастливо прожили долгую богатую жизнь, точно такую же подарив своим отпрыскам… Их не постигла кара за содеянное. Более того — их еще навеки воздвигли на пьедестал почета после того, как они, заработав миллиарды, пожертвовали пару миллионов для оставшихся без родных джунглей голодающих туземных детишек.

Но вот они здесь и сейчас — джунгли. Я снова дышал полной грудью, вдыхая свежий и насыщенный кислородом воздух. Вокруг меня бурлила жизнь. Удалось. Ведь действительно удалось. Планета возродилась. И если это было делом всей моей жизни — в чем я пока не уверен — то может мне уже действительно можно просто сдохнуть?

Ну… если вместе со мной уйдут все Управляющие, призрак непонятного Первого и прочие возможно где-то засевшие гребаные персонажи протухшего спектакля… то я готов прямо сейчас прострелить себе башку. Ну а если они захотят отправить в это путешествие только меня одного… тогда я еще побарахтаюсь.

Да… пока я брел по джунглям, в моей голове тоже шло брожение — причем тупое. Но я намеренно позволял мыслям разбредаться, снова сходиться или сталкиваться. Все ради крохотной надежды на очередной флешбэк.

На следующий день солнечная панель перестала заряжать. Я покопался в ее начинке, но починить не удалось. Выжав из батарей ножных усилителей все до капли, я оставил их рядом с одной из троп вместе с солнечной панелью. Теперь я пер уже чисто на себе больше пятидесяти килограмм полезной нагрузки и

не собирался расставаться даже с одной банкой тушенки или даже патроном. Подлеченное и хорошо питаемое тело выдерживало нагрузку легко, доказывая, что постоянные тренировки не прошли даром.

Переночевав в редеющих джунглях еще раз, с рассветом я вышел на почти открытую местность и двинулся по заросшими кустарником пологих холмам, стараясь держаться в тени редких деревьев и не показывая небу небритую харю. Бейсболка и защитная маска надежно скрывали большую часть лица, но рисковать я не собирался. И не надо мне говорить, что никто не наблюдает за происходящим на планете через спутники, с дронов или через жопную дыру крылатой мартышки. Я все равно не поверю.

Следующие три дня я продолжал двигаться по мало меняющейся местности. Я был абсолютно один, не считая зверья. И меня это радовало. Я продолжал напрягать голову, стараясь пробить блокаду, но все еще без особого успеха. Что-то пробуждалось… и снова исчезало в глубинах изуродованной памяти. Вечерами, сидя под прикрытием холмов у скрытого в земле костерка, жаря агути, цедя горячий витаминный коктейль, я крутил в руках «шесть главных подсказок», но они также не вызвали больше ни единого воспоминания. Дожевав мясо вприкуску с печеньем, я проваливался в чуткую дрему до утра, а с рассветом продолжал путь.

Первых местных гоблинов я встретил в почти вечернее время и это произошло рядом с широкой петляющей тропой. Трое пахнущих старым потом и застарелым говном упырков устроили засаду за полусухим густым кустарником, обустроив подобие временной берлоги среди толстых корней. Уловив принесенную ветром вонь немытых тел, я подправил свой курс, чуть сбавил шаг и через несколько минут позади них. Давать знать о себе я не торопился, потратив еще какое-то время на вслушивание и рассматривание.

Загоревшие до черноты, бородатые, косматые, в рваной одежде, а из личных вещей только тесаки и похожий на кусок пыльного говна двуствольный обрез в лапе самого крупного бабуина. Почесывая жопы, они по очереди прихлебывали какое-то пойло из тыквенной фляги и приглушенными голосами рассуждали о важных для них вещах. Скоро стало ясно, что в первую очередь их интересует содержимое телеги диких джунглевых сборщиков из ближайшего поселения, которые вот-вот должны были вернуться по этой самой тропе. Бабуины не рассчитывали на многое — надеялись на коренья и фрукты, ну

может еще и на пару кусков мяса. Еще они задумывались о возвращении в пандийю к Чунксу, где жить было слаще и кровавей, но при этом приводили разумные доводы в пользу того факта, что он скорее срежет с их жоп кожу и закопает их по пояс в ближайшем муравейнике — за совершенный ими глупый проступок. Сделав еще по глотку, косматые аборигены помолчали немного, а затем принялись признаваться друг другу в своем желании лобызать задницу Чункса до конца их жизней, если только он простит их и не станет закапывать в муравейник. После очередной паузы в содержательной мудрой беседе перечисляющей всех остальных мемброс пандийи Чункса и их гребаных недостатков, запьяневшие разбойники переключились на тоскливые мысли о расположенном совсем рядом крупном свободном городке. Они там никогда не были, но знали, что жить там сладко и сытно. А еще там можно познакомиться с красивыми сисястыми чиками, наплодить сонных от жары гоблинят и остаток жизни провести в крохотном патио, покачиваясь в гамаке и потягивая пиво, пока жена и потомство горбатятся на полях, чтобы прокормить хозяина семьи. Вот это жизнь… жаль, что им в Дирихибли ходу нет из-за меток лапы Чункса…

Я даже заслушался чуток, но их разговор резко оборвался, а сами бабуины вдруг напрягли жопы, схватились за тесаки и приникли к корням. Прислушавшись, я уловил поскрипывающий звук приближающихся колес и голоса. Отлипнув от ствола тонкого дерева, принявшего на время чужой беседы часть моего тела и ноши, я сделал несколько бесшумных шагов вперед и без замаха нанес первый удар. Шуметь причины не было, поэтому абориген с обрезом умер молча и незаслуженно быстро. Второй крутнулся на бок, изумленно выпучил глаза и видно так удивился, что потерял упавшую в покрасневшие от крови корни. Третьего шустрого я достал на излете концом лезвия, располосовав ему левый бок со стороны спины. Сдавленно замычав, он упал, забился от боли, пытаясь что-то сказать и сверля меня умоляющим взглядом. Добив дебила, я опустился рядом с ним на корточки и занялся осмотром его немногочисленных карманов и тощей рваной сумки. В это время там за кустами мелькнули силуэты проходящих мимо сборщиков, разговаривающих так быстро и нервно, что сразу чувствовался обуревающий их страх. В их сбивчивых речах и нарочитом нервном хохотке я снова услышал слова о Чунксе и его железножопом медведе — если я правильно разобрал их состоящую из дикой смеси общего языка и местного наречия. Небольшая группа прошла мимо и двинулась вниз по тропе. Глянув на компас, я убедился, что наши с тропой направления не

совпадают. Но речь шла о крупном поселении — а там может найтись и подходящий транспорт. Приняв решение, я обыскал остальные трупы, собрав все хоть сколько-то стоящее. Заодно отыскал и те самые метки, из-за которых бандитам не было ходу в поселение. Все они были заклеймены — левая сторона груди каждого была обезображена здоровенным отпечатком звериной лапы и надписью ниже: Мальдито Осо.

Ну мальдито так мальдито.

Меткие я срезал. Убрав окровавленные лоскуты в одну из их же сумок, я покосился на поблескивающие любопытные глаза и нервные носы уже сбежавшихся на запах крови обитателей джунглей и вышел на тропу, давая голодным заняться утилизацией биомусора. Неспешно шагая по тропе так, чтобы не отставать, но и не сближаться с так и не узнавшими о опасности сборщиками, я ощущал удивительный подъем. Даже некоторую радость. И с чего вдруг такой внезапный душевный подъем? От известия о поселении, где возможно найду какой-нибудь транспорт? Или от того, что я наконец-то убил очередного двуногого? Надо попробовать грохнуть какую-нибудь мартышку или кенгуру.

Стоп… почему я подумал про кенгуру?

Эта мысль неожиданно сильно захватила меня и следующий час я шагал по тенистой тропе в высоком кустарнике и думая только о сраных кенгуру.

Глава 5

— Мать твою! — именно так я поприветствовал только что увиденное мной поселение.

Тропа тут делала длинный изгиб, обходя огромное толстое дерево. Мои сами об этом не знающие проводники поперлись по тропе, а я, услышав с той стороны дерева властные и явно привыкшие командовать на низшем уровне голоса, предпочел пойти в другую сторону и аккуратно пройти через нетронутые дебри. Отодвинув пару колючих веток кустарника — что все же попробовал моей крови — я получил неплохой обзор на поселение и понял, что все это время недооценивал его размеры. Но эмоции у меня вызвало не само поселение, а его центральное и явно обитаемое украшение.

Почти по центру поселения находилось слишком уж правильной формы здоровенное продолговатое возвышение, что чем-то напоминало постамент. А на нем покоился вполне себе целый с виду громадный стратосферный дирижабль с характерными нарочитыми кашалотными обводами. Краска облезла и корпус из отменного металла и вечных композитных материалов блестел в лучах заходящего солнца. Выведенные из основного корпуса гондолы могучих реактивных двигателей показывали, что несмотря на внешнюю неуклюжесть, этот гигант мог развить очень немалую скорость — но, конечно, только там далеко вверху в разреженных слоях атмосферы. Среда обитания этих монстров — тридцать километров от поверхности земли. А вот эта характерная и одна из поздних серий стратосферных дирижаблей вроде как являлась носителем «яйца Россогора» — корпорации далеко не сразу удалось радикально уменьшить объемы своего знаменитого фирменного устройства, хотя первоначально знаменитой на весь мир она стала совсем по иной причине.

Надо же… всякая херня сама всплывает в голове. А вот действительно важное продолжает гнить в недосягаемой черноте…

Такие дирижабли несли в себе тысячи жителей. Да, не пассажиров, а жителей. Я помню этот противопоставленный Атоллу Жизни почти мятежный и вызвавший у нас немало жопной боли проект.

Да… я помню… и неудивительно, что мозг сам выплевывает эту инфу — ведь за этим проектом стояли сурверы, хотя сами они себя так называть перестали с тех пор, как откололись от главной вонючей фракции, чуть отмылись от грехов, публично покаялись

и скромно нарекли себя Архангелами кого-то там… кого… чьи они та были?

— Архангелами Ремиила — произнес я едва слышно, продолжая смотреть на дирижабль краем глаза, хотя основное внимание переключил на сам город вокруг него.

Да… они отреклись от сурверства, вложили все деньги в новый проект и начали собирать средства с остального мира, высасывая их с безумной силой и успехом. В те времена обитатели почти обреченной планеты с большой радостью и готовностью забрасывали свои деньги в четыре неугасающие топки, что обещали им одну и ту же надежду, но разными путями.

Атолл Жизни лидировал, обещая всем идиллию в мира-куполах. Атолл забирал всех.

На второе место вышли Архангелы Ремиила, предложившие иной подход к выживанию, но только для тех, кто был готов серьезно раскошелиться. В самом скромном варианте Небесники предлагали койкоместо в кубрике на тридцать рыл на таком вот дирижабле. Небесный замкнутый мирок с двигателями — бюджетная версия летающих островов. Несколько тысяч пассажиров обреченных на вечный полет на высоте от тридцати километров — в случае, если планету действительно накроет череда разрушительных землетрясений, цунами и катастрофической вулканической активности. При этом обещалось, что такие дирижабли смогут стыковаться друг с другом и образовывать парящую над планетой гига-небесную сеть.

«Мы воспарим как ангелы над опаленной сушей» — примерно так звучал виденный мной лозунг на частично рваном плакате у входа в полицейский участок небольшого депрессивного городка…

Стоп… какой городок и когда?

Мозг ответил издевательским молчанием, и я продолжил изучать город. Если не увижу хоть чего-то подходящего — заходить не стану. Ни к чему лишний раз светиться.

Вокруг возвышения с дирижаблем ровными правильными рядами разместились жилые кварталы. Идеально прямые широкие улицы вели от окраин к центру, где вокруг возвышения имелась просторная площадь с парой явно специально насаженных скверов причудливой формы. В городе ни одного пожароопасного здания из тех моделей, где скрещенные палки обмазываешь собственным говном и украшаешь пучком соломы. При этом все дома по большей части глинобитные, с превращенными в террасы плоскими крышами. Над домами кое-где поднимались жердяные и дощатые навесы, но я не увидел ни

клочка соломы или пучка сухих листьев. Никаких деревянных заборов — только глиняные и каменные. На равных промежутках среди жилых домов высилось не менее десяти идущих по кругу высоких водонапорных башен с яйцеобразными резервуарами на каменных башнях. А это уже говорит об очень многом — как минимум об определенном уровне развитости инфраструктуры.

Почти круглый город был окружен примерно тридцатиметровой своеобразной линией отчуждения, где сплошняком тянулись огражденные каменными стенами огороды. Там не было ни одной постройки и деревья росли строго по одиночке. Нет ни клочка пустующей земли — не считая дорог, вдоль которых тянутся трубы или местами прикрытые камнем каналы.

За огородной зоной, что окольцовывала его и явно служила дополнительной защитой от пожара, начинался полный хаос из всевозможнейших хибар. Вот тут уж действительно — из говна и палок, причем первого больше, чем второго. В это дикой суши брось через плечо едва тлеющую спичку — и полыхнет как от напалма. На узких беспорядочных улочках бурлила жизнь. Народу там было немеряно. При этом все постройки буквально прилипли друг к другу, а некоторые из них встраивали между уже стоящими. Имелись вторые и даже третьи и четвертые этажи, походящие на шатающиеся строительные леса, занавешенные соломенными циновками и выцветшими на жестоком солнце тряпками. Свободного места тут не было вообще. И при этом для этого хаоса была отведена строго очерченная с обоих сторон кольцевая зона. С одной стороны хаос хибар упирался в задницы огородов, а с другой в начинающие густеть джунгли и идущие вдоль них высокие столбы с красными вершинами и какими-то плакатами.

Резервация…

Вот что это такое. Еще одна неприкасаемая резервация вроде территории булькающей Окси. Только по этой причине возможно свободное существование и размножение аборигенов — а детишек там хватает. И раз машины терпят такое вот бельмо, то на это есть весомая причина вроде древнего и пока никем не нарушенного уговора. Так может длиться еще долго. Но раз здешние гоблины способны бурно плодиться… то однажды договор будет нарушен — и я догадываюсь с чьей стороны. Машины терпеливы. Они могут и сто лет подождать. И триста. Но однажды поймают на горячем, предъявят счет и аннулируют все договоренности без предложения альтернативы.

Нужное мне я разглядел только в небольшой антибликовый бинокль. Доминирующий среди хаоса строений двухэтажный

железный ангар с кривоватой дополнительной надстройкой. Он был повернут ко мне боком с четырьмя воротами. Одни из них были распахнуты, и я разглядел стоящую в теньке машину.

Вот и появилась причина наведаться в поселение со ставшим понятным названием Дирихибли…

— Эй, путамерде! Сыграем в мяч на тушняк, машраб? — пронзительный и чуть задыхающийся голосок исходил от замершего на краю грунтовой дороги тощего пацана.

Коротко оглянувшись, я остановился и задумчиво глянул на оборвыша. По размерам ему дашь лет восемь, но лицо выглядит старше и скорей всего тут виноват недостаток калорийной пищи. От загара пацан почти черный и непонятно на кой хрен ему нужны стянутые веревкой пыльные остатки майки на плечах. Шорты непонятного цвета зашиты аккурат — чувствуется заботливая женская рука. Лысая голова заявляет о борьбе с вшами, а пара старых рубцов и едва заметных кровоподтеках говорят о чьем-то тяжелом характере и не менее тяжелой руке. Подошвой правой босой ноги пацан удерживал комок тряпичного говна, который меньше всего походил на мяч…

— Ну давай! Колотим вон в те воротца! У каждого три попытки! Ты ставишь тушняк! Целую банку! У тебя ведь есть тушняк, машраб?

За моей спиной поднимался столб с красной вершиной. Мимо тянулась приведшая меня сюда дорога. Вокруг поросшее пыльной сорной тропой пустое пространство. Впереди, там, где начинаются первые постройки, достаточно высокая глиняная стена с отмеченными контурами чего-то вроде небольших футбольных ворот. На них и указывал наглый пацан.

— Как ты меня назвал? — поинтересовался я.

— Путамерде! — мгновенно ответил пацан.

— Нет. Другое слово…

— Машраб!

— Да. Что значит это слово?

— Машинный раб! Ты ведь из них? Паршивый охотник за членами? Торговец волосатым мясистым добром?

— Я кто?! — поразительно, но от слов пацана во мне вдруг колыхнулась злость. И скорей всего виной был не только смысл слов, но и брезгливое выражение его лица и тон голоса — Какими еще нахер членами, пацан?

— Я Дин, и я уже мужчина! Я не продам тебе свой пене! Меня не уколешь, машраб!

— Да нахер он сдался!

— Дин! А ну! — из очень узкого прохода слева от

«футбольной» стены торопливо выскочила еще молодая, но уже согбенная тяжелой жизнь женщина — Иди сюда! Живо!

— Мами! — возмутился пацан и пнул в мою сторону тряпичный мяч — Я зарабатываю нам еду!

— Простите его, сеньор — повернувшись ко мне, она склонилась в неумелом поклоне — Простите глупого мальчишку. Я научу его следить за языком. Он не хотел вас оскорбить.

— Да я… — договорить он не успел, поймав затылком не такую уж и сильную материнскую затрещину, что все же направила его на путь истинный и заставила умолкнуть, а заодно толкнула его к спасительному темному проходу.

— Мой мяч! Мяч!

Глянув на подкатившийся к ногам мяч, я пнул его и пролетев по короткой дуге, пыльный комок упал в подставленные детские руки. Глянув в лицо пятившейся женщины, не отрывающей глаз от моего оружия, я негромко произнес:

— У меня есть еда. Хорошая еда — в доказательство своих слов, я отцепил от рюкзака сетку с еще необработанными тушками агути — Приготовишь? Нам всем.

— А… а что в обмен, сеньор? — ее ребенок был голоден. А она сама, судя по многим признакам, вряд ли сыто ела хотя бы раз в жизни и уж точно не видела даже крошки еды этим днем. Но она не спешила соглашаться, хотя и не могла оторвать голодных глаз от покачивающегося в сетке мяса.

— Разговор — ответил я — Ночлег. Больше мне ничего не надо. И я не машраб. Я не охотник за членами, чтобы это не значило мать его.

— А кто вы, сеньор? Вы…

— Да никто — я попытался улыбнуться, но нихрена не получилось — Просто иду по своим делам. Еще я ищу надежную машину. Я не трону никого из твоих детей. И не прикоснусь к тебе.

— У нас и так нет места! — вякнул пацан, выглядывающий из прохода — Эй! А у тебя есть пустые банки или бутылки? Нам надо! Поменяем на лекарства — а то сеструхе худо совсем!

Его слова подействовали чем-то вроде ментального катализатора, и женщина разом приняла решение, часто закивав:

— Я согласна, сеньор. Я согласна. Моя имя Телси.

— Я Оди.

— Оди — повторила она и первой вошла в узкий переулок — Сеньор Оди.

— Просто Оди.

— Мы хорошие люди, сеньор Оди. А вы? — она не оборачивалась и явно надеялась уловить правду или ложь в моих

словах с помощью тех самых женских или вернее материнских инстинктов.

Я ее не разочаровал:

— Не. Я очень плохой. Но вам зла не сделаю. Тарелка горячей еды, немного информации и может быть ночлег. Больше мне ничего не надо. И я за все заплачу.

Я сейчас повторялся, но понимал, что только там смогу убедить все еще колеблющуюся гоблиншу, подгоняющую перед собой крайне недовольного пацана, принявшегося пинать мяч.

Пройдя через несколько переулков, где в стенах зияли широкие окна, показывающие пустые помещения или дремлющих потных стариков, где с верхних этажей вниз лились помои и летела какая-то шелуха, мы оказались рядом с ничем не примечательной узкой дверью. Окно было прикрыто едва колеблющейся на спасительном сквозняке рваной тканью. С одной стороны тряпка была оторвана и болталась. У окна стоял мускулистый мужик с приспущенными штанами. Правой рукой он надрачивал свой хер, а левую по плечу засунул в окно и что-то там делал. По прижатому к стене рядом с окном лицу с прикрытыми глазами расползалась улыбка блаженства. Я еще ничего не понял, а ахнувшая женщина уже с гневным криком ринулась вперед с занесенными кулаками. Дрочащий ушлепок приоткрыл один глаз, оторвал руку от хера и резко толкнул подбежавшую женщину. Та упала бы на замешкавшегося пацана, но я шагнул вперед, подхватил ее и поставил на ноги. Тем самым я оказался у окна и бросил быстрый взгляд внутрь крохотного помещения. Под окном имелись высокие нары. И на них металась в бреду что-то бормочущая обнаженная и покрытая потом девушка. Ее сиськи он и наминал, причем жестоко — судя по следам на коже и тому как глубок впились в тело темные грязные пальцы замершей руки. И нет только сисек коснулась его пальцы.

Я улыбнулся удивленно замершему при виде меня хренососу — о! Получилось улыбнуться! — и ударил снятым с бедренных ножен тесаком, после чего тут же отступил на шаг в сторону.

На грязную землю почти беззвучно упал еще эрегированный хер и одно из яиц. Скосил удар…

— Ы-Ы-Ы-Ы-А-А-А-А-А-А-А! — вой задравшего голову упырка наполнил трущобы звуком горестной сирены.

Крутнувшись, продолжая кричать, он подхватил свой отрубленный хер и припадая на обе ноги сразу, куда-то побежал. Высунувшиеся из пары окон седые головы торопливо засунулись обратно, где-то грохнули ставни.

— Я же говорил! — пронзительный голосок пацана сменил затихающую вдали сирену воя — Ты все же членоруб-машраб! Я

знал! Знал! Не забирай мой пене!

— Да нахер он мне… — с шумом выдохнув, я перешагнул лужу крови и опять глянул на обнаженную девушку — Что с твоей сестрой, пацан?

— Лихорадит ее! — ответил тот и перевел удивленный взгляд на привалившуюся к стене плечом женщину — Мами? Ты чего?

— Этот ублюдок — вздохнула она и прикрыла лицо ладонями — Он был из людей дона Вальро.

— Да! — подтвердил ее сын — Они крутые! У них даже есть ездящая тачка!

— Тачка? — в моем голосе зазвучал искренний интерес — А где живет сучий дон Вальро?

Мне никто не ответил. Пришлось шагнуть к впавшей в ступор женщине и встряхнуть ее за плечо:

— Эй! Телси? Мы жрать будем?

— Тебе надо уходить — тихо произнесла она, осторожно касаясь моего предплечья — Сеньор Оди… Таких как ты обычно не трогают. Если ты просто уйдешь, то за тобой не погонятся. А я… мы как-нибудь… мы что-нибудь им предолжим…

— Еще раз помять сиськи твоей беспамятной дочери? — предположил я — Сколько ей? Лет пятнадцать?

— Семнадцать.

— Семнадцать — кивнул я, расщелкивая рюкзачную защелку на груди — Ну да… Ладно… эй! Дин! Внутрь я в вашу халупу заходить не буду. Тащи сюда посуду и все для готовки жратвы. Еще мне нужен стакан с водой — сделаем лекарство для твоей сестры.

— А что потребуешь взамен, машраб?

— Не зли меня, пацан — покачал я головой, открывая рюкзачный клапан — Ой не зли…

Как и ожидалось из жратвы у них оказались только еще не сожранные пацаном тараканы в стенных трещинах. А из посуды имелось несколько закоптелых консервных банок, пара самодельных вилок, несколько деревянных сальных ложек и обложенный камнями очаг снаружи. Оглядев все это добро, я глянул на снова высунувшиеся и откровенно голодные хари соседей, не сводящие глаз с моего рюкзака, и велел заняться готовкой Телси. Несколько банок приберегаемой свиной тушенки, большой пакет с перловой крупой, немного смешанных с солью различных специй и убойная доза витаминов. Мысленно я уже прикидывал как быстро сумел бы сколотить из медленно выползающих на улицу оборванных гоблинов жалкое подобие боевого отряда. Вон того подкормить, а того с распухшим пузом и вздутым горлом сразу прирезать — все равно не жилец.

Заметившая мои взгляды Телси огляделась, все поняла и хрипло приказала достать большой котел. Через минуту пара искалеченных парней притащили черную от сажи половину железной бочки с приклепанными ручками. Другие торопливо несли глиняные кувшины с водой. Вся улица разом оживилась, зашумела. Никто не обращал внимания на пятно впитавшейся в иссохшую землю крови, никто не задавал вопросом — все было плевать на все кроме грядущего бесплатного угощения. Оценив толпу, я вывалил к ногам одного из них содержимое сетки с добычей и велел заняться свежеванием.

Выдавив в принесенный пацаном стакан с водой двойную дозу универсального лекарства, я проследил за тем, как его вливают в рот беспамятной девке. Убедившись, что главное сделано, я жестом подозвал к себе почему-то постоянно подпрыгивающего на единственной ноге горбатого мужичка и, пропустив фазу приветсвий, начал задавать короткие вопросы. Заглянув мне в глаза, мужичок перестал с намеком посматривать на мой рюкзак и принялся торопливо отвечать, без понуканий добавляя подробностей.

«Охотниками за членами», «шприцами», «маткорезами» и «яйцекиллами» здесь называли похожих на меня хорошо вооруженных бродяг с тяжелыми рюкзаками. Хотя у них всегда имелось какое-нибудь средство передвижения, и они очень редко путешествовали в одиночку — обычно втроем или вчетвером. Чаще всего эти «охотники» были верховыми и вели в поводу еще пару лошадей. Изредка среди этих лошадей были и железные — лошади или иные многоногие искусственные звери, выступающие в роли носильщиков. Порой отряд «шприцов» передвигался на внедорожнике. Но на чем бы они не передвигались у них всегда имелось при себе несколько битком набитых всякими нужностями и шикарностями рюкзаков, седельных сумок или целый багажник. Цветные стеклянные украшения, спиртное, еда, отрезы ткани, кое-какие лекарства, иногда патроны и все для их снаряжения. Все это служило оплатой для тех из местных жителей, кто соглашался на всего один практически безболезненный укол. Процедура всегда была проста — ты смотрел к поднесенный к лицу экран планшета, у тебя проводили палочкой во рту, а затем делали укол. После чего ты забирал выторгованный ранее товар — торговаться было можно и нужно, причем всегда к обоюдному веселью сторон. Некоторые счастливчики умудрялись сорвать действительно большой куш! Но в целом все и всегда торговались до хрипоты, понимая, что такую сделку им предлагают лишь раз в жизни. К тому же продаешь собственное будущее — и тут важно не продешевить.

Будущее?

Ну почти. Сделанный мужчине, женщине или ребенку любого пола укол отнимал возможность иметь потомство. Отнимал навсегда. Но большинство из местных на этот счет особо не переживало, к тому же некоторые уже успевали не раз стать матерями и отцами, прежде чем до них добиралась фатальная для воспроизводства игла. Так что сделка честная, прибыльная и добровольная. Конечно, если ты не пойманный преступник — тем, кто попал в местную тюрьму и имел несчастье там оказаться в день прибытия «херорезов», укол делался насильно. Тюремщики держали, охотник колол. Награда выплачивалась — но уже не уколотому, а тюремщикам.

Откуда приходят охотники?

Так кто ж их знает? Здесь в трущобах на этот вопрос точно никто не сумеет ответить. Хотя общее направление известно — вон оттуда. При этих словах одноногий мужичок махнул трехпалой рукой в сторону куда я и так направлялся.

Приходят они в любое время года, никакого графика нет, ведут себя всегда вежливо, хотя самым наглым могут и пинка дать, чтобы не лезли в приветственно раскрытый багажник или сумку с манящим содержимым. Но вообще они гниловаты, конечно. Очень гниловаты. Так ему самому сделали укол в четырнадцатилетнем возрасте, а всего их у матери было пятеро, отец погиб в джунглях и когда они уже начали подыхать с голода, пришли охотники и предложили мешок кукурузной муки и полмешка фасоли в обмен на уколы для всей семьи. Делать было нечего — укололись.

Ясно… покивав, переварив информацию — тут сильно воняло паленой электроникой и машинной смазкой — я оперся спиной о стену и, держа в поле зрения ведущий сюда переулок, продолжил задавать вопросы, в то время как по воздуху уже плыл запах начавшей закипать общей похлебки.

— Что это за дон Вальро такой? — спросил я у мужичка, которому надоело подпрыгивать и он присел у моих ног, занявшись отламыванием почернелых ногтей с пальцев ноги и увлеченным поеданием обломков — Кто он тут у вас? Главнокомандующий дрочащими на больных детей упырками?

— За это ему воздастся! — в сонных глазах поедателя ножных ногтей зажегся нехороший мстительный огонек.

Одобряю, гоблин, одобряю. Я только что уловил в нем слабую душевную искру злобного гоблина-бойца. Искра почти затухла, заваленная дерьмом суровой забитой реальности, но если помочь ему раздуть ее, если вложить в его трясущиеся лапы дробовик и показать на вызывающие у него злые эмоции цель… При этом не

факт, что эмоции вызваны праведным гневом — судя по его искаженной харе тут что-то личное и застарелое. И безымянный калека доказал это своими следующими словами:

— Убил моего брата! Он! Насмерть! — выплюнул калека, странновато ставя слова от волнения — Да мой брат был неправ!

— А Вальро?

— Мог и пощадить! — уже сдуваясь, прошипел мужичок и я разочарованно поморщился.

Я ошибся — он говно, а не гоблин. Правильный зомби, если судить по понятиям покинутого мной стального лабиринта Окраины Мира. Там бы такой как он выживал на теплых пристенных возвышениях, подставляя жопу любому — лишь бы заработать пару солов и не потерять оставшиеся конечности. И его бы такой вариант вполне устраивал…

— Вальро — правильный — калека продолжал меня разочаровывать, на глазах становясь все добрее и разумнее — Не зря его на общем сходе выбрали с первого раза. До него тут главным был дон Августино, но умер несколько лет назад. Теперь над нами дон Вальро и жить стало даже лучше. А то что тот путамерде лапал больную девчонку через окно… этого сам дон ему не простит. Он и его люди тут за порядком следят, насильников и воров карают люто, смотрят, чтобы нигде не полыхнул пожар, проверяют чиста ли вода в подземных хранилищах и чтобы всем ее хватало и была она бесплатна. И мусорщиков они пинают старательно — каждую ночь они выползают на улицы и все тут убирают. Днем эти животные не показываются…

— Животные?

— Дурманная ядовитая трава, вонь, паразиты, гнойники и даже проказа — вздохнул мужичок и покачал головой — Мой младший брат среди них. Уже больше года не виделись.

— Вижу у тебя все братья по хорошей дорожки пошли — заметил я.

— Жизнь такая! — окрысился одноногий, но тут же опомнился и заискивающе заулыбался — Это я от жары рявкнул так сурово. Голову напекло.

— А ведь ты видел, как тот ублюдок лапал беспомощного ребенка — вспомнил я замеченную голову за одним из окном, глядя в глаза окончательно разочаровавшего меня отбросу

— А что я мог сделать?! Он сильный, сытый и злой! А я… я вот он я — перед тобой! Легко тебе говорить, когда ружье в руке, а жирный вкусный тушняк в рюкзаке! И когда ты вот такой! — его заслезившиеся глаза с тоской скользнули по моим обвитым венами предплечьям, задержались на плечах — Вон ты какой! Да

высунься я и крикни ему что — он бы меня просто удавил! И я не высунулся — да никто не высунулся! — неожиданно подняв голос, он почти закричал — Я что ли один видел и ничего не сделал? Да все обитающие здесь поганые крысы видели — и никто! Никто слова не сказал! И где они сейчас? А вон — сидят с тарелками и готовятся набрать жратвы от матери той, чьего ребенка не защитили! Чего ты им тогда ничего не говоришь?! Почему не пошлешь этих дерьмоедов нахер?!

Я молчал, наблюдая за поведением вжавших головы в плечи трущобников, сидящих вдоль глинобитной стены с тарелками на коленях. Усмехнувшись, я чуть довернул корпус и ствол винтовки навелся на широкую грудь размашисто вошедшего в переулок мужика. Аккуратная седоватая борода, седые дреды, черные брови, глубоко утопленные глаза смотрят прямо и угрюмо, губы плотно сжаты. На высоком незнакомце просторные длинные шорты болотного цвета и распахнутая безрукавка. На ногах легкие мокасины на толстой подошве, на поясе длинный нож. Шагнув к замершей над котлом Телси, он ударил себя в грудь кулаком:

— Моя вина! Недоглядел!

— Да я… да мы… — пролепетала та, испуганно ежась — Да ничего такого, дон Вальро и…

— Ты охереть как недоглядел — лениво подтвердил я его покаяние, оставаясь на месте и не обращая внимания на пятерых вошедших за ним следом тяжеловесов.

Все вооружены, но тесаки и ножи на поясах, а не в руках. Уверен, что кто-то уже доложил дону о вооруженном чужаке и за ближайшим углом притаилось как минимум несколько достаточно умелых стрелков.

Коротко глянув на меня, дон порылся в кармане безрукавке, демонстративно вывернул его наизнанку, схватил безвольную руку Телси и высыпал ей в ладонь горсть зазвеневших монет. Зазвенел маняще металл. Об этом нарочито широком щедром жесте уже сегодня будут знать все трущобы. Но я был уверен, что в тот так решительно вывернутый карман заранее была положена определенная сумма денег, а жидкий водопадик пролился не для Телси, а для жадно наблюдающих трущобников. Осталось добавить последний штрих — которым я и сам пользовался много столетий тому назад.

Взглянув на толпу оборванцев, дон Вальро рыкающе оповестил всех и каждого:

— Кто тронет эту женщину хоть пальцем или посягнет на ее детей и добро — ответит лично передо мной! Передайте каждому! Она и ее дети под моей защитой!

Я засмеялся и в повисшей тишине мой смех звучал именно так как и должен был — насмешливой издевкой над фальшивой щедростью и никчемными обещаниями. Удивительно, но никто из тяжеловесов не попытался одернуть меня. Все они угрюмо молчали, сверля меня туповатыми взглядами типа «Если б не приказ, я бы тебе гланды через жопу выдавил»…

Дон Вальро повернулся ко мне, заложил руки за спину, демонстрируя этим жестом много чего.

— Я здешний смотрящий. И я благодарен тебе за справедливый суд над этим похотливым ублюдком. Он пока еще жив, но прежним уже никогда не станет. За совершенное им злодеяние положено, как минимум пятьдесят соленых плетей, но я считаю, что он уже достаточно наказан. И пусть это будет уроком для всех остальных — в том числе и для моих людей. Мне нужен здесь порядок. И я своего добьюсь. Вы слышите меня, люди? Передайте всем — карать за подобное буду сурово!

Выслушав, я удивленно хмыкнул — он говорил искренне. Само собой, больше всего он заботился о себе и своем положении, причем он явно собирался править тут до самой смерти. Но при этом он действительно планировал навести здесь полный порядок и не особо жалел лишившегося хера упырка. Может быть у этих окраинных трущоб еще есть шанс — если этого бородача кто-нибудь не убьет.

— Предлагаю тебе свой кров, путешественник — дон Вальро впервые улыбнулся, показав несколько блеснувших стальных зубов — Простая еда, крепкая выпивка, честный разговор. Если нужна помощь — обговорим. Помогу чем смогу.

Помолчав с минуту, я медленно кивнул:

— Ладно… поговорим. Но поговорим вон там — я взглядом указал на жалкое подобие кривоватого стола и пары лавок у одной из стен — Жратва и своя есть, а вот выпивку пусть несут — но для всех сразу. И наполни мясной кашей до краев еще два вот таких котла — мой взор сместился на бочку с булькающим содержимым — И поговорим. Пойдет?

С ответом он не промедлил:

— Пойдет! — повернушись к одному из тяжеловесов, он скомандовал — Ты слышал дона — тащите все сюда. И не забудь бутыль с тростниковым сиропом. И сегодня мы наполним не два, а четыре котла жирной мясной кашей! Пусть празднует весь квартал! — сбавив голос, он еще раз продемонстрировал здоровый цинизм, добавив для внимательно слушающего дуболома — Праздник только для этого квартала. На входах поставить по паре парней и всех желающих пожрать на халяву пусть заворачивают нахрен. Но без мордобоя!

— Все понял, дон Вальро — коротко кивнув, дуболом поспешил выполнять распоряжения, а сам дон Вальро проверил на прочность сооруженную из глиняных кирпичей и нескольких веток скамью, после чего уселся, шатнул для пробы столик и, уложив на него руки, взглянул на меня, успевшего сесть раньше и убрать руку от оружия.

Сейчас стрелять в меня не будут. А если не заставлю их — то и вообще не будут.

— Познакомимся? — предложил он, добавив еще один крохотный плюс к своей стоящей у меня в голове оценочной доске.

Ведь он не стал ждать, когда выглядящий моложе его наглый чужак первым нарушит молчание. Не стал он и тратить слова на красочное описание своей крутизны и влияния.

— Я Оди. Иду мимо — представился я — Ты Вальро. Смотрящий над здешними трущобами. Хефе.

— Хефе — подтвердил собеседник, вставляя в губы самокрутку и щелкая золотой старой зажигалкой. Выпустив струю дыма, он чуть помедлил и все же продолжил — Но хефе мелкий. Молодой.

— Это ты молодой? Еще лет десять и сыпаться начнешь — возразил я, без стеснения изучая дона Вальро и отмечая перепахавшие лицо глубокие морщины, тяжелые складки у рта и набрякшие веки в сетке тонких красных капилляров — А может и раньше, если продолжишь налегать на ром с сиропом.

— Верно — кивнул тот и затянулся еще глубже. Выдохнув, посмаковал дымное послевкусие и признался — Люблю я этот табак. Местный, самый дешевый, глотку дерет как зазубренный нож… но вкусный. Хочешь?

— Не.

— У меня есть и с травкой. Только не с той, которой помойники дышат, а элитная, хорошая.

— Не — повторил я — Травки не хочу. Да и бухла особо тоже. Но несколько стопок выпью — не больше.

— А чего ты тогда хочешь? Сладкой женщины? Мягкую упругую и здоровую молодуху с еще белой улыбкой и не уставшими от жизни глазами…

Подумав, я кивнул:

— Да. Пожалуй, хочу. Хотя скорее это организм требует секса.

— Когда организм чего-то требует — кроме болеутоляющего и пули в башку — то это славно — вздохнул дон Вальро, туша первую и тут же поджигая вторую самокрутку — Сказать парням пару слов про молодуху? Найдут лучшую. Само собой

добровольно все будет — за честную плату. Ты как я понял в этом похож на меня — насилия над женщинами не любишь.

— Насильников надо медленно кастрировать, а затем неспешно убивать — без особых эмоций ответил я — Именно в этом порядке. Публично.

— Да я бы и рад — он неожиданно усмехнулся — Но решаю не только я. Решают другие. И веса у них больше.

— Те что живут в центре? — предположил я.

— Нет — Вальро покачал головой, отчего седые дреды пустились в долгий пляс — Наши предки прибились к ним, а не наоборот. И городским на нас плевать ровно до тех пор, пока мы не нарушаем главные и вполне справедливые правила. За это они терпят нас трущобников вокруг себя и регулярно дают немало черной работы.

— Ямы копать и говно носить?

— В основном — согласился он — Платят едой, лекарствами и медными дублонами. Одно из их главных правил — тут все должно быть организованно. Никакого хаоса и хоть какой-то строгий закон в трущобах. Так здесь появились смотрящие доны. А затем возник наш совет Пяти Касиков.

— Касики — повторил я — Доны, хефе, капо, касики, хренодебилы… сколько еще титулов вы себе придумаете, гоблины?

— Кто-кто?

— Дублоны, песо, пиастры, солы… Сколько еще забытых валют возродите? Мы уничтожали все это дерьмо ради светлого будущего, а вы вернулись к усердному откапыванию токсичных отходов…

— Я не совсем улавливаю ход твоих мыслей…

— Продолжай, дон Вальро. Продолжай.

— А ты сам кто такой? — он спросил спокойно и даже лениво, в то время как один из вернувшихся его пареней уже разливал по стаканам и стопкам алкоголь и сироп, тут же разбавляя его водой — Ты не из охотников. Ты не машраб.

— Да никто — ответил я, беря одну из стопок — Я злой гоблин, идущий своей дорогой. И мне нужна исправная тачка — из тех, что сумеет проехать хотя бы пару тысяч километров.

— Ого…

— Ага — подтвердил я.

— И далеко направляешься? Хотя нет… на самом деле меня волнует другой вопрос… не по пути ли тебе будет Клериатис?

— Поселение?

— Вроде того — кивнул он — Скорее кочующий раз в пятьдесят лет поселок. Сам я там не бывал, но знаю, что они

уничтожают старые железобетонные руины, работая как термиты. Когда заканчивают — чинят свои вросшие в землю трейлеры и на следующие полсотни лет перебазируются куда-нибудь еще… Он вон в той стороне и пробудем там еще лет десять, если верить доходящим до нас слухам.

Даже не глянув в указанную им сторону, я задумчиво хмыкнул:

— Грызущие железобетон термиты…

— До поселка миль семьдесят. Но, честно говоря, дорога совсем хреновая и часто зарастает какими-то безумными, да еще и ядовитыми лианами. Или чертову дорогу накрывает очередным упавшим деревом и опять приходится часами прорубать себе путь. Так рассказывают пришлые редкие торговцы, когда объясняют с какого перепугу цена на мыло выросла втрое.

— Чистота жопы всегда ценилась — заметил я, принимая уж от самого дона вторую стопку и стакан для запивки.

На этот раз он налил стопки только наполовину и нетерпеливо глянул на копошащихся с закуской парней, явно отвыкших рубить копченину в походных условиях.

— Ты стрелков из закоулка уже убрал? — поинтересовался я

— Нет — он ответил усмешкой на усмешку и наши стопки со звоном соприкоснулись — Пока не убрал. А там паренек меткий. Дикарь считай. Пришлепал на окраину с год назад с какого-то нелегального крохотного поселения в джунглях. Оттуда сюда редко кто выходит — они те еще жестокие ублюдки. Всех пришлых убивают, чтут какие-то там замшелые традиции, поклоняются пролитой крови и вроде как червям. Отрицают технологии любого вида — но только не огнестрел. Да и в том за неосквернённый почитают только револьверы и однозарядные винтовки. Казалось бы бред… но видел бы как он стреляет. А так звереныш как есть… даже мясо предпочитает жрать сырым — обмазывает медом и жрет, постанывая от удовольствия.

— И он держит меня на прицеле?

— Верно — дон Вальро кивнул — И еще один на крыше.

— Его я срисовал уже. Жирный лысый кабан с бакенбардами.

— Да как ты мог бы отсюда снизу…

— А он только что башку через край свешивал и к запаху жратвы принюхивался — рассмеялся я и качнул головой — Ох если бы это был один из моих гоблинов… я бы ему уже его ноздри к его же анусу прилаживал…

— Твою мать… — процедил собеседник, сокрушенно потирая наморщенный лоб — Тупой бастардо… Педрильо! Какого хера ты не в засаде, а чуть ли не жопой в котле с чужой жратвой?! Я тебя так хреново кормлю?!

Там на крыше кто-то от неожиданности протяжно и звучно перданул, а затем снова затих.

— Вали нахрен оттуда и займись дровами! — рявкнул дон Вальро, а потянувшись за бутылкой, добавил — Минк! Ты тоже свободен! Вэкко! Вэкко!

На том конце извилистого темного переулка едва уловимо для глаз что-то колыхнулось и больше я не увидел и не услышал ничего. Дикарь он и есть дикарь — таких надо реально до утробной икоты порой бояться. Оборванные, тупые, нихрена не знающие о внешнем мире, с головами забитыми невнятными верованиями в какую-нибудь невероятную хрень, они влегкую подкрадывались к патрулирующим профессиональным солдатам и мгновенно выносили их самым примитивным оружием. После чего выгребали из подсумков всю жратву, стаскивали окровавленную одежду с обувью и снова растворялись в руинах, не обратив внимания на современнейшее автоматическое оружие… Так было где-то посередине ставшей уже совсем страшной и беззаконной Эпохи Заката, когда больше половины населения планеты исчезло либо в смерти от пандемий и катаклизмов, либо внутри холодильников гига-куполов.

— Ты снова куда-то пропал — заметил Вальро.

— Да нет — ответил я — Просто ты все не переходишь к сути. Чего ты хочешь?

— Ты боец — он не спрашивал, он утверждал, причем уверенно — Я это даже не вижу. Я это чую. В чем-то ты очень сильно похож на дикаренка Минка. От тебя пахнет кровью… Да и твоя уверенность говорит о многом. Ты отрубил хер одному из моих людей и преспокойно остался здесь в ожидании не стоящей твоей жизни жиденькой каши…

— Хм…

— Одного пока я еще не понял.

— Чего?

— Ты одиночка?

— Сейчас — да — коротко ответил я.

— А раньше была команда?

— Была.

— И ты явно не был рядовым бойцом…

— Я командовал.

— Они все погибли?

— Не все. А тех, кто выжил я бросил в самом сердце урагана из дерьма и крови… и ушел.

— Дезертировал?

— Наоборот — усмехнулся я.

— Вот тут не понял.

— А и не надо.

— И ты в одиночку прошел через Сонные Пески?

— Даже не понял о чем ты.

— У тебя на обуви и штанах остатки оранжевого едкого сока. Эта трава растет только в Сонных Песках. И ты там явно побывал.

— Значит, прошел — кивнул я — И?

— Значит ты крут. И я бы хотел нанять тебя, амиго Оди. Что скажешь? Такого как ты можно нанять? — дон приподнял третью стопку, в пальцах другой руки крутя кусок темного копченого мяса.

— Меня-то? — я тихо рассмеялся и кивнул — Еще как можно. Я простой гоблин и всегда рад заработать пару… какая там у вас монета в ходу? Пиастры?

— Дублоны. И скайзы. Но они великая редкость.

— Это еще что хрень?

— Скайзы? Это монеты небесного народа.

— Тех из дирижабля?

— И их в том числе. И остальных, кто живет в небе. Ты когда-нибудь слышал про настоящие летающие острова?

— Ага — кивнул я, задумчиво потирая щетинистый подбородок — А ты хоть раз видел летающий остров?

— Нет. Но древние дирижабли и острова еще летают — там над облаками. Говорят, что у них на борту диковинные автоматы, что продадут любую вещь, если у тебя достаточно скайзов. И там же операционные, которые могут спасти даже самого безнадежного пациента. Или восстановить ему потерянную руку или ногу. Заменить сердце… представляешь? Сказки или…

— Не сказки — ответил я — Продвинутые медблоки способны на многое.

— Откуда ты знаешь?

— Читал — хмыкнул я — В сурверских сучьих сказках.

— О! Тот огромный дирижабль небесного народа — они ведь тоже своего рода сурверы. Так говорят. Хотя при них не стоит говорить такие слова… А у тебя остались те сурверские сказки?

— Не-а. Так что там насчет щедро оплачиваемого найма?

— Мне нужен боец в сопровождение моего каравана. Пункт назначения — Клериатис. Учитывая дорогу… доберетесь туда часов за пять или шесть. За твои хлопоты заплачу пять серебряных дублонов.

— Пять серебряных дублонов — повторил я и поскорее закинул в пасть ломтик копченого мяса, чтобы не зайтись в диком хохоте.

— Пять — кивнул дон Вальро — Мало? Пусть будет семь дублонов — это реальная цена для опытного караванвожатого.

— Чего ты боишься, Вальро? — спросил я прямо — Явно не швыряющихся дерьмом макак.

— Я один из тех, кто обладает амбициями. И многим из советов касиков это прямо поперек горла.

— Междоусобная грызня?

— Она самая. Наши заработки идут от торговли, транспортировки и хранения. Кое-что добывают мои люди в джунглях, кое-что я перекупаю, доделываю, улучшаю в мастерских и продаю. Другие делают то же самое.

— А деньги тратишь на найм бойцов и покупку вооружения?

— В точку. Чем сильнее твоя личная армия — тем больше у тебя веса. Ну и от смазывания шестерней никуда не деться. Подарок здесь, подарок там… Сам не знаю почему тебе все это рассказываю… но ты очень необычный человек — это я понял мгновенно.

— А как понял? По идеальном срезу члена того подонка?

— И по нему тоже — кивнул Вальро — Тут ведь всего два варианта — либо ты тупой и не умеющий задуматься на час вперед отморозок, либо… либо кто-то совсем другой, но тоже на всю голову отмороженный.

— Семь дублонов — произнес я — За безмятежную поездку до Клериатиса.

— Да.

— Но мне нужна тачка.

Он пожал плечами:

— Заработай.

— А сколько стоит нормальная тачка?

— Хо! Открытый внедорожник… сотни четыре серебряных дублонов. Или сорок золотых.

— Курс один к десяти?

— Си.

Если такие бешеные цены за колесную технику, то понятно почему Вальро только рад нанять дополнительного бойца. Тут, похоже, дело даже не в товаре, а в угрозе потерять дорогущие машины. Если он зарабатывает им же описанным способом, то без транспорта в его бизнесе делать нечего.

А я…

А я обычный путешественник, что от слова совсем не хочет лишний раз светить ни своей рожей, ни громкими делами. И предложение седого дредоносца я приму. Хотя не помешает уточнить одну деталь.

— На нас ведь могут и напасть?

— Что-то дрогнуло в жопе?

— Что-то дрогнуло в пустом кармане — парировал я — И

патроны не казенные. Не хочу рыдать от жадности и горя, когда дырявлю чужие головы.

— Если нападут и отобьетесь — с меня двойная оплата. Плюс за каждого убитого тобой плачу по три серебряных дублона.

— А патроны?

— На каждого наемника выдаю по сто подходящих под его оружие патронов. Если стрелять не пришлось — патроны возвращаешь.

— Сто? — я не выдержал и рассмеялся — Шутишь, Вальро? Я столько сжигаю в полминуты при хорошем бое.

— А ты сжигай медленней! Так как? По рукам, амиго Оди?

— По рукам — кивнул я, протягивая ладонь — И добавь ко всему этому бесплатную помывку и пару полных фляг с собой.

Подумав, он сжал мои пальцы и кивнул:

— Хорошая сделка. Мы договорились. Выезжаете завтра до рассвета…

Глава 6

Утро задалось.

Хотя хер его знает почему. Но утро задалось.

Это было не мыслью. Даже не осознанием. Скорее тупым и странным ощущением полного удовлетворения текущим моментом встречи первых солнечных лучей, сидя на перетянутых стропами мешках в кузове покачивающегося грузовика. Меня мучило уже исчезающее легкое похмелье, внутри черепа постанывала пустота там, где когда-то гнездились удаленные чипы, спина взопрела и зудела, а отработавшие свое струпья отваливались с заживших мест гроздьями, вызывая неимоверную чесотку под бронником — то есть там, где хер почешешься. Моим завтраком была остывшая каша с привкусом сдохшей от гнойного говнотока кошки и того же вкуса несладкий кофе. Меня пихнули на самую опасную позицию. Но при этом утро задалось. Гоблин был доволен и сам толком не понимал почему.

В последнюю минуту у них там чуток что-то поменялось и в результате небольшой караван превратился в солидный и вялый кусок немилосердно громыхающего и рыкающего на всю округу говна. Если в зажавших дорогу джунглях есть разбойники, то им нас даже искать не надо. Всего девять машин, но выделялась среди них всего одна — древняя электрическая фура, выделяющаяся в строю внедорожников так же, как дивинус бы выделялся среди обычного зверья. Не знаю, кто работал над внешним обликом и защитой фуры, но этот хреносос явно считал, что основную опасность будут представлять тупые дебилы — и именно поэтому надо натыкать повсюду как можно больше острых железных кольев, прямо вот сука гроздьями, чтобы дебилам было куда напарываться и где в корчах подыхать. Отсутствующую лобовуху заменили обычной решеткой, при этом сквозь нее спокойно могла бы пролететь брошенная почти наугад осколочная граната. Колеса вообще не защищены, а овальное пулеметное гнездо на крыше выложено из засыпанных песков кокосовых мать их орехов. Буквально. Между собой орехи были скреплены сеткой и стальной проволокой. Охренеть…

Брюхастый водитель фуры, поймав мой взгляд, радостно осклабился и показал оттопыренный большой палец, не забыв про вопросительный взгляд. Просит оценку этого говна… С неумелым добродушным оскалом я тоже показал ему палец, потом молча выслушал еще сонное бурчание главы караванной охраны и без пререканий полез на самое гиблое место. Сдохнуть среди пустых орехов… в этом есть своя ирония.

Вообще я бы мог многое сказать. Причем почти все сплошь матерное. Но я промолчал и даже выражением небритой хари не выдал своих настоящих мыслей. Причина такой послушности проста — я перед сном потратил минут так десять на самоанализ и понял, что автоматически стремлюсь к собственному шаблону поведения. Агрессивность, непримиримость, посылание нахер всех авторитетов и отказ выполнять чьи-либо приказы. И если я продолжу в том же духе, то вся моя затея заранее обречена на провал.

Тут есть шпионы машин.

Не машрабы, чтоб их, не охотники за яйцами, чтоб их, а обычные с виду местные туземцы, причем задействованные в разных сферах рутинного бытия. Кто-то из них держит небольшой и в меру популярный магазинчик. Другой обычный чернорабочий, который вечера просиживает в какой-нибудь кантине, где просаживает последние медяки в кости, не забывая внимательно вслушиваться в чужие разговоры. По несколько рыл обязательно состоит в команде каждого здешнего старосты, касика, смотрящего и прочих титулованных. Все они собирают информацию, а затем передают ее куда надо. Причем для этого им вряд ли даже надо жопу напрягать — достаточно лениво шевельнуть мозгами, передавая инфу на нейрочипы, а тот уже сам сбросит на замаскированную где-нибудь антенну передатчика.

Я еще не разобрался насколько здесь дикие территории. Не знаю, насколько сильна тут власть машин — хотя собираюсь это узнать — но в одном я уверен на все сто процентов: кто-то из Управляющих с присущей им постоянной внимательностью наблюдает за этой знойной частью оздоровленной планеты. В этом я убедился, как только узнал о добровольно-принудительной стерилизации населения. Один укол — и ты бесплоден. Попытка локального контроля популяции — причем вполне успешная, раз пока не было второго классического этапа. А он придуман еще в конце двадцатого далекого века, а впервые был реализован в начале двадцать первого, после чего использовался регулярными волнами. Ведь в темные века цивилизация не раз оказывалась на грани из-за всевозможных эпидемий чумы, гриппа, тифа, холеры и прочих прелестей. Ни к чему придумывать новое — просто слегка модернизировать старое и вперед — бей пробирку о голову нулевого пациента. Вчера я успел пообщаться со многими и выяснил, что последняя эпидемия здесь была больше шестидесяти лет назад. Значит все же была… но новых волн пока не было, что говорит о многом.

Как это касается на меня? Да напрямую. Меня ищут. Ищут

упорно. Хотя бы одна Управляющая — но ищет. Для этого они наверняка использовали вообще всю известную им обо мне информацию. И в этой инфе наверняка мелькнула Окси. Если у них есть доступ в ее земли — а он наверняка есть — то они уже в курсе, что я там был и ушел. Но вряд ли машины знают о пройденных мной процедурах по извлечению всего металлолома из моего тела. Один, а скорей всего несколько поисковых отрядов уже брошены на мои поиски. Но здесь огромные территории и найти меня крайне сложно. Есть наблюдение с воздуха, но главное — это шпионы и кроты. Всем ясно, что я не могу бесконечно долго сидеть в джунглях. И все сейчас ждут, когда злобный и неуправляемый гоблин Оди вылезет их долбанных зарослей и убьет пару десятков каких-нибудь отморозков, устроив при этом жестокую кровавую фиесту. Об этом случае тут же полетят слухи и останется только подхватить ниточку и осторожно потянуть, подсекая тупую рыбку Оди…

Вот почему я чуток пересмотрел свое нехорошее поведение. В следующий раз я очередного насильника, конечно, накажу, но постараюсь это сделать не столь показательно. Вообще много поправок я внес минувшей ночью. Но главное изменение — чтобы не случилось, я до последнего буду продолжать жизнь одинокого наемного рядового бойца. Никакого командования — никем! Не возьму в подчинение даже одного гоблина. Моя задача проста и для меня аж сука удивительна — я должен честно отрабатывать предложенную плату, копить деньги на тачку и продолжать двигаться к первой намеченной цели. И никакого привлечения внимания к своей харе — которую я пока решил не брить. Я должен раствориться. Причем раствориться не в джунглях, а среди этой бурой и живой дикой массы заново рождающейся цивилизации — которой вряд ли разрешат достичь эпохи расцвета.

Я Оди. Нелюдимый мрачный рядовой. Крепко держу винтовку, за спиной дробовик, на поясе револьвер. Крутой автомат разобран и убран в состаренный нашитыми обрывками рюкзак. Еще несколько дней на жаре и вечно потная снаряга станет неотличима от снаряжения других наемников.

Главное сдерживаться. Это самое трудное… главное сдерживаться, даже если слышу откровенно тупые приказы…

Но, и быть может именно поэтому утро в целом задалось, тупых приказов я не услышал. Да меня отправили на самую гиблую позицию — но именно туда бы я сам и отправил мутного новичка. А я был «мутным» для обоих охранных команд.

В утренней оживленной толкотне, цедя неплохой кофе из деревянной кружки, я наблюдал как из двух караванов

формируется один. Все получилось быстро и толково по очень простой причине — главный во второй команде сразу же признал лидерство бородатого Скьюдемора, работавшего на Вальро. Бодаться они не стали. И это ускорило все в десятки раз. Именно Скьюдемор заслал меня в пулеметное гнездо, издали уставившись на меня непроницаемыми стеклами солнцезащитных очков. Допив кофе, я отлил в сточную канаву, убедился, что фляга с водой полна чистой воды и потопал на точку, так и не проронив ни слова. Еще через минут двадцать мы наконец тронулись, покинув окраинные трущобы той же дорогой, что и привела меня сюда. Следующие несколько часов караван неспешно перся по грунтовке без остановок. Затем начались мелкие и пока чисто технические трудности, что решались почти на ходу. Скьюдемор рявкал редко, но метко, а временно «разжалованный» второй лидер не гнушался пачкать ботинки дорожной пылью, подпинывая сонных от жары гоблинов. Я внимательно наблюдал, оценивая все в целом и стараясь не выдать своего пристального интереса. В этом помогала заросшая щетиной каменная морда, непроницаемые очки и поза медитирующего бездельника. Какое-то время я ждал, что и меня пошлют на передний край, но вскоре понял, что никто не хочет заморачиваться с возможно ничего не умеющим кроме стрельбы пока незнакомым наемником. И дело не в умении махания мачете — тут все было чуть иначе.

Лианы… Зеленовато-бурые плети, покрытые множеством мелких овальных листьев. Они тянулись над дорогой так низко, будто их протянул и приподнял кто-то разумный. И к ним требовался специфичный подход, исполняемый обычно тощим гоблином в некогда красном цилиндре, утыканном яркими птичьими перьями. Он еще на ходу спрыгивал с подножки головной машины, странным хромающим аллюром добегал до одному ему ведомой части лианы и обычно наносил всего один удар, тут же отпрыгивая назад. Перерубленная древесная плеть плескала молочным соком и обе части отдергивались друг от друга как резиновые. Подскакивали помощники и с помощью багров подцепляли подрагивающие плети и убирали с дороги. Один гоблин чуть замешкался и пара листьев вроде как легонько коснулись его предплечья, но этого хватило, чтобы из двух глубоких разрезов обильно полила кровь. Парню тут же наложили жгут и заволокли в один из фургонов. Темная стайка мошка разочарованно ударилась в дверь и, погудев, разом опустилась на темные пятна на земле.

Другой проблемы стали завалившиеся стволы и тяжелые толстенные ветви. Тут справлялись с той же привычной быстротой, не забывая забирать сухую древесину, забрасывая ее

на крышу фуры. Рядом со мной сидела пара смуглых мужиков, и они с радостью укладывали добычу, перетягивая старыми веревками. По их лицам было понято, что все идет, как всегда. Они не сменили выражения харь и через еще пару часов, когда из джунглей на дорогу вышло несколько замотанных в зеленоватое тряпье фигур в странных соломенных шляпах и с винтовками за спинами. Если это не те самые разбойники, то боюсь и представить, как выглядят настоящие. Вон и пара гранат болтается на самодельных разгрузках. Боевые дети джунглей… к которым безбоязненно подошел один из старых охранников. Вскоре они рассмеялись, похлопали друг друга по плечам и разошлись. Но перед этим обменялись рюкзаками. Еще через несколько минут колонна снова пришла в движение. Сидящие рядом поглядывали на меня, но я не задал ни одного вопроса, зная, что рано или поздно сами меня просветят. А если не захотят — то и посрать.

Первую серьезную остановку караван сделал уже через полчаса и это не было вынужденной мерой. Здесь стояло полуразрушенное здание. Сложенное из позеленевших железобетонных плит, увитое растительностью, оно высилось рядом с дорогой, стоя в ее изгибе — и причиной этого изгиба и являясь. Машины вошли в полускрытый лианами пролом и неспешно запарковались на явно привычных местах. Место хватило всем — даже фуре. Вниз с грохотом полетели охапки собранных дров, а я продолжал осматриваться.

Тут когда-то было три этажа. Но время не пощадило перекрытия, и они сложились друг на друга, сыграв в фатальные ладушки. Крыша устоялась, но не благодаря собственной прочности — в ней зияли нехилые дыры, а все остальное поддерживалось плотным ковром уже чуть ли не окаменелых толстых лиан, начинавшихся от земли и доползших до самого верха. Окна тоже заросли, дверей не видно, но есть два больших и явно искусственных пролома. Один был закрыт ржавыми металлическими воротами, а второй на моих глазах закрывали деревянными щитами, хотя имелись и пока прижатые к стенам воротины. Внутреннее пространство здание пустует, изнутри вдоль стен тянутся деревянные пандусы, доходящие почти до потолка. На стенах белым намалеваны круги и овалы — по ходу там полускрытые листвой бойницы и в случае чего будешь знать куда бежать и где искать в этом полумраке. Земля скрыта выровненным слоем из уцелевших плит и бетонного крошева. У боковой стены вытянулись в ряд заставленные всячиной столы, у противоположной стоят двухэтажные кровати и висят гамаки. Над ними хвастливая надпись белым «Приют Крозби».

Когда я неспешно спустился, меня уже поджидал нервно приплясывающий молодой парнишка со скособоченным носом, тут же гнусаво выпаливший:

— Комендante…

— Слушаю — буркнул я и… осекся.

Вылупившийся на меня паренек похрюкал, оценив шутку и продолжил:

— Комендante Скьюдемор отдал приказ отдыхать до завтрашнего утра. Еда от пуза вон там — и хорошая! — он указал грязной лапой на столы — Отдыхать можешь в любой свободной койке вон там, а если не хватит, то есть соломенные матрасы. Алкоголь, травка и остальное легкое и тяжелое под полным запретом и лучше с этим не шутить, бро. Если завалялись лишние дублоны и надо что-то починить или купить — у тех столов спроси Жирного Пигга. Да ты и сам его увидишь. Цены ломит вдвое, так что торговаться не забывать. Я кончил.

— Так вытрись, гоблин — ответил я и… закашлявшись, качнул головой — Понял тебя… как там тебя… и кто там тебя…

— Я Вункс! И человек я с правилами простым, бро: ко-мне-в меня-не-лезь — и враждовать не будем. Понял?

— Понял — кивнул я.

— Класс — кивнул Вункс и дернулся было в сторону, но я остановил его вопросом:

— А зачем здесь ночевать? Время чуть за полдень.

— Послушай, бро… я такой же рядовой, как и ты. Ну может чуть опыта побольше боевого. Хотя кто знает… я вот в предпоследней заварушке сразу троих замочил из винтовки — паренек похлопал себя по ремни и тощей груди заодно — Тебе приходилось разом троих валить?

— Ну что ты… куда мне…

— Вот! — он аж расцвел и чуть подрос, не забыв и плечи расправить — Вот про это могу подсказать — как парой быстрых очередей сразу троих накрыть. А насчет дорожного плана и ночлега… это не ко мне.

— А к кому?

— А зачем тебе, бро? Еда будет вкусной. Вечерком в карты перекинемся. Ночью выспишься спокойно. Живи спокойно, кайфуй тихо. Зачем лишние вопросы задавать?

— И не говори…

— Хотя люди мы все разные… так папаша мой покойный говорил. Вон там видишь мужик сидит за столом? С кружкой?

— Ага.

— Это один из старших помощников. Он точно ответит — если сразу нахер не пошлет. А вообще осторожней с ним — они

приемы разные знает и рука у него тяжелая, бро. Не нарывайся.

— Не буду — кивнул я и, хлопнув охнувшего парня по плечу, посоветовал — Почисти оружие и жопу, Вункс. И там и там воняет. А затем сожри двойную порцию чего нам там дадут.

— А ты не охе… — поймав мой сонный взгляд, Вунк осекся и медленно кивнул — Шутку вобрал и оценил, бро, вобрал и оценил.

Не снимая рюкзак — все свое держу при себе — я дотопал до указанного стола, где покосился на прозрачный древний чайник и предпочел налить себе еще порцию черного кофе. Отхлебнув горького напитка, повернулся к оценивающе рассматривающему меня старшему помощнику. Я ответил таким же взглядом, отметив более чем крепкую мускулатуру под потемнелой от пота старой футболкой, наличие пистолета в поясной кобуре, прямой жесткий взгляд маленьких зеленых глаз и длинный характерный шрам на шее. Ему перерезали глотку. Буквально. Но он как-то выжил, а судя по уродливому вспученному шраму, обошлись без особо квалифицированной медицинской помощи. Ему лет сорок пять, но скорей всего он старше — походная жизнь держит в тонусе.

— Наемник Оди — произнес наконец он, опуская кружку на стол и приглашающе кивая на место рядом — Есть вопросы?

— Ага.

— Как без них — согласился тот — Я Гарри Тонг. А у тебя продолжение имени есть?

— Не-а — отозвался я, усаживаясь.

— Пчелиную блевоту будешь? — покопавшись в лежащем на стуле рюкзаке, с прислоненной к нему винтовкой, он достал и опустил на стол стеклянную баночку с металлической крышкой.

Глянув на этикетку, я удивленно моргнул — обычный квадратик цветной бумаги, изображающий сочащийся янтарной жижей кусок оторванных пчелиных сот, тут ничего особенного. Но этикетка была такой новой, словно Гарри пару дней назад снял ее с полки супермаркета. Потянувшись к баночке, я взял ее, покрутил в пальцах. Больше никакой маркировки. Нет и указаний на производителя. Единственное слово указывает на содержимое «Мед».

— Откуда это? — спросил я, с щелчком скручивая крышку и принюхиваясь.

Запах одуряющий, вкусный, естественный и сладкий. Натуральный пчелиный мед как есть.

— Небольшой бонус после одного дельца — ответил Гарри — Спасли мы тут в джунглях завязшего на своей машине одного машраба. Когда вытащили его из той ямы и дотащили до

ближайшего поселения, он отблагодарил разной мелочевкой нас и крупняком старшего. Мне вот досталась пара банок вкусной блевоты. Одну смешал с орехами и отложил как походный паек на черный день. Другую решил употребить с чайком — и тут ты подошел. Знак свыше, Оди? Ложка есть?

— Сладкие дары машрабов — хмыкнул я, закрывая банку и отодвигая ее от себя — Я это есть не буду.

— А чего так?

— Да как-то неохота жрать подарки тех, кто носится по джунглям с волшебными уколами и мечтает о химической кастрации всего здешнего населения… — рассмеялся я и, подавшись вперед, пододвинул баночку ближе к лежащим на столе пальцам Гарри — А ты кушай, кушай.

Покрутив емкость в пальцах, Гарри задумчиво помолчал, глянул пару раз на меня и крикнул:

— Вункс!

— Тут! — парнишка подскочил мгновенно.

— Возьми мед и иди нахер!

— Есть!

— Мед от того машраба.

— Вещь — заулыбался Вункс, торопливо прижимая мед к груди — Мне при дележке даров петушиная тушенка досталась. Вкусно!

— Куриная? — уточнил я.

Они оба покачали головами, а Гарри добавил:

— Видел я ту банку. Так и написано — петушиная тушенка. А внутри обычное мясо. В меру соли и перца. Вкусно.

— Ел?

— Машрабы много чего привозят в наши края — отозвался Гарри и, неопределенно цыкнув зубом, вдруг решил — Перехожу на все местное. Так… на всякий случай. Хотя я с молодости с караванами брожу и постоянно перепадает то и се… не выкидывать же было?

— А дети у тебя есть вообще? — зевнул я.

— Семьи пока не завел. От залетных детишек не наплодил. Хотя может и пора уже… А у тебя как с семьей?

— Да никак — ответил я — Одиночка.

— По жизни или временно так сложилось?

— Да хрен его знает — рассмеялся я.

— Ты ведь спросить что-то хотел? Видел я как Вункс тебя ко мне послал.

— Ага.

— Так спрашивай.

Я спросил прямо:

— Нахрена нам тут ночевать? Как я понял половину дороги мы прошли. Еще до заката доберемся до нужного городка.

— Может и доберемся — кивнул Гарри, опять принимаясь копаться в своем рюкзаке — Но там дальше дорога идет через древний лес. Деревья такие толстые, что пока вокруг одного оббежишь уже устанешь. Сами эти стволы считай вечные — их даже не сжечь, настолько много они влаги из земли выкачивают. Ткни кору пальцем — вода выступит. Этим монстрам никакая буря не страшна. А вот ветви иногда падают… ну как ветви — порой до полутора метров в поперечнике. Иногда еще толще.

— Серьезное препятствие — признал я, оценивающе глянув за запаркованные внутри убежища машины.

Они все серьезно переделаны — даже внедорожники. Все высоко подняты, просвет более чем солидный, шины зубастые, усиленные бамперы, но одно дело ехать по регулярно очищаемой грунтовке и совсем другое, когда надо пробираться по старым джунглям. Плюс максимальная загрузка, тесно растущая в сумраке древних родичей молодь, везде долбанные лианы, торчащие из земли каменные шипы и просто древесные колючки… а если вспомнить про ядовитых насекомых и змей, то углубляться в джунгли расхочется прямо вот сразу. Куда проще достать топоры и прорубиться через любое по толщине препятствие — так и так дорогу все равно придется чистить.

— А еще там есть река и стадо слишком уж умных и злобных ревунов.

— Ревуны?

Бросив на меня внимательный взгляд, Гарри уточнил:

— То есть раньше ты этой дорогой не ездил?

— Не-а — ответил я — Первый раз.

— Откуда ты, Оди? Кто ты такой не спрашиваю… хотя точно не машраб. Но снаряжен ты получше нашего и видно, что оружием ты пользоваться умеешь неплохо. Заметил я как ты вел себя там на фуре.

— И?

— У меня пара вариантов откуда ты мог выйти… и вот упорно мне чудится, что ты пришел из земель Матушки Окси.

Меня перекривило так сильно, что остатки кофе вылились мимо искореженного рта, забрызгав стол.

— Ого… — прокомментировал собеседник.

— Она никакая не матушка — проворчал я, ладонью стирая брызги со стола.

— Да это я на автомате — сказал так, как слышал из старых легенд. Свободные земли Матушки Окси. Свободные для своих, закрытые для чужих и справедливые для всех. Редко

привечающие чужаков, хотя к ним особо никто и не рвется — а вот оттуда иногда выходят людишки. Только выглядят не так как ты — иначе. Обычные работяги вроде местных. Я даже общался с несколькими. Спросил почему ушли оттуда и ответ убил — не хотят работать так много, а там мол прямо на износ пахать приходится. Хотя некоторые натворили каких-то дел и им пришлось в темпе сваливать…

— Я пришел оттуда — признал я.

— Так и понял. Натворил каких-то дел?

— Каких-то — кивнул я — Но не убегал. Меня скорее вооружили и с радостью послали нахер.

— Расскажешь, как там люди живут?

— Работают — ответил я и повел пустой кружкой вокруг себя, прежде чем встать и пойти за еще одной дозой — А не так как тут страдают херней и боятся каких-то ревунов.

— Уязвил так уязвил — рассмеялся Гарри — Но не сильно. У нас есть резон не торопиться. Причин так несколько да наберу. Хм… странный ты тип, Оди. Любого другого новичка я бы уже минут десять так назад послал бы нахер…

— Минут десять назад мы еще даже разговор не начали — заметил я.

— Именно — кивнул Гарри — Именно… И знаешь — мне почему-то даже не хочется посылать тебя куда подальше. Будто чуйка внутри какая играет и шепчет мне чуток испуганно: «ну нахер… ну нахер…». Что странно… Может ты какой-то не такой?

— Я точно какой-то не такой — подтвердил я, возвращаясь с пустой кружкой — Но я не засланный.

— Это я уже понял.

— Откуда?

— Для начала — ты сюда не просился. Тебя наняли.

— Ага.

— Если смотреть дальше — ты и на теплое место в караване не просился. Сел среди кокосов и едешь себе, красотами любуясь и внешним видом откровенно всех отпугивая.

— Вот дерьмо… а я так старался улыбаться…

— Херово у тебя тогда получается, Оди.

— Подправлю — хмыкнул я — А третья причина не считать меня засланным есть?

— Есть — кивнул собеседник — И самая главная. Если бы кто и решил заслать тебя к нам с целью какой нехорошей, то не стал бы упаковывать так качественно. У тебя с собой целый арсенал, плюс армейский бронежилет, каска, крепкий тяжелый рюкзак, хорошая обувь… Короче ты выглядишь скорее как тот, кто иногда нас нанимает, а не строит планы ограбить караван.

— Это кто же такой богатый?

— Люди Дирижабля. Небесники.

— Понял — кивнул я — Да… у них должны были остаться какие-то запасы хорошей снаряги. И часто нанимают вас?

— Случается. Раза так четыре в год. Направление всегда одно и то же, так что не секрет — Клериатис. Да от нас все дороги ведут в Клериатис. А вот оттуда, как я слышал, доставленный нами груз расходится по всему Юккатару.

— Юккатар? — я в легком недоумении поднял бровь.

— У вас эти земли по-другому называют? Я про все земли сразу — которые вобрали в себя и территорию Матушки Окси. От берега до берега так сказать.

— Юккатар — повторил я — У тебя ведь должна быть карта, Гарри… верно?

— Ага. Но я скорее отрублю себе хер и закушу собственными яйцами, чем дам тебе на нее взглянуть?

— И стоит она того?

— Для любого караванщика — стоит — отрезал Гарри — Мы хоть и шифруем как можем все важное, но карты все равно в чужие руки не доверяем. Я свою получил от отца. Он — от своего отца. Каждый из нас не раз дополнял ее, подправлял, а порой и расширял. На карте моего прадеда было всего три точки поселений и две извилистые черты дорог…

— Короче говоря — карта дерьмо и нихера не стоит, но вроде как семейная реликвия…

— А ты часом не охе… — осекшись, он чуть подумал и рассмеялся — А ведь ты прав. Моя карта скорее сентиментальная штука…

— И один хер у тебя нет детей, так что и передать некому…

— Вот дерьмо…

— Ты медок свой хавай — я кивнул на вынутую из рюкзака такую же банку, но с заживо утопленными в ней различными орехами — Хавай дары машрабов.

— Вункс!

— Да!

— Эту банку тоже забирай.

— И сразу идти нахер?

— И сразу вали к здешнему повару и вели ему в темпе пожарить четыре здоровенных стейка. По два на поднос. Пусть добавит к ним по несколько початков маиса, всяких там стручков фасоли и перца и прочую подкопченную жвачку. И гуакамоле побольше! Не забудь про лепешки.

— А энчиладу, сеньор Гарри? Они уже начали ее подавать!

— Тройную порцию — кивнул Гарри — И пошустрее!

— За двойную порцию меда я мухой бешеной метнусь! Ох и крепко же хер у меня стоять будет!

— Не факт — пробормотал я, глядя в кружку — Ой сука не факт… Раз твоя семейная реликвия так же свята как сиськи несуществующей жены… где мне найти нормальную карту?

— Да считай в любом из магазинов Клериатиса. Я там пару разных копий прикупил.

— Нахрена, если своя есть?

— А копии куда лучше — признался Гарри — И покрасивее.

— Так дай на копии взглянуть.

— Я их сунул в семейный резной тубус и теперь они тоже того…

— Семейные сука реликвии?

— Вот умеешь ты мужика в краску смущения вогнать, да? Что в тубус сунуто — то свято. Никому показывать нельзя.

— Тебе сколько лет, Гарри?

— Сорок шесть.

— М-м-м….

— А тебе?

Я пожал плечами:

— А хер его знает.

— Ну выглядишь моложе меня.

— Те ревуны…

— Аулядорес мальвадос дель боске де лос хиханте негрос…

— А?

— Злые ревуны из леса Черных Великанов…

— Обезьяны? — осенило меня — Вы боитесь обосранных макак?

— Не просто макак, Оди. Обитающие там стаи слишком умны. Слишком сильны и быстры. Да они во всем мать их «слишком» — даже в количестве швыряемого на машины и головы говна! Таких умных зверей просто не бывает. Но обычно они на нас внимания не обращают. Но если на дорогу упадет одна из громадных веток, то… о путамерде… даже думать об этом не хочется.

— Что не так с веткой?

— Все так, если эта хрень отпала и рухнула. Но если скажем ударила молния и отщепила нехилый кусок ветки, который отломился и повис, перекрывая всю дорогу как гигантская и еще живая штора… все… эстамос эн проблемас… мы в жопе.

— Для обезьян есть разница?

— И еще какая. Тронешь — заревут. Тронешь еще раз — огребешь ливень из дерьма, камней и палок. Рубанешь — и они атакуют. Рубщиков убьют наверняка. Дохнут десятками от

автоматного и винтовочного огня, но смерти будто и не боятся. Звери себя так не ведут, Оди! А вечером и ночью ревуны свирепы просто так — могут напасть в любой момент. Там уже не массовая атака будет, а скорее выборочная. Но тебе мало не окажется, когда поймаешь горлом брошенное лассо и тебя подвесят над дорогой, а затем с еще дергающимся поступят как с праздничной пиньятой…

— Захерачат?

— Палками — кивнул Гарри и передернул широкими плечами — Я видел такое. Ревуны умны. Они как обычные люди, только мохнатые. Бьют по рукам и ногам, перешибая их. Что есть силы херачат дубинами по яйцам подвешенного бедолаги… В тот раз я пристрелил его лично — и пришлось стрелять раз десять, потому что от обезьяньих ударов его мотало на лиане как настоящую пиньяту… набитую говном и мозгами.

— Обезьяны швыряющие лассо и владеющими дубинами — пробормотал я — Живущие в древнем лесу из гигантских деревьев. Давайте… скажите мне, что они не дивинусы…

— Кто?

— Да это я так… Я понял тебя, Гарри. Это все причины остаться сегодня здесь?

— Из главных — да.

— А не из главных?

— Чем быстрее и спокойней будет происходить доставка, тем скорее наши нанимателе решат, что платят нам слишком много за настолько легкую работенку. Понимаешь?

— Понимаю. Никто не хочет танцевать для обезьян за гроши…

— Верно, амиго. Верно. Еще вопросы?

— Те мутноватые парни в джунглях…

Настала очередь Гарри морщиться так, будто ему без наркоза удаляли все клыки разом.

— Долбанные ребельдес!

— Кто?

— Мятежники. Повстанцы. Сопротивление!

— И чему сопротивляются?

— А хер поймешь. Но они против разумных машин. Как по мне — кучка грязных бродяг, что засели в самом сердце джунглей и собирают дань со всех проходящих караванов. Остальных не трогают. Сегодня мы отдали им продовольствие, кое-какие лекарства, немного патронов. Проблемы лучше решать миром, Оди. Кстати — с тебя два серебряных дублонов.

— За что?

— Так мы все скидываемся на мирный проход. По две

серебряные монеты. Все честно. О! И еще по одной серебряной скидывается на плату за ночлег и питания в Приюте Хорзби. Кормят от пуза, безопасность гарантируют. Гони три монеты.

— Началось мать его — пробормотал я, засовывая руку в рюкзак — Хер я так заработаю на тачку… И как тут мирно жить?

— А вот так и жить — заметил Гарри, забирая деньги — Платишь ровно — живешь спокойно. Ты ведь мужик мирный, верно?

— Очень мирный — кивнул я и кривовато усмехнулся — Аж до блевоты. Ладно… раз мы здесь до следующего утра, то пойду огляжусь.

— Убей время — поощрил меня старший помощник Гарри, усаживаясь поудобней — Хотя… стой! А еда? Нам же сейчас мясо и все остальное притащат. Не будешь что ли? От такой жратвы грех отказываться.

— Буду — ответил я — Позже.

— А чего не щас?

— Пока на жратву не заработал — пояснил я, нацелившись взглядом на пару сваленных у стены округлых предметов — Пусть останется на столе. Приду — сожру.

Слева от почти бесконечного широкого стола, заваленного щедрыми дарами природы, на каменной плите лежала пара позеленелых от старости и влажности гирь. Над гирями горизонтально закреплена труба. Проверив металлически шары, я выяснил, что первая когда-то тянула на 15 килограмм, а вторая на тридцать два. Не знаю сколько веса выжрала ржавчина, но если связать их вместе вон той веревкой, а затем свободным концом перехлестнуть себя над тазовыми мослами и не забыть подложку из старой тряпки, то…

Через пять минут я уже подтягивался, поднимая себя вместе с гирями. Дыхание размеренное и глубокое, мысли разом успокоились и одна за другой начали исчезать, растворяясь в нарастающей боли работающих мышц. Боль ощущалась там, где еще недавно были особо глубокие царапины и проколы. Но мне было плевать на жалобы вечно ищущего отмазки организма. Я продолжал подтягиваться до тех пор, пока руки не пошли в отказ. Спрыгнув, тяжело дыша — все же сбил дыхание — прижался за секунды взмокшей спиной к стене и замер, глядя перед собой и ни о чем не думая. Отдохнув пару минут, снова уцепился за трубу и продолжил подтягивания, поднимаясь как можно выше и на пару секунд замирая в верхней точке. На этот раз обессиливание пришло куда быстрее. Бухнув гирями о бетонную плиту, я присел над ними, уперевшись локтями в бедра и с хрипом вгоняя воздух в протестующие легкие. Еще пара таких подходов и займусь

выходами силой. Затем отжимания, а под конец брошу ногам подарок и присяду несколько сотен раз. Мне бы сюда ту тяжеленную металлическую ось…

Вункс, любитель шарорубного меда, подошел ко мне где-то через сорок пять минут. На его лице читалась глубокая укоризна, а в руках был крепко зажат заставленный тарелками поднос.

— Амиго! Еда стынет!

— Брось туда — хрипло выдохнул я, едва стоя на дрожащих от перенапряжения ногах.

С меня ручьями лил пот, а чтобы не упасть, пришлось держаться за стену. Отдышавшись, я рискнул нагнуться, развязал веревку и вернул гири на место. Подпрыгнув, уцепился за трубу и просто повис, давая мышцам растянуться.

— У тебя и так отличная фигура, амиго! — заметил Вункс, оседлавший рулон туго свернутых циновок — Цыпочки млеют и пищат?

Я промолчал, продолжая неподвижно висеть. Уставшие пальцы норовили соскользнуть с мокрого металла трубы, но я не позволял хватке ослабнуть. Это как в жизни — дай хватке ослабнуть и вот тебя уже нагнули и имеют во все дыры, похлопывая по жопе и радостно крича, что ты сам во всем виноват.

— А мне с чего посоветуешь начать? — не унимался Вункус. Подняв руку, он согнул ее и напряг что-то там тощее невнятно где — Может мне бицуху еще качнуть? Я в целом доволен, но может стоить чуток добавить объемов… девки ведь любят больших и денежных… Верно, амиго?

Я молчал, глядя только вверх, на частично затянутый лианами далекий потолок. Поняв, что ответа от меня ему не добиться, Вункс что-то пробормотал и, явно сдавшись, поднялся и пошел прочь, на прощание кивнув на поднос:

— Поешь уже, амиго. Мясо во рту тает — джунгли подарили свежак из свежаков. Считай сама природа послала.

Мои пальцы разжались. Приземлившись на все еще дрожащие ноги, я мягко присел на корточки и сипло спросил:

— Что ты щас сказал?

— А?

— Что ты щас сказал?!

— Да ты чего? Спокойней, амиго. Спокойней! Я говорю — мясо самое свежее! Городским такой свежатины не испробовать. Ничего такого не говорил…

— Природа послала?

— Ну а как? — поняв, что я не собираюсь его бить, Вункс воспрял и расправил плечи — Она самая! Дар джунглей и все

такое.

— Природа послала — повторил я, медленно выпрямляясь.

— Да ты не подумай — мы ж не ублюдки какие, чтобы природу грабить. Мы по чуть-чуть берем — а в джунглях так много всего, что никто и не заметит. А я сам так вообще редко охочусь, амиго. Мы все чтим древний закон — много брать нельзя. Грех.

— Много брать нельзя… — тихо произнес я, сжимая голову в ладонях — Природа сама дает… отдает… выплескивает избытки и можно забрать чуток у прожорливых крабов и чаек… дерьмо… дерьмо!

— Эй… амиго… эй… ты в порядке? Может в башке чего лопнуло? — шагнувший ко мне Вункс выставил руку и замахал пятерней — Я пальцы в воздухе размазал. Ты сколько видишь? Три? Два? Может шесть?

— Свали нахер — велел я и понятливо кивнувший парнишка начал пятиться, обрадованно улыбаясь:

— Вот и не болей, амиго… вот и не болей…

— Компот! — рявкнул я — Хочу кувшин компота со льдом! Два кувшина! И компот чтобы кисло-сладкий!

— А может тебе еще и девку сочную на матрас кинуть? — осведомился здоровенный бугай в грязном фартуке на необъятном пузе.

— По серебряному дублону за кувшин — добавил я и бугай тут же шагнул к длинному столу:

— Готовлю три кувшина, амиго! А может и пять! И льда наскребу в нашем подыхающем аппарате…

Дальше я уже не слушал. Усевшись у стены, уложив руки на дрожащие колени, я затих, медленно погружаясь во что-то всплывающее мне навстречу из глубин мозга. Я не вспоминал, я не отключался. Я вспомнил все мгновенно и теперь просто воспроизводил все в голове…

Давно. Это было очень давно. И я тогда еще был молод, но уже твердо стоял на ногах, владел многими барами и не забывал о ремесле наемника, оттачивая навыки и блюдя репутацию безжалостного и ничего не прощающего и не забывающего холодного ублюдка. Получалось у меня неплохо… И я без долгих раздумий часто брался за более чем щедро оплачивающиеся, но считающиеся безнадежными дела — ликвидация главарей засевшей на заминированной АЭС банды, зачистка конкурентов наемников, обосновавшихся на прибрежной дамбе, что защищала и без того погибающие посевы, решивших переквалифицироваться в шантажистов. К тому моменту на моем счету было уже несколько выполненных заданий от Атолла

Жизни. Заданий, чью суть я порой даже не понимал — настолько все запутанно там все бывало. Атолл считал, что уже завербовал меня, сделал своим верным последователем, но это было не так. И я доказал это, как-то отказавшись выполнять одно из сложных и невероятно срочных заданий корпорации Алоха Кеола… Они послали своих спецов — те погибли, заодно загубив все дело. В результате произошел взрыв, какое-то затопление и последующее вымирание крохотного, но драгоценного оазиса. Мне было как-то посрать… Я считал, что сделал достаточно добрых дел во имя чего-то бесформенного, светлого и определенно чужого. В то время я больше интересовался благополучие собственного достояния, а не чужого.

Так что я ушел. Может быть не с концами, но ушел, не рубя связей, но и не спеша на них отвечать.

Он нашел меня через недели три после того громкого паскудного дела с затоплением и гибелью сотен людей. Хотя искать меня и не требовалось — я был в своем любимом баре и коротал вечер с победительницей конкурса мисс Скайтауэр Интернешнл. Мы сидели у окна, далеко под нами клубился вечный смог, над которым возвышались другие яркие освещенные башни. Изредка вниз падали лучи прожекторов пролетающих транспортных дирижаблей. Еще реже вспыхивали и гасли огни патрульной флотилии флаеров. Обычный вечер, что вскоре должен был перерасти в очень неплохую ночь. Сжимая в пальцах ладошку юной красавицы с бронзовой кожей и ярко сияющими этим вечером прекрасными глазами, я думал больше о своих делах и это злило. Когда я стал настолько старым, что не могу выкинуть из головы дела, в то время как передо мной сидит прекрасная богиня?

Тогда он и пришел. Его встретили у входа и попытались послать нахрен. Им бы это удалось, но я ленивым жестом остановил старательных бойцов и устало взглянул на посланца Атолла. Будь это кто другой — уже лежал бы внизу лестницы с разбитой мордой. Но этот… не последняя фигура корпорации Атолла, был известен мне как действительно радеющий ради всеобщего блага и не наживший при этом никакого собственного имущества, обитая в служебных квартирах. В одной из таких мы как-то приговорили две бутылки старого бурбона, разговаривая за жизнь. Тогда же я узнал, что он горький пьяница, старательно выжигающий в башке последние еще дееспособные нейроны. Он часто срывался в алко-штопор, но его всегда возвращали обратно — он был нужен Атоллу. Мистер Ник Айронс. Благодаря моему уважению ему удалось войти в бар и я кивнул на стойку:

— Угощайся, Ник. Выпей за мое здоровье, прихвати бутылку

лучшего бурбона… и уходи.

— Там люди погибли…

— Люди гибнут каждый день.

— Этих можно было спасти.

— Тебе плевать на людей — возразил я тогда и попал в точку — Ты переживаешь не за них, а за затопленный мертвыми водами клочок плодородной долины…

— Да! Да сука! Да! — он как всегда взорвался внезапно, врезав ладонью по стойке и разбив только что налитый бокал. Зазвенело стекло, брызнула кровь, а он зажимал запястье другой рукой и зло шипел. Испуганно ахнула сидящая напротив девушка, хотя в ее глазах блестело лишь жгучее любопытство.

— Чего ты хочешь, Ник? — спросил я, в то время как подбежавший бармен заливал глубокий порез пеной из баллончика.

— Я хочу тебе кое-что показать.

— Не… у меня другие планы на вечер.

— А ты бери ее с собой — усмехнулся Ник — Не, я серьезно. Девушка красива, а место, что я тебе покажу — еще красивее.

— Нет.

— Я покажу тебе Рай-1. Тестируемый нами прототип. Дееспособная модель посреди океана. Говорить можно долго, но это настоящий рай. Такой, какой и раньше то был доступен только богачам, а сейчас недоступен никому…

— Модель рая?

— Купола.

— Какого еще нахрен купола?

— Это надо видеть… слушай, как тебе разница где бухать и трахаться? Ты еще не настолько стар, чтобы эякулировать на шелке. Тебе хватит и пахнущего водорослями песка…

Не знаю почему, но на этот раз я промолчал. Подумал немного… и медленно поднялся. Девушку поднимать не пришлось — она вскочила сама и была готова первой рвануть к выходу. Еще бы — не каждый день тебе обещают показать настоящий рай.

Вынырнув, я изогнулся, мягко коснулся босыми ногами белоснежного песка и поднялся из прозрачных изумрудно-синих вод. Мокрого лица коснулся жаркий ветерок, морская соль ущипнула в паре порезов. Я сплюнул в перекатывающие волны соленую слюну и медленно поднял из воды правую руку. Сначала показалось тонкое металлическое древко, а затем и еще трепыхающийся жирный улов. Пронзенная гарпуном крупная синяя рыбина еще трепыхалась и вид триумфально поднятой добычи заставил ждавшую на берегу нимфу в крохотном

купальнице радостно завизжать и запрыгать. Нас ждал королевский завтрак — после императорского ужина и долгого неудержимого секса на остывающем песке пляжа.

Осторожно переступая редкие острые камни, я выбрался на берег и оглянулся. Насколько хватало взгляд вдаль тянулся сверкающий и абсолютно здоровый океан. Я был в нем. Мое тело дрожало от изнурения и чертову жирную рыбу я загарпунил уже из последних сил, когда возвращался назад. Стащив и сбросив на песок ласты, бросив рядом маску с трубкой, я пошел к навесу, рядом с которым дымил старый мангал.

— Я знала что ты вернешься с добычей! — в глазах подскочившей девчонки ярко горели огоньки первобытной дикости — Как же вкусно было вчера… я не могла наесться! Я пожарю сама!

Еще живую рыбу забрали вместе с гарпуном. А я опять повернулся к океану, не в силах оторвать от него взгляда. Я был в нем… я проплыл на мелководье несколько километров. Не раз уходил на глубину и нырял до самого дна. Я искал дерьмо… но не нашел ничего. Никакого мусора на дне, никакого вездесущего сучьего пластика, никаких подыхающих от отравленной воды рыб и никакой мерзкой мертвой грязе-тины, что давно уже обосновалась в земных океанов и морей. Я искал дерьмо, но находил только истекающую здоровьем природу. Резвящихся и беснующихся тварей было так много, что их косяки застилали мне взор и видел лишь бесконечную круговерть — торжествующий праздник жизни. Я воочию увидел то, о чем до этого слышал только на тоскливо скучных лекциях — я увидел бурлящий фонтан жизни и окунулся в его соленые живительные воды…

Мать твою… меня перенесли на другую планету?

Подняв голову, я попытался увидеть твердь прикрывающего нас купола, но увидел лишь безмятежное синее небо, а от слепящего солнца заломило глаза. Горячий воздух давил на уже высохшие и покрывшиеся белой корочкой соли плечи. Я ощущал пощипывание — похоже, не рассчитал и обгорел. Теперь облезу…

Глянув через плечо, я увидел разделывающую вкусную рыбу юную дикарку, втянул запах тлеющих углей, смешавшийся с вонью гниющих водорослей и йода. Тихо шелестели на обжигающем ветру десятки стройных пальм. Там за ними из песчаной ямы била сильная струя чистейшего пресного источника. Вчера мы провели в нем часик, нежась в природной ванне…

Тихо выругавшись, я дотянулся до висящего на шее шнурка с металлическим цилиндром и вжал находящую на его торце

черную кнопку. А затем двинулся к навесу.

Мы уже успели приготовить и жадно сожрать рыбу и я уже подумывал о послеобеденном сне, но погрузиться в дрему в плетеном гамаке не успел — Ник прибыл. Он вышел из-за пальм — как я и предполагал, где-то там скрыт вход. Бросив пару слов девушке, я двинулся ему на встречу, на ходу натягивая покрытую белыми пятнами серую футболку.

— Ну как? — он мог и не спрашивать, но все же спросил.

— И ты скрывал это от меня? — я не скрывал своей впечатленности — Это же охренеть… тут есть кто-то еще?

— Сейчас нас здесь трое. А до этого рай был ваш и только ваш. Рай на двоих… звучит? Знаешь, если бы я не пришел, то ты с ней мог бы остаться здесь навечно. Экосистемы полностью стабильны, купол абсолютно автономен… Ты мог бы прожить здесь остаток своей жизни, наслаждаясь восходами и закатами в обнимку с томной красоткой…

— Я впечатлен — признал я — Но что это меняет? Я уже сказал — я готов помогать. И я знаю ради чего ты рвешь задницу. Но я не ты. Я не идеалист и не фанатик. У меня есть и свои интересы и я уж точно не готов положить жизнь ради чужого блага и еще не родившегося грядущего поколения. Да срать я хотел на тех, кто придет после нас! Думаешь они хоть раз вспомнят о нас? Максимум посетят нахрен никому не нужный музей и лениво глянут на наши бюсты под надоедливое бормотание душной нейросети…

— Ты не такой — кивнул Ник.

— Тогда чего ты хочешь?

— Но ты признаешь, что у каждого из нас есть какой-то долг перед планетой. Пусть не ради других людей, но ради самой планеты.

— Да. Признаю. Я был рожден в заброшенной башне и мы кормились остатками того, что мог дать нам умирающий океан. Я каждый день вдыхал вонь подыхающей природы… Но планета смогла выкормить меня и других мелких ушлепков. Так что у меня есть перед ней небольшой должок — как и у каждого еще живого.

— Вот видишь. Ты понимаешь, что планету надо спасать.

— Я отдал свой долг.

— Но ты не понял главного…

— Чего?

— Идем со мной. Тут недалеко — метров шестьсот.

— Куда?

— Рай-2 — коротко ответил уже шагающий по песку, смешно переваливающийся Ник — Купола размещены рядом.

— Еще один кусок рая?

— Если бы… ты увидишь…

Через двадцать минут я снова выругался. На этот раз в голос. Выругался мрачно и даже яростно.

Я стоял в десяти шагах от серой мутной воды. Набежавшая волна выбросила на песок вяло дергающуюся раздутую рыбу. В сотне метров начиналась и тянулась вдаль широкая черная полоса выгоревшей растительности. Обугленные стволы пальм выглядели скорченными трупами. Диким контрастом на этом фоне выглядело все столь же безмятежное лазурное небо с ярким палящим солнцем.

— Какого хера здесь произошло? Сбой в экосистеме?

— Да — мрачно ответил стоящий рядом Ник — Экосистема не выдержала дополнительный введенный фактор. Не выдержала еще один введенный в нее биологический вид.

— Какой?

— Люди — ответил он — Это сделали люди. Здесь был процветающий рай. Живой, полностью стабильный, изнемогающий от собственного сочного изобилия. И мы рискнули ввести сюда контрольную группу из трехсот человеческих особей. Группа смешанная. Разумная. И вот что они сотворили с дарованным им раем всего за полгода…

— Полгода — повторил я — Мать твою…

— За жалких шесть месяцев они уничтожили свой рай, превратив его в гребаный ад. Вот чего ты понимаешь… ты отдаешь какой-то там долг подыхающей планете, но ты не понимаешь главного — судьбу планеты нельзя вручать в руки живущей на ней цивилизации гребаных паразитов! Вот к чему это приведет — его палец уставился в застывшую на песке рыбину — Вот к чему! Они прокляты! Все чего они касаются — умирают! И поэтому наш долг, это не спасение планеты, а тотальное и принудительное ограждение ее от самой страшной угрозы — от людей! Вот для чего ты нужен Атоллу… В то время как я возвожу и оживляю райские оазисы… ты должен их защищать и ограждать…

— Дерьмо — медленно произнес я, глядя на умерший рай — Дерьмо…

Да…

Вот в тот день я и стал яростным фанатиком. В тот день Атолл завербовал меня в свои ряды окончательно и бесповоротно. Я сделал свой выбор…

Глава 7

Очухавшись от невероятно ясного, невероятного долго и крайне эмоционального флешбэка, я не сразу начал двигаться. Еще какое-то время я просто сидел под турником, глядя на старые тяжелые гири. Когда в башке чуток утихли вспышки звездной круговерти, я поднялся и, будто ничего не случилось, начал мерно приседать, удерживая одну гирю у груди. Голове хотелось совсем иного — присесть на любую кочку, обдумать все, поразиться душевно, может даже похрюкать от изумления. Но это не более чем самосаботаж. Жалкая попытка прервать только начавшуюся тренировку. Как говорил один живущий на крыше полузаброшенной башни старик — причин не тренироваться слишком много, чтобы принимать их всерьез.

Я тягал тяжести долго. Не знаю сколько. Но к моменту, когда я закончил и упал на бетонную плиту в полном изнеможении, вокруг собралось с десяток любопытных гоблинов. Я пролежал в пятне собственного пота минут десять, но они не торопились расходиться, тихо переговариваясь и что-то друг другу передавая. Когда я поднялся, ко мне осторожно подошел Вункс с большим пластиковым кувшином в руках. Внутри посудины позвякивали кубики льда.

— Кисло-сладкий — улыбнулся Вункс, протягивая кувшин — За наш счет, амиго! Три кувшина!

Взяв дар, я приложился к краю и не останавливался до тех пор, пока на дне двухлитрового кувшина не остались только остатки льда. С шумом выдохнув, я вернул тару и, кивнув на наблюдающих, сипло спросил:

— Какого хера?

Мой искрометный вопрос достиг их ушей и меня одарили десятком разной степени щербатости улыбок, а Вункс пояснил:

— Да тут такое дело… ты с десяток здешних рекордов побил. А попутно задрал планку так высоко, что даже хер орла не достанет — а они летают высоко.

— Рекорды?

— Ну… ты о них не знал. Но парни собирались ближе к полуночи начать ночной мускульный забой под музычку и брагу. Сам понимаешь — мышца без спирта, музыки и мяса расти не будет.

— И?

— Попутно наши главные силачи собирались помериться силами в попытке побить прежние рекорды. Толчок гири, швыряние гири, выжимание двумя руками над головой

Жирнобрюха…

— Вон того? — принимая второй кувшин, я глянул на еще мокрый бок обнаруженной мной под столом внушительной гири. По моим прикидкам там было около семидесяти килограмм.

— Он самый. Гиря могучая! Раньше ее только Большой Максимус тягал и толкал, пока его не пристрелили в пьяной драке. С тех пор гирю редко трогали. А ты ее чуть ли на хере своем не крутил… В общем, парни сегодня все же начнут тягать тяжелый металл, но уже без рекорда. А ты получаешь двадцать серебряных дублонов — каждый ведь скидывался. Прими, чемпион!

— Ага — кивнул я, подбрасывая на ладони сшитый из куска брезента мешочек со шнурком — Принял. Дальше че?

— Жареное мясо на столе. И компот. И остальное… Кушай!

— Ага — повторил я.

— Помывочку организовать, команданте? — на этот раз обращение было адресовано мне, а в глазах Вункса искрилось искреннее уважение — Я рявкну!

— Рявкни — кивнул я, делая шаг к своим вещам.

— Это… можно спросить?

— Ну?

— Вот компот… он в тренировках важен? Может есть в нем что-то аналоболическое? Ты ведь его аж заранее потребовал…

— Потребовал — кивнул я и окрыленный моим ответом Вункс резко ускорился, в то время как несколько услышавших мои слова плечистых мужиков деловито зашагали к уже потирающему ладони бугаю повару.

Содрав с себя корку потной грязи, я уселся за стол с тем самым непередаваемым ощущением заслуженности. И этому тоже меня научил давно погибший старик. Жратву надо заслужить. Причем заслужить сполна. Нельзя весь день нихрена не делать, а затем сесть за стол и насладиться жирным сочным стейком. Я сегодня заслужил. Дрожащая от перенапряжения рука не сразу нащупала старой гнутой вилкой край стейка, а нож не сразу провел линию разреза там, где надо. Но я справился и зажмурился от непередаваемого кайфа, когда зубы впились в брызнувший еще горячим жиром кусок мяса. Сочно, жирно, вкусно…

Упавший на лавку напротив Вункс — этот гоблин реально успевает везде сунуть свой нос — показал мне пыльную темную бутылку и подмигнул:

— Настоящее красное. Сладкое как смуглая попка Рыжей Клотты…

— Кого?

— Лучшая шлюха главного борделя. Отменная!

— И че прямо сладко? — осведомился я, задумчиво глядя на бутылку.

— Попка Клотильды? Так я не лизал… Шутишь, босс? Да там за каждый лизь надо отдать под десяток золотых дублонов… Я столько не зарабатываю.

— Я про вино, гоблин.

— Настоящее сладкое! — уверенно ответил тот — Пять серебряных стоит. Но тебе сбросили цену до трех.

Я кивнул.

Траурно пернула пробка.

Когда пенная красная жидкость доверху наполнила бокал, я коротким жестом показал, что большего мне не надо и обрадованный Вункс тут же присосался к горлышку бутылки. Сделав несколько больших глотков, он откашлялся и приступил к главному:

— Ты не подумай, что меня подослал кто…

— Ага — прочавкал я, наслаждаясь мясными взрывами во рту.

— Можно спрошу? То и се…

— Спрашивай.

— Ты ведь нихрена не охранник караванов.

— Да и ты тоже…

— А?! Как это?! Я охранник! Кто ж я еще?

— Говна кусок? — предположил я, заворачивая в лепешку какую-то овоще-ягодную смесь.

— Эх, амиго… раз ты гири тяжелые жмешь и кидаешь, это еще не значит, что ты стоящий боец. Такое доказывать надо!

— Так давай докажу — предложил я, кивая на утоптанный пяточок рядом со столами — На чем хочешь смахнуться? Кулаки? Ножи? Дробовики?

Вункс заглянул мне в глаза и… криво улыбнулся, после чего опять надолго присосался к бутылке. Отставив опустевшую тару, он утер губы и пожал плечами:

— Я сначала тебя за лошка подкачанного принял. Такие бывают вылазят из лопнувших семейных задниц…

— Откуда?

— Ну… была скажем богатая торговая семья, затем разорилась и тем, кто родился с серебряной вилкой в жопе тоже приходится брать за лопату или винтовку, чтобы заработать на жизнь.

— Не. Я из другой жопы выполз.

— А потом поглядел на тебя уже здесь. Как ты тяжести ворочаешь, как на людей глядишь. В общем… Ты меня по любому

завалишь. В тебе зверь сидит… коменданте Оди. Я не такой опытный как наши старшаки, но просыпается у меня порой в голове особый шепот. И вот о тебе он меня предупредил — лезть не стоит.

— Шепот — кивнул я — Только не в башке, а в жопе. Жопная чуйка. Береги ее, гоблин. Прислушивайся к ней постоянно. Тогда может и выживешь.

— Жопная? Гоблин? Слушай… ты куда вообще?

— Туда — без проблем сориентировавшись я ткнул в стену, за которой вздымалась стена девственных джунглей.

— Там Клериатис. Так ты туда?

— Дальше.

— Насколько дальше-то?

— А тебе зачем?

— Да я давно подумываю… прикидываю… даже порой мечтаю — признался Вункс, дыша на меня винным перегаром.

— О серебряной мотыге в жопе?

— Да куда мне! Я из батраков. Просто… если ты вдруг задумал что-то реально дельное и прибыльное… То я может и рвану с тобой, если возьмешь. И еще несколько парней знаю рисковых.

— Ты меня прямо удивил — хмыкнул я, отодвигая опустевшую тарелку и берясь за стакан с вином — Какое тут в джунглях может найтись прибыльное дело? Добывать мускус из обезьяньих жоп? Дрочить гиппопотама в канистру?

— А? Иисусе… доить гиппопотама? Зачем?!

— Дрочить — поправил я.

— Зачем?! Кому это надо?!

— О — я рассмеялся — Были деньки, когда за десяток граммов семени здорового половозрелого гиппо предлагали столько бабла, что остаток жизни можно было просто кайфовать на верхних уровнях не самой бюджетной небесной башни…

Похлопав глазами, Вункс повторил свой вопрос:

— Ты кто такой, коменданте?

— Я гоблин. Оди. Еду туда — мой палец снова указал на стену.

— А откуда?

— Оттуда.

— Может бежишь от кого? — предположил паренек и я кивнул, подтверждая его догадку. Обрадовавшись своему озарению, он продолжил стрелять наудачу — Может затеряться тут решил? Места у нас глухие…

Я снова кивнул.

— То есть скрываешь? Вот как… не буду спрашивать

причину. О! Значит имя Оди ты выдумал? Не твое оно?

— Мое — ответил я.

— Э… как-то это… и ведешь ты себя не то чтобы тихо…

— Ага.

— Рекорды тут ставишь…

— Ага.

— Неплохо в общем ты в нашей толпе затерялся…

— Старался как мог — усмехнулся я — Так о каком прибыльном деле может идти речь, Вункс?

Разом позабыв обо всем остальном, он жадно выдохнул:

— Руины! Древние мать их руины! Тут есть одни прямо рядом — пара часов пути. Туда никто не суется, но старые люди говорят, что раньше там был какой-то подземный комплекс. И там могло уцелеть немало штук с древних времен — когда люди еще умели летать и трахать цифровых женщин… А что такое цифровая женщина? Она слаще? Красивее?

— Руины — повторил я — Совсем рядом… а почему туда никто не суется, Вункс?

— Так ведь обезьяны! Там их территория. И с этими мальдитос монос никто связываться не захочет… Ты ведь тоже не самоубийца?

— А хер его знает.

— Тут много руин. Не поверишь… но поговаривают, что тут где-то не так и далеко есть настоящий подземный человейник! И может даже не один! Говорят, в Клериатисе уже полгода собирается элитный боевой отряд! Там настоящие лобо! Они вроде как знают о месте, где рядом с ямами старых богов, прямо под водой, спрятан древний бункер с кучей самого разного ценного. Собираются вскрыть эту раковины и выковырять весь жемчуг. Представляешь?

— Ага — кивнул я — Притащишь еще вина, Вункс?

— Да конечно! Но вот с дублонами…

— Я плачу — усмехнулся я, кивая на свой рюкзак — Тащи еще пару бутылок.

— Понял, что я дельный парень и со мной есть о чем поговорить?

— В точку — подтвердил я — И скажи повару, чтобы приготовил еще пару кусков жареного мяса. И пусть куски будут свежими и жирными.

— Будет сделано!

Мой вечер закончился за полночь — после того как я вытряхнул из осоловевшего от вина и мяса Вункса все полезное. Раздобыл я и карту — примитивную, но скорей всего относительно точную. Скопировав карту, я улегся на ближайшие

свободные нары и отключился. Снов и флешбэков не было.

А проснулся я за час до сигнала общей побудки, так что успел хорошенько размяться, прогнав кровь по чуть задеревеневшим мышцам. В одиночестве позавтракав яичницей и куском холодного мяса — денег с меня не взяли — я занял свое место в гнезде на кунге фуры и погрузился в молчаливое ожидание, изредка делая глотки из большой глиняной кружки. Мысли в голову приходили разные — и я не отпускал ни одну из них, каждую хорошо продумывая. А думал я о тех тысячах километрах, что мне еще предстояло преодолеть, где я это сделаю и почему я упорно цепляюсь только за сухопутные и воздушные варианты маршрутов, на подсознательном уровне отвергая морские. Вскоре прозвучал еще один протяжный и без нужды громкий сигнал, скрежещущие ворота распахнулись и караван тяжело вышел в джунгли. Нам вслед кто-то ободряюще кричал — или посылал нахер — но я не прислушивался. Еще одна точка на карте позади и снова я двигаюсь дальше… к очередной темной башне из своего еще более темного прошлого…

Ревуны из Темного Леса срали много. И, похоже, делали это в одном и том же месте — над проходящей через их территорию дорогой, сделав из нее свой общественный обезьяний сортир. Невероятная вонь пришла вместе с до противности теплым влажным ветром, пришедшим из-под сени величественных деревьев. Воняло не просто дерьмом. Воняло тухлым не до конца переваренным мясом. Сидящие рядом со мной гоблины брезгливо сморщились, прикрыли хари ладонями и тряпками, вниз одно за другим захлопывались мелкие оконца. А я напрягся — потому как уловил в повисшем вокруг нас вонючем облаке едва заметный запах крови. А раз кровавые нотки пробились через жопное амбре… значит, крови было пролито много. Запоздало в ноздри пришел еще один знакомый запах, и я едва не заорал приказным голосом, но вовремя опомнился и просто уронил руку на плечо сидящего рядом притихшего Вункса. Парнишка откровенно страдал похмельем и последствиями ушибов — после вчерашней пьянки решил показать мне старый отцовский трюк, которым его папаша заарканил сердце его будущей матери. Трюк показал. И неплохо так приземлился на все пять точки — руки, ноги, харя. Если это их семейный ритуал по ухаживанию, роду грозит вымирание. Как бы то ни было, Вункс принял решение побыть на свежем воздухе и большую часть пути провел в полукоматозном состоянии. Толкнув его, я указал глазами на его оружие и демонстративно захлопнул щиток шлема.

— Да зачем? — вяло удивился он — Тут всегда так воняет.

Сегодня слишком сильно, но воняет всегда. Обезьяны хоть и тупые, но неуважение показывать научились… сучьи мартышки…

— Обезьяны какие угодно — но только не тупые — возразил я, последовательно проверяя все закрепленное на разгрузке — Но сейчас дело не в этом. И не в вони дерьма. Тут пахнет кровью, дымом и еще кучей очень знакомых мне запахов. Совсем недавно тут что-то очень сильно рвануло. И взрыв много кого убил.

— Да ну — рассмеялся выбравшийся на крышу уже седой мужик в безрукавке, странноватом бронежилете и армейской каской поверх длинных дредов — Не выдумывай, амиго. Хотя новичков всегда потряхивает… Просто успокойся и любуйся видами. Тут много разного красивого. Хочешь покажу почти живую лиану?

— Вот такую? — поинтересовался я, показывая коротким жестом.

— Где? — он обернулся, чтобы взглянуть, пригляделся и отшатнулся — Мерде! Мать твою так! Это что за херня?!

— Почти живая лиана — буркнул я, глядя на болтающиеся на проплывающем мимо измочаленном суку нечто багрово-черное.

Я узнал пару метров кишок и ногу в разодранном ботинке. Что-то еще валялось в зеленке внизу, откуда доносилось жадное рычание. Пятна крови покрывали еще пару стволов, а в коре торчал целый лес осколков. Все осколки торчали, с одной стороны, четко указывая на эпицентр взрыва. Такое не заметить было просто невозможно. И едва я подумал об этом, зазвучали тревожные гудки и караван начал нестройно останавливаться. Один из водителей банально проспал приказ и его фургон въехал нам в задницу. Фуру едва качнуло, но переполоха и визгливых ругательство это добавило. Через пару секунд стало еще громче — из машины выползли сонные гоблины и включились в перепалку. Случись такое в моем отряде — и я бы уже прострелил пару самых громких тупых голов. Или жоп. А сейчас я просто молчал, превратившись в абсолютно неподвижную тень. Голова спешно обрабатывала новые данные, под черепом уже родилась пара дельных схем, но это все было на автомате — здесь решения принимал не я. Поэтому главной мыслью было другое — как выжить, если все пойдет вразнос. А тут прямо пахнет уже падающей на нас вонючей задницей смерти…

Громкий вибрирующий рев раздался, казалось, отовсюду. Я успел уловить тот одинокий тон, что начал этот звуковой хаос, но буквально через мгновение к нему присоединилось столько новых голосов, что джунгли просто утонули в океане звука.

Тут можно даже не гадать…

Злые ревуны из леса Черных Великанов…

Очень злые. Хотя скорее даже разъяренные — с моей позиции открывался прекрасный вид на толстенный ствол одного из древних деревьев. Мы почти миновали это великана и остановились. И вся его направленная в сторону взрыва сторона была буквально залита кровью. Клочья шкур, потеки густой жижи, немалые куски мяса, вбитые в кору кости, смятые клыкастые черепа — в это дерево вколотило прямо немало наверняка уже дохлых обезьян, размолов их в кашу. Если нарисовать дрожащей похмельной лапой неровный ломанный круг, то на его линии этот ствол будет просто небольшим отрезком — и возникни у меня желание можно было бы даже примерно подсчитать сколько примерно ревунов погибло при взрыве. С громким стуком рядом с нами упала обезьянья косматая голова. Окровавленная рыжая косматая шерсть, такого же цвета выпученная глаза, покрытая сморщенной бурой коже клыкастая харя, кусок вырванного с мясом позвоночника. Следом за головой упало еще несколько частей тела.

— Подстава — тихо произнес я, утирая с забрала вязкий плевок прилетевшей обезьяньей крови.

— Ты о чем, командante?! — Вункса начало трясти и я ударил его кулаком в плечо, заставляя остаться на месте — Что тут нахрен творится?! Кто макак порешил?!

— Кровь уже загустела — сказал я, пользуясь коротким затишьем в реве — Рвануло не прямо сейчас, но и не так давно. Может час или пару часов назад. Мы ничего не слышали, но тут густые мокрые джунгли и они нехило гасят любые звуки. И мы вроде как поднимались, а потом спускались сюда.

— Между местом ночевки и Черным Лесом есть большой холм — подтвердил незнакомый мне гоблин, вдруг проникшись жадным вниманием к моим словам — Объезжать слишком долго, поэтому всегда поднимаемся.

— Он отсек звук взрыва — кивнул я — Поэтому мы не услышали даже отголосков — они прошли над нами. Это может быть совпадением… но я в такое не верю.

— Ты о чем, дружище?

— Этот участок не обойти — пояснил я, оборачиваясь и оглядывая нестройный ряд машин — Мать их! И водилы вышли?!

Это уже сука ни в какие ворота. Водители не могут покинуть свое долбанное кресло! Их лапы всегда на руле, нога на педали газа, движок не глушится. Эти же вышли все как один, двери распахнуты, хари выражают смесь страха, шока и задумчивого ожидания.

— Но что там рвануло?! — Вункс первым задал важный вопрос, глядя при этом на меня.

Я пожал плечами:

— А хер его знает. Если верить в то, что это с нами не связано… ну, кто-то мог вести грузовик забитый динамитом или снарядами. Обычная транспортировка. Налетели озверевшие обезьяны, сопровождающие начали отстреливаться и… случилась воронка.

— А если связано с нами?

— Связано — кивнул я.

Рев стал громче. При этом источники совсем рядом. Орущие обезьяны не приближаются и не удаляются. Они скрыты от нас зелеными пологами листвы и лиан, прицельную стрельбу вести невозможно. Ни одна долбанная макака не показалась — что уже говорит об очень многом в совокупности с яростным агрессивным ревом.

Ими кто-то управляет.

Оглядевшись, я увидел ожесточенно совещающихся старших по каравану. Они стояли там впереди, вглядываясь в сумрак и явно никак не могли прийти к одному и тому же варианту действий. При этом буквально гробящие нас одной своей неподвижностью задние машины продолжали оставаться сбитыми в кучу, лишая остальных возможности маневра. Водители все так же чесали в жопах, хотя некоторые все же начали прочухивать и вернулись в кабины, оттуда начав орать на остальных. Все же есть у них какая-то дельная выучка, но именно что выучка, а не дрессированность. Боец должен действовать на автомате — и действовать правильно. Сначала действовать, потом соображать. А эти…

— Надо валить отсюда — заключил я.

— За дезертирство — смерть! — напыщенно заявил выпрямившийся во весь рот хреносос с дредами и каской.

— Вниз! — рявкнул я.

— Я тебе так скажу, Оди — ты в боевом братстве видать мало что понимаешь! И… — прилетевший сверху и сзади деревянный заостренный кол вошел ему в загривок, прошел его насквозь и вышел через горло.

Гоблин начал заваливаться на меня. Я заботливо придержал его упертым в грудь ботинком, оставляя щитом из дохлой плоти между мной и теми сраными метателями. Еще три копья ударили по металлу кабины фуры, следующие два угодили в гнездо — одно в пустоту, второе в спину дохлого дредоносца. Рев усилился — хотя куда уже громче? — и на караван обрушился град из карстовых глыб и копий. Хотя там летело многое. Все зависит от дистанции и умения — даже небольшая заостренная щепка может наделать дел, если метать ее со звериной силой и гоблинским

умением. Судя по воплям там внизу, замешкавшимся сильно не повезло. Чуть сместившись, я поймал глазами пару коренастых коротконогих силуэтов и всадил по паре пуль каждому. Сместив ствол автомата, прикончил еще одну обезьяну и опять затих, не собираясь вставать и корчить из себя героя. Дав очередь, покрошил немало листьев и вроде как задел несколько косматых жоп. Едва сменил магазин, фура дернулась и начала сдавать назад.

Сколько времени у них ушло на принятие единственно верного решения?

Минут пять?

Это сука непростительно. Выбирать ведь было тупо не из чего. Соваться вперед нельзя — узкая дорога сдавлена с боков многовековыми деревьями и лианными паутинами, что там рвануло и не завалило ли путь неизвестно, а мы не на боевой технике, а на шипастых драндулетах, тяжело груженных товаром. Вариант был только один — но до него додумывались целых пять минут, потеряв за это время немало бойцов.

Сдав задницей метров десять, фура с лязгом столкнулась с кем-то позади и остановилась. Выждав секунду и поняв, что наш по робости душевной торопиться не станет, перекатился до края кунга, глянул вниз и как раз поймал момент, когда наружу высунулась испуганная усатая рожа. В эту харю я и рявкнул:

— НАЗАД!

Усач дернулся назад, перекашивая рожу в протесте, но в металл рядом с ним ударил тяжелый кол и этого хватило, чтобы грузовик снова ожил и боднул задом тормознутых упырков. Удар помог куда лучше любых переговоров по рации — вывернувшийся из-под нас фургон испуганной крысой отошел на обочину, показывая истыканные кольями изодранные шины. Тараканами полезшие из обреченной машины гоблины рванули к нам. Самые умные заметили мой короткий жест и нырнули под грузовик, где и остались под прикрытием его многотонной пятящейся туши. Другие полезли наверх и превратились в мишени для обезьяньих дротиков. Выхватив автомат из лапы почти долезшего и смертельно раненного уже на краю кунга, я дал длинную круговую очередь. Там вверху от нас во все стороны ломанулись темные вопящие силуэты, роняя в испуге колья и камни. Смертоносный дождь временно прекратился и этой передышки хватило, чтобы убраться с территории ревунов, пересечь крытый бревенчатым настилом ручей и остановиться в месте, где дорога расширялась. Из-под фуры вылезли согнутые охранники, одного раненого тащили за руки и ноги, и я ощутил крохотную каплю уважения. Не бросили. Вытащили. А ведь могли и оставить в том

фургоне — кто заметит в хаосе боя?

Следующие полчаса были более чем предсказуемо наполнены матерными криками, истерикой, стрельбой по вершине ближайшего к нам древесного гиганта, одной дешевой попыткой придурка схватить мачете и пойти мстить за убитого друга, прошедшего лишь десять шагов и остановившегося в тупом удивлении — а почему его никто не останавливает? Но всем было на него посрать — большинство сохранило здравый рассудок и были заняты оказанием помощи раненым.

Раны были страшные. Долбанные обезьяны метали не какие-то там палки в палец толщиной — они швыряли чуть ли не бревна диаметром в запястье крепкого мужика. Увечья наносились капитальные. Одному попросту почти оторвало руку в плечевом суставе — копье вошло в плечо и вышло через подмышку. Спасти его не удалось — удивительно что он вообще прожил так долго при столь ощутимой кровопотере и шоке. Еще трое умерли следом — рваная требуха, перебитая артерия, оторванные нижняя челюсть и язык. Остальные подранки еще дышали, но как долго они смогут осуществлять этот внезапно ставший трудным процесс никто сказать не мог — они все хватали ртами воздух, с сипением загоняя в легкие. Но лица оставались синюшного цвета. Над ними столпились все еще гомонящие гоблины, в то время как сгруппировавшиеся старшаки о чем-то совещались у главной машины.

Меня заинтересовало другое. Нагнувшись, я прислушался к словам подрагивающего молодого совсем парнишку, зажимающего перетянутый окровавленными тряпками живот. Разобрав его почти бессвязные слова, я выпрямился, глядя на навсегда затихшего охранника. То, что он произнес, грозило здешним обитателями практически неизбежной и очень жесткой войной. Вряд ли у них получится удерживать нейтралитет с обезьянами после такого. И не связало ли услышанное с тем далеко не случайным взрывом?

Крутнувшись, я всадил три короткие очереди в колышущийся кустарник. Бил в место, откуда донесся крайне характерный звук. Для верности добавил длинную очередь, скосив здоровенный папоротник. Вместе с листьями на землю рухнуло косматое тело, выронив из лап оружие.

— Что там, Оди?! Доложи!

— Жопа твоя пусть тебе докладывает — пробормотал я на ходу, больше никак не отреагировав на властный приказ невысокого пузана, подвизавшегося здесь то ли младшим помощником, то ли главным подтиральщиком начальственных задниц.

Прикрывшись достаточно толстым стволом дерева, не высовываясь, я глянул в глубину посеченного моими пулями кустарникам. Там вытянулось три окровавленных тела. И рядом с каждой дохлой обезьяной лежало огнестрельное оружие. Как раз об этом шептал умирающий парнишка: «Меня застрелила долбанная обезьяна… Мерде… Застрелила из ружья…». Можно было счесть бредом, но я видел краем глаза как он упал — скрючившись, схватившись за живот, откуда ничего не торчало и завалившись на бок. А лицом он стоял как раз к бурелому у гигантского ствола. Звука смертельно ранившего его выстрела я не слышал, но при той пальбе и не удивительно. И вот оно мать его наглядное подтверждение выхода обезьян на абсолютно иной уровень угрозы…

Меня за плечо схватила потная лапа пузана, слюняво заоравшего мне в забрало:

— Эй! Когда я сказал доложить, ты должен повернуться и…

Я ударил локтем. Сильно. Вбитый в лицо нос весело хрустнул, а закативший глаза пузан упал навзничь и затих в высокой траве. Я продолжил рассматривать оружие, одновременно прислушиваясь к шумной жизни джунглей. Оружие было очень… специфичным мать его.

— Ладно… — кивнул я, разглядывая ближайший ко мне ствол — Ладно…

Под обезьяньей лапой лежала цельнометаллическая двустволка. Гладкоствольное оружие. Тяжелое даже на вид, а если поднять… Рискнув выйти из укрытия, я подобрал ружье и, не обращая внимания на подбежавших охранников, прикинул его вес. Никак не меньше семи-восьми килограмм. Это и неудивительно — вся конструкция чрезмерно массивна. Помимо этого, среди особенностей — расширенная скоба спуска и закрепленный на прикладе пластиковый патронташ на десять патронов. Десятый калибр. Эргономики ноль, зато максимум практичности и прочности. При нужде такой пушкой можно работать как кувалдой и ей ничего не будет.

— Охренеть… — выдохнул подошедший старший помощник Гарри Тонг, даже не глянув на валяющегося в отключке пузана — Это что за пушка мать ее?

— Под обезьянью лапу — ответил я, глядя на тянущуюся по цевью надпись:

«БУНКЕРСНАБ. ИШ-ЧЕЛЬ. ПАРКЕР-ХХХ».

А чуть ниже и мельче было кое-что еще:

«Миссия «Первые шаги». Тестовая партия 01».

Ремня для переноски нет. Предохранителя нет. Нет вообще ничего, что могло бы осложнить конструкцию или затруднить

возможное передвижение по густым джунглям.

Короче говоря — я держал в руках оружие, созданное для обезьян и заточенное специально под особенности их разума и физиологии. Сначала я посчитал отсутствие ремня минусом, но затем вспомнил как эти твари метались на огромной высоте среди торчащих сучьев и понял, что ремень убран не зря. Обезьяна и с тремя конечностями прекрасно справится с передвижением, а вот ремнем можно и зацепиться в прыжке. К тому же это тестовая партия, а значит, после обкатки в полевых и боевых условиях, оружие можно будет чуток модернизировать, подгоняя его под нужды и специфику мохнатых ублюдков

Кто займется модернизацией? Это и так понятно — сурверы из убежища Иш-Чель. Слово чем-то смутно знакомое и наверняка имеет какой-то старый смысл, вполне подходящий под как всегда высшие цели и миссии долбанного Бункерснаба. Эти твари просто неуничтожимы… Может зря я тогда не учинил локальный геноцид в Хуракане? Хотя те ушлепки казались… обычными и не представляющими угрозы. Чего можно ждать от поклоняющихся богу тлеющего дерьма?

А вот эти…

Крутя в руках заряженное оружие, я мысленно задался вопросом о преследуемых сурверами целях, но быстрого ответа не нашел — не хватало данных. Информации не было вообще ни по одному из интересующих меня аспектов, хотя некоторые можно просветить прямо сейчас… Повернувшись, я ткнул пальцем в ближайшего гоблина и велел:

— Хватит щупать обезьяну за жопу, ушлепок. Возьми вон ту гоблиншу и топайте на разведку. Через каждые пятьдесят метров доклад по рации и…

Спохватившись, я оборвал себя на полуслове, широко улыбнулся обомлевшим гоблинам и, похлопав выпрямившегося парня в полосатом древнем полицейском шлеме по плечу, успокоил его:

— Щупай дальше.

— Да не щупал я ему жопу!

— Да-да — кивнул я — Жопу не щупал. Ты его дохлые мохнатые яйца в пальцах перебирал, да еще и облизывался. Продолжай, гоблин.

— Че?! Охерел?! — ко мне поплыл неторопливый кулак безмятежного идиота.

Коротко ударив ногой, я отправил его в кусты, после чего подобрал с земли еще один дробовик и протянул руку за третьим, зажатым в руках девки:

— Сюда дай.

Заглянув мне в глаза, она что-то там увидела, кивнула и молча передала оружие. Коротко глянув на продолжающих что-то бубнить подтянувшихся помощников и на стоящего рядом с главным Гарри, я потопал обратно к фуре, где занялся важным делом. Сначала переломил и разрядил два грязных дробовика — обезьяны их у друг друга в жопе хранили? — опустошил их патронташи и ссыпал все в один из карманов и без того тяжеленного рюкзака. Я уже заканчивал чистить и снаряжать третий дробовик, решив оставить его себе в качестве вспомогательного разбрасывателя мозгов, когда ко мне подошел Гарри, неся в руках пару кружек. За его спиной, метрах в десяти, несколько гоблинов старательно копали могилы для отмучившихся.

— Кофе?

Кивнув, я взял протянутую кружку, сделал глоток крепчайшего кофе и сказал:

— Сто серебряных дублонов. Ну или золотом по курсу.

— А?

— Ты, а вернее твой босс, поняв, какой я из себя весь ушлый, мутный и крутой, хочет отправить меня на разведку в обезьянью чащу. Одна проблема — вы оба знаете, что я прямо сейчас могу послать вас нахер по той простой причине, что я здесь рядовой охранник, а не подписавшийся на смерть командир разведывательного подразделения. Мое дело ваши фуры охранять — и я вроде как справился, да?

— Это да… и тех троих тварей завалил до того как мы заметили, так что мы все тебе уже обязаны немалым. И с фурой ты себя неплохо проявил — водителя до сих пор потрясывает от твоего взгляда. Часовых по периметру я уже выставил. А насчет разведки… нам очень надо узнать, что нас там ждет и…

— Вам надо — кивнул я, обрывая его — Но мне-то похер на ваши трепетные нужды. И рисковать своей жопой ради вас не собираюсь. Во всяком случае бесплатно. Сто дублонов — и я в деле. И пару гоблинов мне в придачу. С ними по цене сами договоритесь. Но гоблинов выбирай умелых, а не одноразовых — чтобы умели ходить по джунглям, делали это тихо, не боялись собственной тени и стреляли на любой шорох. Короче — пару бывалых.

— Сто серебряных монет — это много.

Я пожал плечами:

— Четверть внедорожника. Как по мне так мало.

— Вся наша чистая прибыль от проводки каравана и транспортировки упирается в эту сумму, Оди.

— Не мои проблемы.

— Понимаю. Но столько мы заплатить не можем. Давай я сделаю тебе встречное предложение?

— Удиви меня.

— Тридцать серебряных монет сразу по возвращению, а как доберемся до Клериатиса я предоставлю в твое полное распоряжение чистый уютный трейлер и обеспечу трехразовое обильное питание на все то время, что ты решишь задержаться в том поселении. Плюс замолвлю за тебя словечко одному из тамошних автомехаников. Есть и скупщики знакомые — Гарри кивнул на лежащие рядом со мной крупнокалиберные дробовики — Все купят по настоящей цене. Что скажешь?

— Пятьдесят монет.

— Да будь же ты человеком! Слушай… вот у тебя есть опыт разведки? Да или нет?

— Есть.

— Вот! Ну а среди нас боевых разведчиков нету, а ты действовал и командовал так, будто родился с подзорной трубой в жопе и автоматом во рту!

— А че не наоборот?

— А?

— Я говорю — херею я с вашей сука логики. То есть раз я все умею, раз я потратил свое время и научился чему-то, пока вы бухали в барах и трахали проституток, то я и должен идти на убой? В этом твоя логика? В этом состоит твой призыв быть человеком? Ну нахрен тогда вашу сраную цивилизацию…

— Да ты о чем вообще? Это взаимопомощь!

— И чем ты мне помогаешь, Гарри?

— Да ничем… — признался он — Но у тебя хотя бы есть шанс выжить! Мы обычные транспортники! И больше привыкли договариваться, а не стрелять!

Чуть подумав, я кивнул:

— Ладно. Договорились. Но гоблинов в разведку я отберу сам.

— Из рядовых.

— Потому что их не жалко?

— Ну что ты… для нас ценен каждый.

— Ну да… ну да…

Я не спрашивал имен тех, кого взял с собой. Но позаботился о том, чтобы они не брали с собой лишнего, а заодно донес до них главное — если кто решит убежать, перебью спину и оставлю лежать жопой кверху в ожидании прихода обезьяньих самцов с херами наперевес. Свой рюкзак я тоже оставил, но прихватил с собой сумку, куда уложил всю электронику и ценную мелочь

вроде тех подсказок. Почти наверняка в мое отсутствие в вещах решат пошариться — и не найдут ничего интересного. Перед отходом ко мне подскочил Вункс и шепотом пообещал, что к моему рюкзаку никто даже не притронется. Парнишка неумело скрывал обиду — я не взял его с собой, хотя он вызвался первым.

Смуглый худой гоблин и похожая на него девка двигались по джунглям быстро и тихо. Их не надо было ничему учить, а здешнюю растительность они знали куда лучше меня, обходя опасные виды и не трогая живность. Но чем ближе мы подходили к месту недавней перестрелки, тем труднее это становилось. Влекомые запахом кровавого дерьма, к эпицентру недавних событий спешили твари со всех окрестностей. Щетинистые огромные крысы двигались стаями, туда же спешили альбиносы дикобразы больше метра в холке. Поверху прошло несколько юрких кошачьих мелких тел, а вдалеке раздавался чей-то захлебывающийся насмешливый хохоток. Под ногами непрестанно хрустело и чавкало — лопались жуки и гигантские мокрицы, брызгали прозрачными кишками багровые слизняки. Все живое торопилось от пуза нажраться и заодно очистить джунгли от излишка падали. Мы единственные, кого к эпицентру влек не голод, а интерес.

Там, где караван был атакован обезьянами уже не было ничего кроме покрытых падальщиками трупов. Нам навстречу вымахнул дикобраз со светящими в сумраке зеленоватыми иглами, неся в крупных оранжевых клыках оторванную руку в перчатке. За ним бежал еще один, таща в пасти гирлянду облепленных листьями кишок. Нами они не заинтересовались, пройдя почти вплотную. Рядом с деревом ворчащая масса жадно жрала мертвого ревуна.

Обходя очаги ликующего обжиралова, я продвинулся метров на сорок глубже и замер в густой тени невероятного по размерам дерева, уходящего на десятки метров вверх. Убедившись, что остальные заняли позицию рядом и смотрят в нужные стороны, я достал бинокль, врубил электронный модуль и вгляделся в невнятные очертания чего-то там впереди.

Потребовалось с пару минут, чтобы разобраться в подсвеченной высветленной картинке. Вот остатки колес, вон там разорванная рама, здесь смятая и вбитая в дерево кабина…

Грузовик.

На дороге взорвался грузовик. Взрыв был такой силы, что машину разорвало и разбросало на десятки метров, рядом с дорогой выбило нехилую воронку, а со здешних растительных небес обрушило херову тучу толстенных ветвей.

Если сопоставить все известное и увиденное, то получается,

что машина двигалась нам навстречу со стороны Клериатиса. Судя по карте Вункса эти обезьяньи дебри выглядят неравнобедренным треугольником, вторгаясь в обычные джунгли острым клином — дорога проходила через этот клин. Грузовик миновал почти весь путь, считай добрался до границы, но вместо того, чтобы ускориться, зачем-то съехал на мягкую обочину там, где имелось для этого места и… взорвался. При этом взрыв был крайне мощным. С части огромных деревьев кору сорвало почти полностью, а древесину глубоко излохматило. Глубоко ушедшие в землю древесные колонны устояли, но вряд ли выживут после таких повреждений. Так сильно мог случайно рвануть разве что перевозимый опасный груз — промышленная взрывчатка, боеприпасы… Или же взрыв был умышленным. Правду можно установить только глубоким изучением оставшегося от машины горелого металлолома, но я этим заниматься не стану. Равно как и изучением примерно трех-четырех десятков мохнатых трупов, разбросанных вокруг воронки. Часть из них еще дымилась, часть навеки стала костяным украшением побитых деревьев, остальные вспахали землю или разлетелись вкусными мелкими кусочками, уже частично пожранными прибывающими и прибывающими падальщиками. Точное количество погибших от взрыва гоблинов и обезьян уже не сосчитать. Но раз дохлых ревунов так много, значит, у них было время обнаружить остановившуюся машину, а затем подойти вплотную. Тогда-то и рвануло…

Медленно ведя биноклем, не забывая поглядывать вверх, я убедился, что рядом нет ни одной живой обезьяны. Издалека, из глубины леса Черных Великанов, доносились отголоски уже знакомого рева. До источника не меньше километра. Возможно, там расположено их главное логово — и как раз там и могла вестись раздача дробовиков, равно как и обучение стрельбе и перезарядке.

Не увидев больше ничего интересного, я подал знак, и мы двинулись обратно. Так пока и не пригодившиеся гоблины не могли скрывать нервозности, но панику пока сдерживали. Значит, выбрал я их правильно — еще не утратил старых навыков. И выбрал благодаря именно собственному опыту и навыкам, а не чьей-то подсказке. Было у меня стойкое, вот прямо очень сука стойкое предположение или просто смутное ощущение, что до этого я мог при выборе тех или иных союзников получать какую-то неявную даже для меня подсказку из установленных в башке нейрочипов.

Увидел я, к примеру, искалеченного Рэка — и нейрочип подал сигнал, что этот кусок дерьма может превратиться в очень стойкого умелого бойца. А как иначе? Ведь система была в курсе

характера Рэка и знала о его агрессивности и упертости. Идеальный кандидат в отряд гоблина Оди…

Это, конечно, просто стойкое ощущение, но в том числе чтобы избавиться и от него, я настоял на полном выковыривании из башки электронного изюма. И после этого столкнулся с медленно утихающим внутренним сомнением в собственных силах и какой-то обделенностью… Возможно именно это испытывает младенец, отлученный от материнской щедрой успокоительной сиськи? Хотя система мне далеко не мать…

Все эти мысли вылетели из головы, как только я услышал над головой приглушенное хриплое оханье. Развернувшись, толкнул гоблинов назад и развернулся как раз вовремя, чтобы увидеть сначала упавшее вниз безвольное тело, а затем следом приземлившуюся и снова болезненно охнувшую огромную косматую фигуру.

Злой ревун… Могучая обезьяна, припадая на левую ногу, швырнуло на землю пару каких-то связанных вроде бы крупных орехов и наклонилась над трупом. Схватив тело за голову, ревун резко крутанул. Послышался хруст ломающих костей, голову резко рванули вверх и в сторону, по дико вытянувшейся шее полоснула какая-то острая пластина и… отрубленная, а по сути, оторванная башка оказалась у ревуна в лапе. Отбросив обезглавленное тело, облизав лапу, обезьяна подобрала лежащие у ноги два ореха, потянув за конец тонкой лианы и принялась прилаживать его к своей новой добыче. Только сейчас я разглядел, что это были за «орехи» — оторванные головы с пробитыми насквозь щеками и пропущенной через дыры лианой. Закончив нанизывать, ревун сипло что-то прорычал и поднялся, поворачиваясь и приподнимаясь. В этой позе он и замер, наткнувшись взглядом на стоящего в шаге меня, успевшего тихо и быстро подойти.

— Лапа болит? — сочувствующе спросил я.

В крохотных глазах мелькнуло что-то вполне осознанное, в то время как пасть медленно щерилась, показывая клыки.

— Нахера коллекция? — второй вопрос я задал одновременно с коротким сильным ударом.

Лезвие тесака пробило мощную грудную клетку, раскромсав сердце и легкое. Пригнувшись, я ушел от удара сразу двух лап и отступил. Не сводя с меня злобного взгляда, ревун дернулся и завалился на спину. Выдернув тесак, я подобрал «украшение» и махнул рукой замершим у дерева гоблина. Второго приглашения им не потребовалось, и мы побежали вдоль дороги назад к каравану, оббегая трупы и падальщиков.

— Зачем обезьянам головы людские? — этот вопрос задал Гарри, продолжающий выступать разговаривающей прокладкой между мной и караванным лидером.

Мне на это было посрать. Я даже не стал говорить старшему помощнику, что в случае чего сильнее всего страдает именно прокладка. И на риторический как по мне вопрос я отвечать не стал, хотя для себя пару вариантов ответов уже нашел.

Ожерелье из трех изуродованных голов создало среди караванщиков небольшой ажиотаж. Сначала они не торопились подходить ближе к помощникам, но гоблинское нездоровое любопытство заставило их сделать первый шаг, а затем и оставшиеся. Вскоре они уже сидели на корточках вокруг кровавых трофеев, над ними стояли старшие, а один поливал мертвые лица чистой водой, смывая грязь.

Я сидел у колеса фуры, наблюдая за происходящим, крутя все собранные факты в голове и лениво прислушиваясь к Гарри.

— Точно не проехать? — этот вопрос он задал уже в третий раз, и я просто кивнул, снова подтверждая ранее сказанное.

По дороге теперь не каждый бронетранспортер пройдет. Сама воронка в стороне от узкой лесной трассы, но взрыв нанес существенные повреждение верхнему уровню и оттуда нападало столько всего, что по-хорошему требуется бульдозер с бронированной кабиной, чтобы расчистить путь.

Караван точно не пройдет. Тут без вариантов. Все поляжем в попытке разгрести завалы.

Получив мой кивок, Гарри сокрушено вздохнул, скорбно покачал головой и, крепко выругавшись, потопал отдавать нужные распоряжения, бормоча что-то про старый путь. Меня он своей руганью и скорбью не обманул — старший помощник Гарри Тонг был до усрачки рад, что им не придется снова соваться под полог леса Черных Великанов.

Я остался сидеть у фуры, дожидаясь почти неизбежного и долго ждать не пришлось.

— Фанти! — вскрикнул седобородый мужик с зеленой банданой — Это Фанти Нарк!

— Да нет… — возразил ему кто-то.

— Да точно он! — рявкнул седобородый, поднимая отрубленную голову и тыча пальцем ему в отмытую левую щеку — Помню этот шрам! Ему бутылкой ткнули в харю!

— Да! Точно он! Он! — поддержало мыслителя сразу несколько голосов.

И как только опознали первую голову, со следующими все сразу стало проще — словно гоблины нашли способ быстрой идентификации распухших посечённых лиц. Вторым оказался

один из наших, а третьей Чикасса Ланд.

Определив имена погибших, мужики помолчали и… наконец-то начали задавать осторожные вопросы, косясь на старших. Вопросы были вполне логичны.

Какого черта тяжело груженный грузовик двигался из Клериатиса по направлению к поселению с дирижаблем?

Почему машина взорвалась?

Фанти и Чикасса не были охранниками каравана и никогда не покидали Клериатиса. Что они делали здесь?

Откуда у обезьян огнестрельное оружие и кто научил их им пользоваться?

Что за клейма на оружии?

Ну и пожалуй главный вопрос, прозвучавший практически из каждого рта — что теперь будет с идущий через этот лес дорогой?

Ну да… Одно дело, когда злые обезьяны швыряются собственным говном и камнями, и совсем другое, когда в тебя летит картечь и пули.

На их вопрос никто отвечать не стал. Но вместо этого зазвучали громкие приказы, и облегченно выдохнувшая толпа разбежалась.

Через полчаса две серьезно поврежденные машины развернулись и в сопровождении пяти охранников направились обратно к месту ночлега. Там они будут ремонтироваться и дожидаться попутного каравана. На лицах торопливо садящихся в машины охранников читалась нескрываемая и вполне понятная радость. Через несколько часов они окажутся в полной безопасности.

Мы сдвинулись с места чуть позже, двинувшись следом за ними. Но они ушли прямо, а мы свернули в низину, где в дело вступили рубщики с мачете. Поочередно сменяясь, продвигаясь метр за метром по старому заброшенному тракту, караван пошел в обход леса Черных Великанов, признав поражение от обезьян.

Природа победила и восторжествовала?

Ну да… а чего нет то, если в мохнатых лапах крепко сжаты крупнокалиберные дробовики…

Головы. Оторванные головы…

У меня было несколько вариантов причин их сбора. Что-то внутриплеменное, просто свихнувшаяся обезьяна или обезьяна любящая лакомиться сырыми мозгами. Может головы собирали, чтобы обглодать, а затем насадить на сучья на самом виду — чтобы предостеречь наглых гоблинов.

Или же нанизанные на лиану головы были нужны как доказательства для предъявления кому-то еще. Кому-то, кто примет отрубленные головы, посчитает их, одобрительно

покивает и выдаст ревунам еще пару дробовиков и горсть патронов…

Глава 8

В чем владельцы каравана не прогадали, так это в договоренностях платить за проводку из точки А в точку Б за фиксированную оплату, а не посуточную. Мы пробивались сквозь джунгли еще почти два дня, но платить нам за это дополнительные деньги никто не собирался. Ночевали всего один раз и ночью караван потерял еще одного охранника и игравшего с ним в кости владельца одного из фургонов. В это время я спал и проснулся слишком поздно, успев заметить огромную раскачивающуюся двуногую тень, канувшую в заросли и легко утащившую с собой два тела. Прицельные выстрелы вслед были тварью проигнорированы.

Сначала караван пытался сделать лишь небольшой крюк, чтобы скорее вернуться на проверенную трассу, но из этой затеи ничего не вышло — мы столкнулись с настолько плотно растущими деревьями, что нечего и думать было пробить себе путь только тесаками. Тут понадобятся топоры, пилы и ломы, а лучше бульдозеры, чтобы оттаскивать стволы и корчевать пни. Ничего из этого не имелось — равно как и желания. Поэтому караван вернулся на старую заброшенную трасу, где главным препятствием были лианы и кишащие ядовитые змеи, сумевшие забрать еще двоих. Мы бы пробивались куда дольше, но тупо повезло выбраться на никому из караванщиков неизвестную и достаточно широкую дорогу, ведшую от дальних плантаций. Только эта удача дала возможность добраться до города засветло и не оставаться на очередную смертельно опасную ночевку в джунглях.

Держась за мешки вокруг пулеметного гнезда, с высоты кунга я внимательно вглядывался в Клериатис. Город лежал в небольшой и практически полностью очищенной от дикой растительности округлой низины. Что характерно, тут не было той дикой скученности построек, как в оставшемся позади поселении. При этом не было и одиночных строений — за редким исключением. Весь центр низины занимали белые и серые одно и двухэтажные небольшие здания, выстроившиеся таким образом, чтобы образовать открытые ветру широкие улицы. На плоских крышах видны солнечные панели и водонагреватели. В бинокль я отчетливо различил многочисленные цветочные клумбы и тянущиеся от каждого здания длинные ленты огородов. Чуть нарушая общий порядок и единообразие в нескольких местах поднялись строения повыше и посолидней, сложенные из бетонных блоков и природного камня. На одном из таких зданий

стоит несколько вышек, которые я мысленно обозначил как наблюдательные. Размещать на таких хлипких сооружениях тяжелое вооружение глупо — накроют и сметут одним ударом. Вокруг поселения отчетливо видна дуга, а скорей всего кольцо глубокого рва — и скорей всего он служит для сбора дождевой воды и отвода ее в какой-нибудь сборник. Учитывая положение Клериатиса в низине ров каждый год спасает их от наводнений.

Покачиваясь, фура вышла на главную дорогу и прибавила скорости на ровном спуске. Проследив за светлой лентой, я убедился, что дорога проходит поселение насквозь, сначала пробегая через пару широких мостов. Как только мы приблизились еще метров на триста, я опять приложил бинокль к глазам, чтобы получить больше информации.

Одного взгляда с близкой дистанции хватило, чтобы опознать основную массу белых и серых построек.

Автодома. Как прицепные, так и самоходные. Размеры начиная от средних и заканчивая настоящими длинными двухэтажными гигантами. На окнах москитные сетки и веселой расцветки шторки, на корпусах много надписей на неизвестном мне языке и граффити, преимущественно изображающих древние гигантские транспортные эстакады. Примерно на каждой второй крыше трепетал зеленый флаг с крупной синей каплей в центре, а на каждой первой висели гирлянды из разноцветных флажков. Кое-где лениво крутились жестяные флюгеры.

Жители…

Их было много, и они были яркими.

Одежда по большей части представлена шортами и футболками, но здешнее население явно не знало таких цветах как черный, серый или бурый. Зато они хорошо разбирались во всех оттенках красного, оранжевого и прочих режущих глаза цветов. Цвет кожи различен, но преимущественно смуглый. По спектру эмоций лица ничем не примечательны — обычный город, обычный день, обычная рутина.

До того, как караван свернул с главной дороги и остановился у одного из стоящих чуть особняком зданий, я поднял бинокль выше и посмотрел на джунгли за поселением. Над вершинами деревьев тянулась частично разрушившаяся, но в целом неплохо сохранившаяся транспортная многорядная трехуровневая эстакада. Одна из монструзоных опор была облеплена черными горошинами усердно вкалывающих гоблинов. И судя по их движениям, работали они самыми примитивными орудиями труда — молотки, зубила, ломы и все такое. Учитывая прочность древнего усиленного железобетона, трудится они тут будут еще долго, медленно уничтожая остатки наследия уснувшей

цивилизации.

— Над древним мостом они только недавно начали работать — заметил Вункс, баюкая у груди поврежденную левую руку — До этого годы раздалбывали в пыль реально огромный склад вон в той стороне. Там теперь глубокое озеро, куда уходят стоки с этого рва. А ты знал, что такими вот небесными мостами в старые времена могли пользоваться только очень знатные и богатые? А людишкам вроде нас путешествовать можно было либо под землей на железной змее, либо по земле в больших кибитках.

Покосившись на Вункса, я ткнул пальцем в эстакаду:

— Это не небесный мост, гоблин. Это обычная транспортная артерия. Основной ее ствол. С ее помощью в старые времена к сотням миллионов потребителей всякого химозного дерьма и просто любителям закупаться всякой херней круглосуточно доставляли их желалки. Сотни тысяч тонн… По соседней трубе совершались пассажироперевозки. Платная верхняя открытая траса была доступна для тех, кто был способен оплатить такое удовольствие и туда же изредка причаливали флаеры, малые дирижабли и прочая транспортная мелочь, чтобы забрать прибывшее или наоборот отдать груз в железные лапы автоматизированных курьеров. Там же располагались небольшие гостиницы, посадочные площадки и ремонтные комплексы. Это не элитный небесный мост, гоблин. Это просто облепленная стальными мухами толстая жирная кишка, что подавала свое дерьмо прямиком в широко раскрытые и жадно глотающие рты…

— Ыкх… — пробормотал парень — Тогда хорошо, что из сносят. А откуда ты все это знаешь, комендante?

— Стальная кишка забитая людским вонючим пластилином — пробормотал я, глядя на древнюю эстакаду — В чем-то тот ублюдок был прав…

— Эй… ты о чем?

— Прибыли!

На этот крик караван ответил не восторженным ревом, а чем-то вроде сиплого многоголосого хрипа. Все так устали, что радоваться не было сил. А я вообще рта не открывал и не орал. Просто поднял рюкзак и тяжелый сверток с трофейными стволами, коротко кивнул Вункcу и выбрался из пулеметного гнезда, откуда шагнул на стальную лестницу.

— Ты щас куда, амиго? — как всегда произвольно путая обращения, заторопившийся Вункс сунулся за мной — Ты это!

— Я что? — буркнул я, спрыгивая на ответившую пыльным вздохом землю.

— Отметить бы вечером прибытие-то! Мы ж вроде как выжили!

— Выжили — хмыкнул я и взглянул на стоящего вверху парня — Ты жить хочешь, Вункс?

— Ну… конечно хочу!

— Тогда не ищи встреч со мной — посоветовал я и, перехватив поудобней сверток, двинулся прочь от каравана.

Деньги я забрал, прощаться ни с кем не собирался. Все пусть и не совсем так, но все же шло по плану. Я наконец-то добрался до явно дружащего с техникой и продвинутым транспортами местом. Здесь придется ненадолго задержаться — покидать это место на своих двоих я не собирался.

Осталось только нажать на себя чуть сильнее, чтобы временно убрать куда-нибудь на темные задворки свою злобную гоблинскую харю и повадки. Если я правильно ощутил здешнюю атмосферу, жизнь этого города поддерживается на плаву не пороховой гарью, а чем-то таким безумно звучащими как «правильная локальная торговая экономика». Здесь сходились и отсюда уходили все дороги. Одной из них проследую и я. Осталось отыскать и купить колеса…

Пониже опустив козырек бейсболки — шлем болтался на рюкзаке — я ненадолго задержался рядом с группкой бодрых несмотря на жару стариков. Они жевали листья, пуская по морщинистым подбородкам зеленые ручейки и были готовы общаться на любую тему, если я отвечу и на их вопросы. Ну да — в этом возрасте новости подобны живительной воде и главной наркоте. Скупиться я не стал, быстро и четко рассказав о причинах задержки каравана и о том, что произошло в лесу ревунов. Переварив мои слова, старики покивали и в ответ дали мне нужную информацию, заодно дав пару вариантов и указав нужное направление. Я выбрал тот, что показался мне самым многообещающим и уже через десять минут через узкую дверь входил в большой полутемный зал. Усевшись за ближайший столик, я огляделся.

Снаружи здание представляло собой что-то вроде сборной коробки из тронутых ржавчиной листов гофрированного металла. Внутри отделка была точной такой же — листы уже много где дырявого металла, широкие щели, каркас из толстого старого бруса. С потолочных балок свисало несколько ламп, питаемых солнечными батареями. Там же лениво крутилось три скрипящих вентилятора, давая возможность мухам и ящерицам покататься на карусели. В теплом сумраке просматривалась не слишком длинная стойка, рядом с которой находилась ведущая вверх железная лестница, заканчивающаяся у широкого и заставленного двухъярусными койками балкона, тянущегося вдоль всей стены. С балкона доносился заливистый храп и наигранные женские стоны

с подрагивающей кровати в другом конце. Заведение называлось «Комида Абунданте» и по заверением все знающего старичья являлось третьесортной таверной и ночлежкой. Из веселья тут был только ром и ежевечерние выступления марьячи.

Сонная от жары девушка с собранными в пучок волосами, в желтой футболке и короткой синей юбке подошла почти сразу, вопросительно на меня уставившись.

— Пожрать и выпить — коротко ответил я, вытягивая ноги под столом.

Выбранный мной стол ничем не отличался от остальных и не имел ни малейшего тактического преимущества. Стены тут можно хером прошибить, от пуль угол не укроет, стол из тонких досок, а с балкона прекрасно простреливается весь зал. В каждой стене по двери ради сквозняка. Так что я не прогадал.

— Есть жареные с томатами и луком острые бобы — проинформировала меня девушка — Есть еще целая сковорода — тетушка Манни только что пожарила. Будете?

— Ага.

— Порцию?

— Всю сковороду — ответил я, улыбаясь максимально аккуратно и скупо, чтобы улыбка не превратилась в прилипшую ко мне кривую усмешку — Еще хлеба, воды и кофе.

— Ром?

— Позже — на этот раз я улыбнулся чуть уверенней — Еще лепешек.

Она кивнула, затем ненадолго уставилась на потолок, выискивая там что-то видимое лишь ей, пошевелила губами и наконец озвучила:

— Три серебряных дублона, сеньор.

Выложив монеты, я глазами указал на балкон:

— Есть свободные места в вашем люксе?

— Койки есть. Треть дублона за сутки.

Я добавил еще одну монету. Сгребая деньги, она добавила:

— На третью слева на ложитесь. Старый Пью снова обделался по полной и все протекло сверху донизу. Убрать убрали, но…

— Я лягу подальше справа — кивнул я.

Девушка покачала головой и, понизив голос, сказала:

— Туда тоже не стоит. Справа койки самые чистые, но там обитает Туч Торо и лучше не оказываться с ним рядом, когда он пьян или с похмелья. А пьет он каждый вечер и считай до самого утра…

— Учту — кивнул я.

Покосившись на мои стволы, девушка напомнила то, о чем я сразу же услышал от стариков:

— В городе хвататься за оружие нельзя. Даже за нож.

— Учту — повторил я и выложил на стол еще монету — Где тут можно помыться так, чтобы вещи были под приглядом?

Она ответила мгновенно:

— Купальня тетушки Летти. Шагов сто вон в ту сторону. Три трейлера стоят большой буквой П вокруг бассейна. Или я могу наносить воды в большое корыто в задней комнате…

— Большое корыто подойдет — ответил я.

На этом наш диалог закончился. Пока она шла к стойке, нарочито сильно покачивая бедрами и пару раз оглянувшись, я помассировал щеки — оказывается, я разучился улыбаться. А ведь умел когда-то…

Девушки не было довольно долго. Но вернулась она красива. Здоровенную и еще горячую сковородку поставила прямо на стол, наверняка добавив к многочисленным подпалинам столешницы еще одну. Рядом брякнула миску с лепешками и десятком стручков зеленого перца. Стоило запаху достигнуть моих ноздрей и я, еще даже не шевельнувшись, разом понял, что это тот самый почти уникальный случай настоящей еды. Той, что готовится с минимальным перечнем простейших ингредиентов, но при этом имеет максимальный вкус. Та самая обожаемая гоблинами вроде меня дешевая вкусная жрачка. Раньше такое можно было получить только с очень редких уличных лотков на полузатопленных улицах умирающего города. И я знал каждое такое местечко…

Взяв ложку с деревянной темной ручкой, я зачерпнул из сковороду, пару раз дунул, сунул в рот, жеванул и… ненадолго замер, впитывая в себя невероятный вкус. Проглотив, поднял глаза на снова подошедшую девушку и хрипло произнес:

— Повар дельный.

— Пиво от заведения — на стол встал глиняный кувшин — В благодарность.

— За что?

— В благодарность за караван. За то что метко стрелял.

— Стреляли все.

— Но ты был лучшим. Так говорят — ответила она, наливая пиво в высокий помутневший от времени стеклянный бокал — Еще говорят ты спас многих не только выстрелами, но и приказами.

— Кто говорит? — поинтересовался я, отрывая от теплой лепешки солидный кусок и зачерпывая им бобы прямо из сковороды.

Прожевав, я сделал глоток пива и одобрительно кивнул — свежее, прохладное, вкусное.

— Тебя не Тринити зовут? — неожиданно спросила девушка, проигнорировав мой вопрос.

Я удивленно посмотрел на нее:

— Тринити?

— Да я шучу… вспомнила просто один старый фильм про крутых мужиков. Говорят, тому фильму уже лет пятьсот, а судя по статистике нашей электронной фильмотеки его берут чуть ли не чаще всех остальных. Хотя у старого дона Содро всего-то шестьдесят три фильма, и я посмотрела каждый по несколько раз.

Хмыкнув, я допил бокал, и она снова долила его доверху. Подумав, я глянул на рюкзак, где скрывался мой планшет, куда умельцы Окси загрузили немало разного, и пожал плечами:

— У меня тоже есть с десяток древних фильмов. Может больше.

— Правда?! — с ее лица исчезли остатки сонливости — Поделишься?! Наша община будет благодарна.

— Поделюсь и без благодарности — буркнул я, возвращаясь к еде — Пришли ко мне того самого старого дона Содро. Я угощу его пивом. Если он захочет пива… и если вообще захочет прийти.

— Не захочет — я его силой притащу! А у тебя есть фильмы про рухнувший старый мир? Про огромные города с миллионами жителей? Про небесные башни? Про Эпоху Заката, когда все уже рушилось и пылало? Про падающие с небес летающие острова и пылающие дирижабли? Про знаменитый лунный мятеж и взрыв реактора в одном из купольных городов? Есть такое? И чтобы с кровью и гноем…

— А хрен его знает — ответил я, опять пожимая плечами и изо всех сил стараясь поддерживать этот столь трудный для меня обычный разговор ни о чем. Неплохая тренировка. — Ваш дон Содро и посмотрит.

— Когда можно его позвать?

— Через пару часов — отозвался я — Так кто там говорит обо мне?

— За таверной пара тенистых деревьев. Там всегда толчет свободный от работы или калечный народ. Там же подрабатывают мелкие ремесленники. Там же поят животных. И пиво мы туда подаем.

— Ясно — кивнул я.

— Могу поговорить с хозяином и тебя разместят не на балконе сверху, а в отдельном малом трейлера там за таверной. Доплачивать не придется.

Прикинув все за и против, я кивнул:

— Хорошо. Ночью. Тогда же и помывка. А отдохну пока на балконе.

— Зачем? — она искренне удивилась.

Я не ответил. С хрустом откусив половину жгучего перца, я торопливо запихнул в рот полную ложку бобов и сосредоточился на пережевывании. Обидчиво фыркнув, девушка пошла к стойке, на ходу бросив:

— Меня зовут Джасинта…

Глянув ей вслед, я медленно кивнул, давая понять, что услышал не только ее имя, но и то, что звучало в ее голосе.

Трейлер манил меня одиночеством. Во время пути, когда я старался не рычать на всех, кто меня раздражает, большую часть суток приходилось проводить в общении с кем-то. И сейчас я был бы не прочь позволить раскаленной бесполезной болтовней голове чуток остыть. Но, опустошив сковороду и кувшин с пивом, я пошел не в обещанный трейлер — вот и премиальные за усердную работу — а к лестнице ведущей на усеченный второй этаж. Поднявшись, свернул направо, сделал десяток шагов и остановился на краю балкона, где койки стояли не так плотно. Да и пахло здесь лучше. Выбрав пустую нижнюю койку, я уронил рядом с ней рюкзак со свертком и круто развернулся, лицом к лицу встретившись с рослым широкоплечим мужиком. Хотя то, что у него было налеплено на черепе трудно было назвать лицом — когда сильно обожженное и абы как зажившее, багровое, с налитыми кровью похмельными глазами и кривящимися в злобе губами.

— Свали отсюда нахер прям вот щас — дохнул он мне в лицо, а затем попытался врезать мне кулаком в челюсть.

На миг ему даже почудилось, что он попал. Но на самом деле я перехватил его ручищу, вывернул и, не обращая внимания на хриплый вой и странный хруст, довел его до невысокий перил и подтолкнул. Ударившись о загудевшие перила бедрами, он наклонился вперед, замахал руками в попытке сохранить равновесие. Я пнул и отступил, проследив за прочертившими воздух черными пятками. Мягкий шлепок удара и крик перешел в долгий мученический стон. Глянув вниз, я убедился, что похмельный хреносос вполне пережил падение и уже уселся, баюкая неестественно вывернутую правую руку. Дождавшись, когда он поднимет залитую кровью харю и посмотрит на меня, я предупредил:

— Поднимешься — прибью. Тронешь кого-нибудь — убью.

Не дожидаясь ответа, я отступил от перил и упал на жесткую койку, снабженную только соломенной циновкой и твердой как полено небольшой подушкой. Стащив ботинки, я вытянулся на койке, опершись спиной на стену. Вытащив из рюкзака планшет, я глянул с высоты балкона вниз и убедился, что позиция идеальная.

Поэтому я и не отправился в отдельный трейлер — глупо оставаться слишком далеко от общей толкотни. Именно в таких местах чаще всего появляются интересные личности и ведут мутные беседы.

Накатывала сытая дрема и выпитый вместе с пивом кофе мало что мог с ней поделать. Поэтому я не стал возражать, когда поднявшаяся наверх Джасинта поставила на принесенный табурет поднос с еще одним кувшином пива и тарелку с поджаристыми сверчками вперемешку с жирными подрумяненными личинками и перченым арахисом.

Там снаружи уже совсем стемнело, свет в таверне стал ярче, так что я спустил пониже козырек бейсболки и погрузился в наблюдение за входящими внутрь гоблинами, не забывая уделять внимание и закускам.

Я ожидал главного — громких и яростных разборок.

И был уверен, что разборки последуют обязательно и все будет происходить именно здесь — в большом ангарном зале сборной таверны, где собираются рядовые охранники караванов. В поселении имелось еще одно заведение, но оно было рангом повыше и подороже, опять же пускали туда далеко не всех и требовали входить безоружным, плюс там имелась своя надежная охрана. Там, где есть лицечек и жопошмон ловить было нечего.

Моя текущая цель была проста — узнать, что за взрыв произошел в том старом лесу. В случайности я не верил. И мне было глубоко похер на все причины, предпосылки и последствия. Просто я искал способ заработать шального бабла.

Одна из давным-давно намертво усвоенных мной истин — больше всего платят те, в ком яростно бурлят самые нехорошие эмоции.

Вторая из усвоенных мной примерно тогда же истин — там, где высокородные и богатые эльфы предпочитают договариваться мирно и поскорее прекращать свои конфликты, рядовые гоблины решают проблемы куда более простыми способами: мордобоем, поножовщиной и стрельбой. И я оказался как раз в знатном гоблинятнике и сидел на лучшем обзорном месте.

Ждать пришлось недолго. Через час все места оказались заняты, а сменившие девушку четверо парней в белых безрукавках едва успевали разносить кружки и тарелки. С кухни доносился звон посуды и яростный мат повара, от стойки неслись громогласные заказы и озвучивались суммы — как я понял оплату здесь требовали сразу же.

Я как раз закончил чистку револьвера и собирал его наощупь, когда в зал влетело несколько знакомых мужиков. Их лидер, в ком я опознал задиристого бородача с одной из первых машин,

огляделся, выщепил злобным взглядом столик в центре и с ревом рванул туда, сбив по пути разносчика с полным кружек подносом. Друзья бородача понеслись следом, на ходу доставая короткие дубинки. У последнего в руке сверкнул нож. Крикунов нельзя было не заметить, и половина посетителей вскочила, но затем снова уселись — все кроме тех, к кому эта четверка и неслась. Один из вскочивших выставил перед собой руки:

— Уймитесь! Старшие порешают!

— Наших из-за вас макаки убили! — кулак бородатого полетел в лицо пытавшегося его образумить мужика, но тот неспешно уклонился и пнул нападающего в колено.

Бородач рухнул, подобрал под себя руки и начал вставать, но ему в затылок приземлилось донышко пивной кружки, и он затих. Остальных это не остановило и через секунду стол был опрокинут, а на полу завозилась куча из ревущих, кричащих, а затем и визжащих тел. Охрана — два здоровенных высоких парня — подошла не сразу, но явившись они сразу взялись за дело и сноровисто раскидали окровавленных драчунов. Если кто-то пытался возразить — следовал умелый удар такой же короткой дубинкой и все протесты мгновенно прекращались.

Нападавших вывели и выволокли из зала, а куда меньше пострадавшие оборонявшиеся подняли столик и снова уселись, утирая кровь с харь и матерясь так яростно и громко, что сразу становилось ясно — они понимали, что еще ничего не кончено и все беды впереди.

Жадно наблюдавший за бесплатным зрелищем зал удовлетворенно гудел. Гоблины живо обсуждали драку, оценивая каждого бойца и дружно порицая зашедшегося в визге Николу, хотя нож ему в ляжку всего-то на палец ушел и не больше. Мог бы и промолчать как мужик. Ну так у Николы и брат такая же тряпка как он сам — когда ему ухо отрубили в пьяной драке орал так, будто ему хер оторвали. Визгливая семейка одним словом…

Вскоре обсуждение пробитой ляжки Николы сошло на нет, а разгоряченные пивом и зрелищем посетители перешли к главному блюду и начали рассуждать о том, как сильно был неправ дон Ругер и что вендетта вендеттой, а о других тоже надо было подумать. С этим все были согласны и следующие минут двадцать они до хрипоты спорили о сумме компенсации, которую дона Ругера заставят выплатить караванщики. Все сошлись на том, что сумма будет очень немаленькой, а если чертовы обезьяны не утихомирятся и торговый тракт останется закрыт, то именно бойцам Ругера придется пробивать новую обходную дорогу и так ему за это и надо долбанному богачу.

Последней нелестной оценки своего босса все еще утирающие

кровь с рыл мужчины за центральным столиком не выдержали и заорали в ответ. Главный — тот, что останавливал бородача — криком заткнул не только своих, но и вообще всех, после чего пояснил всем собравшимся, что как бы там не поступил дон Ругер — это его дело и за свои дела и слова он отвечает так, как никто из сидящих здесь не потянет. Поэтому пусть все заткнут свои сраные пасти и не трогают безутешного дона Ругера, горюющего из-за потери любимого сына и наследника. И что караванщикам тоже не стоит с надеждой жопами пускать бурые слюни на деньги сеньора — потому как надо было вперед посылать чертову разведывательную багги с рацией, как это всегда на трасе леса Черных Великанов и делалось! Разведка была?! Нет не было! Вот и вляпались в обезьянье дерьмо по собственном вине — так что все претензии пусть шлют собственным старшакам, но никак не дону Ругеру. Так что компенсация если дон Ругер и заплати, то небольшую и исключительно по собственной доброте душевной. И что в Клериатисе да и не только в нем дону никто не указ.

Выслушавшие горячую речь преданного сотрудника, гоблины пугливо притихли и предпочли вернуться к своим кружкам. С пола собрали битую посуды и выбитые зубы, вытерли лужи пива и пятна крови, после чего таверна вернулась к сонному бормотанию и так длилось до начала выступления марьячо.

С разочарованием откинувшись обратно на подушку, я допил пиво и перевел взгляд на сидящих за дальним столиком пятерых гоблинов. Среди них был недавно скинутый мной с балкона ушлепок и он, вливая в ушибленную пасть пиво, на глазах менялся в лучшую сторону — по мере того как присевший рядом с ними один из охранников нашего каравана что-то ему горячо пояснял, то и дело бросая на меня откровенно восхищенные взгляды. После того как он жестами начал показывать как я крошил обезьян, а в зале зазвучали его горячие возгласы вроде «Он трахнул их всех!», «Поимел ревунов до рева!» и «Сходил в разведку и всех убил!», я понял, что мести можно не ждать и поднялся с койки. Скучно у них тут…

К тому же я теперь знал кто в самое ближайшее время подарит мне машину, боеприпасы и запас продовольствия…

Безутешный дон Ругер был умен.

Он предпочел договариваться не в заведении для тех, кто побогаче, а на обнесенной высокой стеной собственной территории. Высокие ворота были сколочены из толстых грубых плах, демонстрируя стремление хозяина не только к безопасности, но и к простоте. Несмотря на поздний час ворота были распахнуты. За ними открывался заставленный техникой просторный двор, а в глубине виднелся вполне обычный с виду

одноэтажный дом из побеленного камня. Плоская крыша, узкие редкие окна и наверняка толстенные глиняные стены — все ради прохлады внутри. На крыше антенная вышка, пара водонагревателей и целое поле столь размномастных солнечных панелей, что сразу ясно — все это добро скупалось годами из различных источников, а затем ремонтировалось. Возможно все имущество собиралось даже не годами, а поколениями этих донов Ругеров. Двор и здание освещались парой ярких ламп на высоких столбах. В их свете я увидел пару знакомых машин, окончательно убедившись, что хозяева и руководство охраной побитых караванов приехало с целью договориться. Никто не собирается устраивать разборки. Одна сторона желает получить достойную компенсацию — которая почти вся пройдет мимо семей убитых охранников и осядет в карманах сраных договорщиков, а вторая сторона желает как можно скорее и тише замять эту историю. Вскоре все останутся в выигрыши, выпьют немного текилы и разойдутся с миром.

Я оценил ситуацию издалека. Глянул на часы и… потопал обратно в таверну. Заходить внутрь не стал. Обошел ангар сзади, миновал пышущий жаром длинный кухонный навес и поймал за талию пробегающую мимо чем-то крайне недовольную и едва не шипящую Джасинту. Она вывернулась и не глядя залепила пощечину. Я перехватил ее удивительно быструю ладонь и, чуть сжав, спросил:

— Че там с моей ванной?

Опознав меня, она расслабилась и, не став вырывать руку из моей хватки, улыбнулась:

— Так ты вернулся.

— Да я и не уходил.

— Так ты ведь… — оборвав себя, она улыбнулась шире и мягче — Ну да… ты ведь здесь. Пойдем, боец. Твоя комната готова. И платить за нее не придется. Как и за завтрак со стиркой. Хозяин заведения сам раньше был караванщиком и начинал с простого охранника.

— Ага — кивнул я, идя следом за ней к приткнувшейся рядом с ангаром низенькой каменной постройке.

— Ну и еще его троюродный племянник был в вашем караване. Его имя…

— Мне плевать — отозвался я, входя в крохотную комнатушку, что едва вместила в себя койку, узкий стол и полное воды корыто.

Сбросив рюкзак у койки, я сгрузил рядом оружие и пояс, защелкал фиксаторами разгрузки. Стащив ботинки и футболку, я взялся за штаны, и стоящая рядом Джасинта заметила, крутя

прядь волос:

— Я ведь еще здесь, амиго…

— Так уходи — ответил я, стаскивая с себя штаны вместе с трусами.

Толкнув ногой ремень с револьверной кобурой ближе к корыту, я шагнул в воду и медленно уселся в прохладную воду. Откинув голову на прохладный край емкости, я искоса глянул на девушку. Она никуда не ушла. Не сводя с меня глаз, она завела руку за спину и медленно задвинула щеколду, после чего задумчиво произнесла:

— Такая широкая спина… потру тебе ее хорошенько мочалкой. А то ведь ты и не дотянешься…

Предрассветным утром я был бодр как голодный волк. И столь же целеустремлен. За моей спиной осталась удаляющаяся дверь, за которой на еще влажных от нашего пота простынях спала усталая девушка. Я мог бы задержаться на несколько дней, но хоть меня и посетила эта мысль, я даже не замедлил шага. Не все наши желания сбываются, а от некоторых приходится отказываться самостоятельно.

Спокойный мирный голос донесся от одинокой скамейки, что сейчас едва угадывалась в еще прохладном сумраке, а днем была погружена в беспощадный солнечный жар. Сидящий на толстой доске незнакомец шлепнул ладонью по скамье и поднялся:

— Мы не меняемся, верно? Срубить двухсотлетнее здоровое дерево чтобы сделать хорошую скамью… и по тупости поставить ее там, где на ней никто не станет сидеть из-за вечной жары. Можно бы выкопать и перенести… но зачем, если можно бросить на землю пару циновок? Да уж… неизменная людская натура, сляпанная из благих побуждений и скотской лени… Как твои дела, коммандер Оди?

Неспешно оглядев безбоязненно шагнувшую мне навстречу крепкую фигуру, я с интересом спросил, продолжая его разглядывать:

— Кем послан, солдат?

На нем зеленая футболка и такого же цвета тактические старые штаны. Высокие ботинки, небольшой рюкзак за плечами. Там же винтовка, а на поясе открытая кобура с пистолетом и нож. Стрижен почти налысо, шляпа с защитной сеткой покачивается в левой руке. А в правой, будто чтобы подчеркнуть занятость обоих рук и это особенно, висят тяжелые четки. От них доносится пощелкивание — механическими и явно давно заученными и ставшими бессознательными движениями он перекидывает камень за камнем.

— Солдат — согласился он, проводя ладонью по жесткому ершику коротких волос — По старомодной прическе угадал?

— Нет.

— Так я и думал, что сексуальная фигура всегда меня выдает. Есть минута?

— Кто ты такой? — зевнул я, даже и не думая тянуться к оружию.

Не из страха получить пулю, а по той простой причине, что захоти он меня убить — я бы умер еще на пороге той хибары, добавив здешним уборщицам работенки по оттиранию моей крови. Он знал где я. Он ждал меня. И намеренно занял обе руки, показывая, что не собирается воевать. Хотя он здесь не один — это я понял сразу. Где-то там в сумраке скрывается как минимум пара стрелков, держащих меня на прицеле.

— Пятеро — улыбнулся он, безошибочно угадав мои мысли — Кто я такой? Я Кортарус. И меня здесь никто не знает. Хотя многие слышали о организации в которой я состою.

— Да угадаю — то самое засевшее в джунглях якобы Сопротивление? Боретесь с разумными машинами, а еще со злобными москитами и жаждущими секса обезьянами, но пока справляетесь только со второй угрозой?

— Сопротивление — кивнул он, не выказав удивления моей догадливостью — Все верно. И нет — я знаю о тех придурках в джунглях, и они не из наших. Пользуются авторитетом нашей организации и доят доверчивых идиотов караванщиков. Да и хрен с ними. Пообщаемся, коммандер Оди?

— Не-а.

— Как и ожидалось — кивнул он — Ладно. Слышал ты ищешь неубитый электрический внедорожник? Могу подарить. Модель старая, но…

— Подарков не принимаю — качнул я головой — Нет.

— Тоже ожидаемо — сказал он и отщелкнул несколько камней на четках — Что ж… Не хочешь быть в долгу перед любителями обезьяньего секса и москитных оргий. Разумно. И получается, что разговаривать ты не хочешь, подарков не принимаешь. Тогда расходимся?

— Ага.

— Возьми вот это — аккуратно и медленно закрепив шляпу на поясе, он вытащил из набедренного кармана сложенный в четверо лист и протянул мне.

— И это?

— Ты ведь искал не только внедорожник, но и актуальную карту местности. На этом варианте немало белых пятен, но отмечены все дороги и активные населенные пункты отсюда и

вдоль всего побережья бывшего Юкатана, самой Мексики и дальше на север. Тебе ведь куда-то туда?

— Я не…

— Подарков ты не принимаешь — согласился Кортарус — Верно. Но это не подарок, а большая такая стародная визитка, что подчеркивает мое огромное эго. Там внизу целый список из сетевых адресов и там же приведены твой сетевой ник и пароль — мы организовали тебе доступ. Последняя строчка — мой личный адрес для связи. Если вдруг что — напиши. О большем не просим. Преследовать, надоедать и наблюдать не будем — обещаю. Если хотя бы половина того, что мы о тебе слышали правда, то такого как ты человека злить не стоит. Убить может и надо — а вот злить нет…

Дождавшись, когда я возьму карту, он кивнул на прощание, щелкнул четками и без всякой спешки ушел. Обернувшись, я вгляделся в серый сумрак и разглядел несколько мягко двигающихся фигур. Вскоре они исчезли, а еще через пару минут за таверной раздался шум катящихся по гравию шин. Спрятав сложенный лист в карман, я пошел дальше, пока что выкинув все это из головы.

Дон Ругер был в жопу пьян и трезв как раскаленное стеклышко. Полубезумные внимательные воспаленные глаза пылали на потемневшем истощенном лице, добавляя тревожной трагичности и заодно сверля мне переносицу. Такое состояние смешанной трезвости и опьянения я видел не первый раз и понимал, что ему глубоко посрать на ту проблему с застрявшим из-за устроенного им взрыва в джунглях. Он попросту откупился от караванных лидеров и тут же забыл о них. В паре шагов от нас на утоптанной земле корчился какой-то вставший у меня на пути хреносос со сломанными руками, над которым склонилось пара мало похожих на медиков мужиков, но дон Ругеру было плевать и на них. Хотя сейчас ему прямо на глазах становилось лучше, а в больных глазах появлялось все больше осмысленности. Тогда как несколько минут назад там, в омутах его налитых кровью глаз плескалось лишь безумие и абсолютно тупая безнадежная ярость — а какими еще могут быть злоба и месть, если они направлены против тупых обезьян? Это то же самое, что ненавидеть всех тигров, если один из них сожрал твою дитя — даже мучительно подыхая от твоих рук тигры не поймут, не проникнутся, не ужаснутся, а просто сдохнут сами не зная за что. Он отомстил — и понял, что зря напрягал жопу и, по сути, обосрался. Но вот сейчас… сейчас он быстро приходил в себя, попутно сменив вялый заказ новой бутылки на куда более властный и бодрый

приказ подать сюда побольше крепкого кофе. Он быстро трезвел и расцветал той самой правильной злобной гоблинской злобой, что на этот раз была направлена в нужную сторону и на правильных упырков. Оторвав взгляд от моей уже начавшей чесаться переносицы, он опустил его на лежащие перед ним тяжелые обезьяньи дробовики. Покивав, он постучал по ним пальцами:

— Я оставлю их себе.

— Если купишь — ответил я, сидя в стоящем перед ним удобном плетенного кресле и баюкая в руках тяжелую глиняную кружку с остатками кофе.

— Эй! — отлипнув от стены, уже седеющий крепыш в белой влажной майке качнулся в мою сторону — Думай с кем разговариваешь! Это дон а-а-а-а, мерде! Пута! Пута! — закрутившись, он схватился за рассеченный брошенной кружкой лоб и рухнул на колени — Дерьмо! Убейте ублюдка! Убейте этого сраного…

— Заткнись — едва слышно велел дон Ругер и вопли крепыша как отрезало.

Хотя он позволил себе еще один короткий глухой стон, после чего его вывели в сад.

Мы находились на задней более чем просторной веранде с толстыми бревнами колонн и полом из плиток прохладного дикого камня. Многочисленные растения увивали колонны и заткали все пространство, надежно отсекая лучи уже поднявшегося солнца и сохранив ночную прохладу. Сад я видел мельком, но успел заметить десятки развешанных на деревьях птичьих клеток.

— Я покупаю — произнес дон Ругер, властно опуская ладони на дробовики и так прижимая их к столу, словно они могли убежать — Назовешь свою цену.

— Цена обычная — ответил я и покрутил опустевшей рукой — Я тут кофе не допил.

— Кофе дорогому гостю — велел владелец усадьбы и в коридоре раздался торопливый топот — Еще я покупаю тебя.

— Я не продаюсь — рассмеялся я — И никогда не буду. Ни за деньги, ни за идею. Хватит с меня.

— Тогда я покупаю твою помощь как наемника. Ты ведь наемник? Ты убийца, незнакомец по имени Оди?

— Убийца — кивнул я.

— Убил многих?

— Ну… кто считает дохлое мясо?

— Умения убивать мало… Скажи, Оди… ты ведь не задаешь лишних вопросов и не страдаешь сраными сантиментами и тупыми убеждениями? Мне нужен хладнокровный убийца.

Я усмехнулся:

— Тупых убеждений у меня хватает. Сантименты давно кончились — да мне вообще при рождении всего одну пачку их выдали. Быстро и разошлось на всякую ерунду вроде песчаных куличиков…

— Что?

— Говорю — хватит нести херню. Я бы не пришел, не желай заработать.

— Твоя цена?

— Нормальный внедорожник или тяжелую вместительную багги. А к этому всему неплохой запас боеприпасов и медикаментов, плюс подробную карту и все добытое мной остается моим — перечислил я — И все это я хочу сразу — вот прямо щас пусть закатят на веранду. Что скажешь?

— Что скажу? А ты как думаешь? Эти твари убили моего единственного сына… наследника…

— Так у тебя вроде дочерей немало?

— Семь любимых нежных цветков… девять внуков…

— Но сын — это сын?

— Мое дитя — это мое дитя. И я не собирался пережить никого из своих детей. Я надеялся мирно и тихо помереть лет через двадцать в собственной постели и в окружении плачущих родных, провожающих меня в последний путь. Но сын… он был младшим из моих детей. Долгожданным мальчиком. Мария, моя жена, умерла при родах… Ты ведь сам мужчина. Ты должен понять…

— Не — я лениво качнул головой и принял от подошедшей старой женщины новую кружку с черным как смола кофе — Я далек от всего этого.

— Ты многое теряешь…

— Может и так. Так что насчет моей цены?

— Ты получишь все, что требуешь. А затем мы отправимся в джунгли и прикончим убивших моего сына обезьян. И… — он сделал судорожный вдох, а затем с хрипом выдохнул — И мы найдем голову моего сына! Голову! Моего! Сына! Мы отыщем! А затем я наконец-то смогу похоронить тело своего лежащего там на льду в подвале обезглавленного ребенка!

— Ладно — кивнул я — Найдем. Добудем. Закатывайте тачку и погнали. Только не в джунгли — сначала заскочим в пару других мест поближе.

— Других? — в его воспаленных глазах вспыхнул темный огонь — Это куда же?

Он не глядя нащупал налитую ему чашку с едва не кипящим кофе и сделал большой глоток, не сводя с меня глаз.

— Да тут реально рядом — усмехнулся я — Кстати… у тебя есть связи со здешними патрулями или как там их? Ну чтобы не вмешивались, когда вдруг где-то начнут утробно орать от боли…

— Связи есть — кивнул дон Ругер и сделал второй глоток — Как не быть… Нам никто не помешает… никто… Я разберусь со стражей, а ты делай что хочешь, но отыщи мне виноватых… и голову моего сына. Сделка?

— Сделка — кивнул я — И пусть моя машина не будет яркой…

Глава 9

Любители пытающиеся делать работу профи — уже проблема.

Разъяренные любители — почти сраное фаталити.

От размашистого удара безутешного отца голова, избиваемого с силой откинулась назад, с хрустом врезавшись затылком в стену. Я успел заметить, как закатились его глаза, а затем тело затряслось в мелких судорогах и сползло с лавки на испятнанную кровью землю. Там он и затих — еще живой, но если и очухается, то вряд ли станет прежним. Когда затихшая жертва не отреагировала на сильный пинок в живот, а следом и по яйцам, Ругер повернулся ко второму из отысканных нами гоблинов. Занося кулак, он повторил все тот же неизменный вопрос, заданный уже раз двадцать — с неизменным же ударом.

— Говори!

Так не пойдет… Шагнув вперед, я коротко толкнул плечом, и рычащий мститель отлетел в сторону, запнулся о подрагивающее тело и рухнул.

— Эй! — разъяренный возглас принадлежал одному из сильно похожих друг на друга молодых еще мужиков.

Оба являлись зятьями Ругера. Лениво повернувшись, я чуть отклонился в сторону, и его пытавшаяся сграбастать меня за ворот футболки пятерня прошла мимо. А вот мой кулак не промахнулся, и я с насмешливым рыком сломал ему нос:

— Говори!

Он отшатнулся, разинул рот, но я не дал ему и слова сказать, ударив еще раз в то же место:

— Говори!

Он упал, и я пнул в бедро, заставляя его взвиться от дикой боли:

— Говори!

— Да он и рта открыть не успевает! — испуганно заорал второй зятек, выставляя перед собой ладони в классическом жесте.

— Именно — проворчал я, отходя от стонущего и плюющегося кровью ушлепка.

Глянув на поднявшегося Ругера, в чьи глаза вернулась осмысленность, я понял, что он чуток пришел в себя и по крайней мере пока не станет пытаться проломить голову второму из наших совсем недобровольных собеседников.

Мы находились в большой капитальной постройке с толстыми глиняными стенами. Здание находилось на заднем

дворе недавно посещенной нами таверны и принадлежало дону Ругеру — я и не сомневался, что мы легко отыщем приватный уголок для жестких бесед. Не удивлюсь, если этому воротиле принадлежит половина города. Владел он не только недвижимостью — раз уж к нам даже не качнулся ни один из местных патрульных, когда мы через весь задний двор вели дрожащих пленников с заломленными за спины руками. Но за входом в пристройку приглядывало трое людей Ругера. Внутри имелось несколько тяжелых караванных тюков, а из мебели была только длинная пристенная лавка — на нее я и усадил быстро отысканных мной ушлепков. Но сразу поговорить не получилось… но в целом я понимаю ставшего еще более несчастным отца — после таких-то недавних новостей о единственном и любимом сынишке…

Да я и сейчас не торопился вопросы задавать. Присел рядом с дрожащим мужиком, поднял с пола и протянул ему бутылку с текилой.

— Пей.

Он отказываться не стал и жадно приложился к горлышку. Ну да — если все одно подыхать, то лучше уж под анестезией. Бутылку пришлось забрать силой и тогда же я спокойно велел:

— Рассказывай, как есть. Все с самого начала.

Пока он собирался с мыслями, я прикинул все то, что мы уже узнали из простых трактирных разговоров. Будь я один — пришлось бы повозиться. Но Ругера тут знали все, а многие его откровенно боялись, поэтому отвечать начали быстро, делясь известными им обрывками темных, влажных и мерзких слухов. А слухи были настолько мерзкие, что никто и бы и не дерзнул о таком рассказывать — как никак речь о сыне того, кто может закопать тебя живьем одним своим словом.

Короче говоря — Ругер Младший втихаря потрахивал молодых обезьян. Причем буквально. И был он в этом деле просто ненасытным. Готов был каждый день — дайте только еще нетраханную молодую обезьянку.

Да… я, конечно, знал, что в этом слепленном из вонючего дерьма деле обязательно найдется какое-нибудь еще более мерзкое вкрапление, но этого не ожидал.

У молодого Ругера имелось все необходимое для утоления своей неземной страсти — деньги, машины и почти умеющие молчать приближенные, получающие щедрую оплату и выполняющие любые приказы. Некоторые из них практиковали такой же способ развлечения и участвовали в деле не ради денег, сами будучи вполне обеспеченными. Вся эта шобла достаточно регулярно выезжала из города якобы на покатушки на одной из

местных гоночных трасс — такая на самом деле имелась и была популярным местом для встреч. Но на самом деле они сначала углублялись в джунгли, окольной трассой добирались до подходящего места и приступали к охоте, используя защищенную решетками багги и арбалеты — болты были «заряжены» нехилой дозой какой-то парализующей дури. Ну а дальше дело техники — наловив с пяток молодых и дурных обезьян, они отвозили их подальше от родного леса и там уже начинали отрываться по полной программе, включающей в себя всевозможные пытки.

Началось все это дерьмо недавно — буквально недели не прошло. Все хранилось в тайне, но как водится каждый рот не заткнешь и чем дольше продолжается веселье, тем больше слухов. Так что об этом знали уже многие. Еще с пяток дней — и слухи дошли бы и до самого Ругера, но в этом случае смерть оказалась быстрее. Основной состав «трахальщиков» погиб вместе с главным виновником торжества и мне пришлось выискивать тех, кто знал, чем-то им помогал и молчал. Их и искать не пришлось — бармен и завсегдатаи мгновенно назвали имена тех, с кем представители золотой молодежи общались чаще всего. Таких оказалось немного…

Сидящий рядом со мной обоссавшийся гоблин покосился на своего нырнувшего в затяжную агонию друга с проломленной головой и торопливо заявил:

— Я только продавал! Бизнес! Только бизнес! Я не спрашивал!

— Ага — кивнул я — Продолжай…

— Я продавал им пауков! Черные губта — их полно в джунглях, но надо искать.

— И нахрена?

— Так из-за их яда особого! Его же все здешние лекари используют!

Я глянул на внимательно слушающего дона Ругера и тот хрипло пояснил:

— Дешевая анестезия. Но боль не убирает. Зато превращает крупные мышцы в безвольный кисель. Да и мелки достается. Главное не перебрать с дозой — иначе не сможешь дышать.

— Верно! Верно! — закивал дрожащий гоблин — Я всем этих пауков продаю! И не задаю ненужных вопросов. Дон Ругер! Умоляю! Я ведь ничего такого не сделал!

— Ты знал — проскрипел тот, сжимая кулаки — Ты знал и не сказал…

— Ваш сын убил бы меня!

— А теперь убью я… — мрачно пообещал дон Ругер.

Подхватив многострадальную бутылку с текилой, он сделал

из нее пару глотков и повторил:

— Убью…

— Или не убьет, а чуток покалечит — «успокоил» я начавшего проваливаться в обморок мужика — Поживешь без яиц несколько дней…

— А потом?

— А потом сдохнешь от гангрены — пожал я плечами — Ты говори, говори…

— Я узнал то только несколько дней назад! И всего три раза продавал ему кувшины с пауками! Да и как я мог бы ему отказать? Ведь это ваш сын!

— Ты приносил ему многоногих ядовитых тварей — кивнул я — И он покупал. Платил щедро?

— Еще как! Дублонов не считал! Ваш сын был щедрым человеком, дон Ругер! Мы потеряли бриллиант нашей общины! Многие равнялись на него!

— В трахании обезьян? — удивленно уточнил я и пленник опять зашелся нервным кашлем.

Дав ему откашляться, я поощрительно кивнул:

— Давай дальше… с подробностями. Ты приходил куда? Кто там был еще? Мне нужны все имена.

— Обычно там на заднем дворе… они ставили машины полукругом, зажигали фары. Девушки танцевали и пели…

— Ну а что им еще делать, если они никому нахер не нужны — оскалился я — Парни ведь любят трахать волосатых обезьян, да?

— Я… я…

— Ты говоришь о моем покойном сыне — проскрипел дон Ругер, на чье искаженное посеревшее лицо мало бы кто смог взглянуть без душевной боли.

Но мне было посрать, и я ткнул приложившегося к бутылке гоблина в бок:

— Имена. И расстановку.

— Ра… расстановку? Расстановку чего?

— Кто и где обычно стоял — пояснил я — С именами. Давай. Напрягай свою пока еще не треснувшую голову, гоблин… А то чую ждет нас скорая утечка мозгов…

Искомое имя — то самое единственное и ультра-важное — я определил быстро. Кто-то уже называл его до этого там в таверне, а дрожащий гоблин повторил и вспомнил несколько важных деталей, четко указавших на главного вдохновителя обезьяньего рэйва с наркотой, алкоголем и безумной тупой отвагой.

То, что здесь был вдохновитель, и достаточно грамотный

инициатор я понял сразу. Ну не могло все это безумное дерьмо начаться вот так вдруг на ровном месте. Сначала ездили на гонки, принимали легкую наркоту, пили текилу на еще теплых капотах и лапали попискивающих горячих девушек… и тут вдруг все рванули в джунгли трахать обезьян, нервно сжимая в дрожащих от томления лапах арбалеты с парализатором? Так не бывает — если только кто-то не постарался все это устроить.

Сучий сеньор Уицилин — вот это имя. Уицилен Сильва.

Мелкий торговец, прибывший в поселение пару месяцев назад хрен знает откуда на небольшом автодоме, вставший на долгую парковку и быстро нашедший общий язык с теми, кто мог уже напрямую познакомить его со здешней богатой молодежью. Знакомство удалось и переросло в крепкую дружбу… а чем все закончилось уже известно.

Подобный тип сраных полуэльфов обладает поразительной жопной чуйкой и ничего удивительного, что парковочное место пустовало. Бросившиеся в погоню на паре старых квадров четверо бойцов Ругера сумели отыскать едущий без огней одинокий автодом на выезде из города и там же допустили главную ошибку — начали пальбу. Сраные имбецилы…

Последовавшие события быстро доказали, что выглядящий таким всемогущим дон Ругер полновластным правителем города не является. Возможно одним из, но не единственным. Понабежавшая на звуки стрельбы более чем многочисленная свора вооруженных патрульных обезоружила и арестовала их всех, заодно слегка наваляла придуркам и доставили в здешний участок, выглядящий одинокой одноэтажной постройкой с большим загоном позади — там содержался убежавший скот и мелкая шушера вроде буянящих пьяниц.

Мы пришли следом, через низковатый проем вошли внутрь и оказались в единственном большом помещении. Висящие под потолком скрипящие вентиляторы нихрена не справлялись и зал был заполнен душным смрадом.

— Я в своем праве, Рухильо! — это первое, что заявил дон Ругер седовласому пузатому мужику в распахнутой рубашке и потной майке.

— Со всем уважением, дон Ругер, но у вас нет права устраивать вендетту в черте города — тихо, но так спокойно и властно ответил тот, что я сразу понял — пойманного Уицилена нам не отдадут.

Пройдя вдоль стены, я остановился шагах в пяти от угла и глянул на зажатого спинами патрульных молодого еще гоблина с серой незапоминающейся внешностью. Средний рост, обычное телосложение, узко посаженные карие глаза, низкий покатый лоб,

чуть сгорбленное положение, будто он заранее ставит себя в приниженную позицию. Он старался выглядеть ничего не понимающим и слегка туповатым, но его выдал брошенный на меня цепкий умный взгляд.

Сделав еще шаг, я прижался плечом к потрескавшейся стене, дождался, когда он снова взглянет на меня и спросил, ударив наугад:

— Давно из Иш-Чель вылез, сурвер?

Он попытался, но выплеснувшейся наружу эмоции сдержать не сумел. Медленно кивнув, я многообещающе оскалился:

— Ну ладно… ладно…

— Не понимаю, сеньор… — его голос звучал почти спокойно и со вполне убедительными недоумевающими нотками честного торговца — О чем это вы?

— Ну да — рассмеялся я — Скажи, сурвер… я ведь правильно понял ваш сраный замысел? Играете на обеих сторонах, пытаясь развязать войну между лесом Темных Великанов и этим поселением? Обескровливание каждой из сторон, чтобы затем нанести удар и истребить их всех? Или мешают только распоясавшиеся макаки? Есть еще причины? Лучше расскажи сам — я все равно выну ответы из твоей глотки или сразу из жопы…

Судя по выпучившимся глазами блокирующих Уицилена патрульных мои вопросы их удивили. А вот Уицилен резко успокоился. Глянул на меня своими мелкими глазками, улыбнулся и… обмяк в углу, сползя на пол. Из уголков рта потекла обильная серая пена.

— Дерьмо — буркнул я, после чего развернулся и пошел к выходу.

— Человеку плохо! Лекаря сюда!

Они могли бы и не надрывать глотки, но судя по искренности вопящего прежде ему не приходилось сталкиваться с быстродействующим ядом. Мелкий торговец с подходящим ему именем считай уже сдох. И мне от слова совсем не интересно, что сейчас будет происходить в здании, как будут суетиться вокруг трупа и как щедро начнет откупаться дон Ругер — а судя по обступившим его крепким, седым и держащимся очень властно мужикам ему придется нелегко. Хоть он всячески и подтверждал свою безнаказанность и мощь, но все происходящее говорило об обратном. Поселение в кулаке держал не он, а вон те все еще осыпанные бетонной пылью усталые бригадиры, которые не потерпят здесь бардака и произвола. Еще бы — ведь их главный работодатель из тех, кто больше всего ценит порядок и бесшумно крутящиеся шестеренки рабочего процесса… Так что здесь терять было нечего. Но имелось одно место, куда мне надо было попасть

как можно скорее — прежде, чем не затоптали и не украли…

Брошенный в десятке метров от здания автодом сдохшего в ядовитой пене торговца был небольшим, старым и неприметным. Дверь была приоткрыта, а внутри мелькнула какая-то тень, подсвечивающая себе короткими вспышками. Войдя в темный салон с закрытыми наглухо окнами, я вытянул руку, сдавил пальцы и в моей хватке судорожно забилась и запищала какая-то гнусавая рыбешка.

— Прости-и-и-и-те… это все фуэрса негра… фурса негра попутала…

— Не выражайся, падла — буркнул я, ударив дрожащий кусок дерьма о загудевшую стену — Чего отыскал, упырок?

— Да ниче… — я сжал пальцы сильнее, встряхнул и сдавленно захрипевший гоблин выронил сначала ровно засветивший фонарик, а затем и несколько тяжело брякнувших о застеленный циновками пол предметов.

— Это все?

— Да… да… богом клянусь!

Глянув на пол, я скривился — помимо фонарика там лежало три округлых бумажных свертка. Один частично развернулся и показал бок стопки серебряных дублонов. Подтащив к себе часто дышащего перепуганного воришку, я сделал максимально щедрое предложение:

— Отыщешь тайник — заберешь себе одну из этих стопок. Не найдешь — я тебе твой фонарик в жопу затрамбую…

— Но…

— Даю три минуты — бросил я, разжимая пальцы и оставаясь в дверном проеме.

Мелкому щуплому воришке понадобилось всего пара секунд на оценку ситуации. Подхватив фонарик, он заметался по салону, уже не пытаясь вести себя бесшумно. Судя по его достаточно грамотным движениям, ему не впервой искать хорошо спрятанное чужое добро. Убедившись, что он прикладывает достаточно усилий, я решил ему чуток помог и занялся большим пластиковым шкафом. Вывернув его содержимое на пол и не обратив на тряпки внимания, парой движений я разломал плотный пластик на куски, взвесил в руке сначала крышку, а затем основание шкафа и разбил их на куски. Помимо мусора в моих руках оказалась еще пара монетных упаковок, но уже золотым номиналом. Хорошо, но не то… Я сосредоточил свои поиски на кухонной полке, где под металлическим поддоном отыскал еще одну золотую заначку — между двумя склеенными бумажными листами хранились разложенные монеты.

— Что-то есть! — пискнул шурующий в другой части салона

воришка, торопливо бросившись ко мне — Уходить надо! Босс! Уходить надо!

Забрав его добычу, я кинул ему обещанную награду и позволил выскочить наружу, выйдя следом и сразу уйдя за угол. Там замедлился и неспешно пошел к небольшой группке старых деревьев, где стояла многообещающе выглядящая большая бочка. Кивнув сидящей в тени древней бабке в кожаной жилетке и шортах на дряблом теле, я указал глазами на бочку:

— Че там, старая?

— Вежливость твоя? — предположила старуха.

Заметив мою усмешку, она укоризненно покачала головой:

— Покарает сраку твою господь.

Моя усмешка стала шире:

— Да вроде как уже нехило так покарало.

— Стало быть урока ты не извлек. А в бочке вода питьевая. Сделать тебе сангриты большой бокал? Цена в серебряный дублон.

— Сделай два — буркнул я, сбрасывая рюкзак на землю и усаживаясь на высокую старую лавку.

— Деньги вперед.

— Да ты не волнуйся — если не заплачу, то господь меня покарает.

— А за богохульство еще дублон. Деньги вперед.

Легко расставшись с тремя монетами из тайника дохлого торговца, я вытянул ноги, посмотрел на мирно шелестящую листву над головой и спросил:

— Как вообще жизнь прошла, старая?

— Я Гаспара.

Подавив обычную свою насмешку, я кивнул:

— Принял. Я Оди.

— Что ты там принял с утра пораньше?

— Смешно…

— Без смеха жизнь горька. А моя жизнь удалась на славу.

— Аж так?

— Семьдесят три года уж как дышу и надышаться не могу. Восьмерых родила. Четверо из них еще живы. Одиннадцать внуков имею. Автодом на ходу, но вряд ли мне суждено на нем куда-нибудь отправиться — работы на древних эстакадах еще немало. Так что садику и огородику моим ничто не угрожает, воды для полива хватает, а по утрам меня чаще всего будит цветочный аромат, а не поясничная боль. Так что жизнь удалась…

— Боль в пояснице — то еще дерьмо — скривился я.

— А тебе не рановато поясницей страдать? В твои-то годы.

— Ну да — хмыкнул я, наблюдая за продолжающейся

суматохой вокруг участка.

— Тебе лайма и перца побольше? Доплаты не попрошу.

— Побольше — кивнул я.

— Сделаю. А поясницу я на эстакадах и надломила можно сказать. В ту пору муженек мой в запой ушел ненадолго и пришлось мне за него работать. Норма есть норма. Да и родовую честь в грязь макать никак нельзя было.

— Запой прямо недолгий был?

— Да и тут бог миловал — всего-то пару лет он от бутылки отлипнуть не мог. Ну да проезжая бруха помогла. Заговорила моего паскудника старого. Так теперь он ничего крепче воды не пьет.

— А бруха откуда?

— Все они из одного места берутся.

— Из жо…

— Торре де Брухас — проворчала старуха, яростно выдавливая в глиняную плошку половину лайма — Она же Торре Дорада.

Я удивленно приподнял бровь:

— Башня ведьм?

— Ведьмовская или Золотая Башня — кивнула Гаспара, переливая напиток в большой глиняный стакан — Пей, чужак. Это полезно для души и тела. Сделать тебе порцию такос с бобами и перцем?

— Сделай. И расскажи про башню ведьм. Это какая-то легенда?

— С чего ты взял, дурень? Ведьмовская Башня — реальность. Но лучше про это не выспрашивать.

— Почему?

— Башен надо бояться — они приносят беду. Любые башни. Когда я последний раз попросила рассказать о Ведьмовской Башне у меня погиб младший сын — свидетели говорят, что его верный карабин сломался с громким щелчком и мой сын разбился о пересохшую землю…

Я неумело, но искренне рассмеялся:

— Ну да… Рассказывай, Гаспара. Я смерти и несчастий давно уже не боюсь.

— А сколько тебе лет, Оди? — неожиданно спросила она — Ты вроде еще молод… но сейчас в переменчивой тени старых деревьев показался мне куда старше меня самой…

— А хрен его знает — признался я и ненадолго умолк, осушая первый бокал. Покончив с напитком, я с шумом выдохнул — Неплохо! Давай еще один.

— Уссышься.

— Да я и усраться не против — если от хорошей еды — фыркнул я и напомнил — Что там за башня такая? Руины в джунглях? Пара этажей с громким названием?

— Оу-оу! Тут ты ошибаешься. Торре де Брухос почти достигает небес — так говорят. И высится башня не в джунглях, а в океане неподалеку отсюда — милях в трехстах туда на северо-запад или может чуть дальше.

— Я не видел ничего такого на картах.

— И не увидишь. Ты совсем дурак? Кто ж отметит на карте ведьмовские темные места? Кто захочет навлекать на себя проклятье? Никогда не пиши чисел «тринадцать» и «семьдесят три», избегай упоминать и отмечать все ведьмовское, а увидев падающую звезду отвернись и не вздумай загадывать желаний и тогда быть может ты проживешь хотя бы полста лет.

— Интересные у вас приметы. А как насчет приметы «никогда не ходи в лес Черных Великанов?».

— Богатенькие тонтос озлобили древнее лихо и поплатились — вздохнула Гаспара, ловко складывая лепешки для тако — Воистину они достаточно громко бесновались, чтобы смерть услышала их и пришла. Будь умнее, Оди. Живи тихо. Не поднимай головы, не заносись, трать заработанное мудро и молись о том, что завтрашний день был таким же как сегодня.

— И тогда проживешь хотя бы полста лет?

— Слышу и вижу насмешку. Видать и ты из дураков…

— Ведьмовская Башня — напомнил я, аккуратно опуская на старые доски столика десяток серебряных дублонов — Расскажи о ней побольше.

— Город — вздохнула старуха, одним мягким движением сметая монеты — Большой город в древней башне. Однажды небеса велят снести эту проклятую башню с лика земного, но пока это время не настало и торговый город процветает, одновременно тоня в пороке и разврате. Так говорят… но никто из нас там не бывал и сводящего с ума злого ведьмовского пьяного меда не пивал. Знающие старые люди говорят — нельзя так жить. Ведь так жили те, кого в древности покарали сами небеса. Ты слышал о Древней Каре, что выкосила почти всех людей, иных обратив в чудовищ, других заживо похоронив в толще земных, а третьих лишив памяти и заставив воевать сыновей против отцов?

— Что-то слышал — кивнул я и с хрустом откусил от тако солидный кусок — Но ты рассказывай, Гаспара, рассказывай. И добавь еще чуток перца в следующее тако…

Воодушевленная даже не щедрой платой, а моим вниманием и возможной выгодой в получении новой информации, еще

неведомой остальным жителям, хитрая старуха продолжила вываливать на меня все то, что годами копилось в ее голове, не забывая задавать осторожные вопросы о произошедшем в обезьяньем лесе. Я не видел причин скрывать — и не скрывал, рассказав про бойню и взорванную машину. А от Гаспары я узнал о еще десятке крошечных поселений, разбросанных вдоль узких и быстро зарастающих дорог и троп. Получил я от нее и возможно главное предупреждение, не указанное ни на одной из имеющихся у меня карт — нет никакой гарантии, что я смогу пройти через дождевые джунгли и поэтому мне лучше двигаться вдоль побережья, где дорогами занимаются тамошние рыбаки — которым чистые просторные тропы просто необходимы, если они хотят успеть доставить к покупателям свою рыбу до того, как она протухнет.

Опять приближаться к чертовому соленому океану…

Где-то через час, когда я, наевшись до отвала, лежал в теньке у бочки, лениво отвечая на нескончаемые вопросы и задавая свои, из здания вывалилась наконец взопрелая толпа мужчин и буквально повалилась на скамейки под небольшим навесом. Всех молодых быстро отогнали подальше, а в оставшейся группке никто не был младше пятидесяти. Солидная чистая не застиранная одежда, аккуратные прически и бородки, не такой застарелый темный загар как у остальных, дымящиеся сигары в зубах и появившиеся в руках блестящие серебром стаканчики — все говорило о том, что под навесом уселись те, кто верховодит в этом городке и определяет здешнюю политику.

Все как я и ожидал. Дон Ругер мог болтать, о чем угодно и кидать в мою сторону любые восхваления в свой адрес — я такую туфту не жру, но не стал затыкать ему рот своей насмешливой критикой. Чем сильнее он себя возвеличивал — тем выше поднимались не только ставки в этой маленькой игре и тем большую плату я мог потребовать. Видимо ему не вдолбили один из главных уроков жизни — не хвастайся и не преувеличивай. Лично мне хватило так ошибиться всего пару раз — когда я сдуру похвастался перед стариком на крыше, что могу за тренировку присесть и отжаться не по триста раз, а по шестьсот или даже семьсот. А может даже по тысяче. Старик выслушал — и заставил меня это сделать. Не помню сумел ли я… но искореженная память хранит воспоминания о том, как мне было хреново потом и как я еще несколько дней едва ковылял и не мог поднять рук…

Не преувеличивай своих возможностей, гоблин — ведь могут заставить доказать свои слова. Сможешь?

После моих намекающих слов о связанной с его сыном какой-то мутной многоходовке дон Ругер считай объявил войну. И легко

пообещал мне щедрую награду при свидетелях. Теперь осталось сделать главное — я должен пойти вместе с ним и помочь ему расправиться со всеми ублюдками, кто хотя бы косвенно виновен в смерти его единственного сына. Мы ударили по рукам. Я готов. Сижу и жду.

Вот только готов ли он?

Ну… характера ему не занимать — это я понял сразу. Он готов к бойне. Вот только не все так просто — ведь ему все же есть что терять и прямо сейчас ему старательно об этом напоминают вон под тем навесом, где по рукам ходит несколько бутылок, а сидящие рядом с Ругером мужики что-то ему втолковывают.

Я глянул на старуху и та, подав мне новый бокал и забрав плату, тут же перечислила не только имена собравшихся, но и степень их весомости и авторитета, равно как и характеры. Вон тот дурак, но жена его умна и ядовита как мамба. Тот лысый мудр, но трусоват — поэтому к нему всегда прислушиваются. Тот боевит и даже бесноват, но с годами злоба утихла, а сытой лени прибавилось вместе с пузом… Я слушал и кивал, делая мелкие глотки. Когда Гаспара закончила перечислять имена и давать характеристики, я рассмеялся, кивнул ей на прощание и легко поднялся с земли. Закинув на плечо рюкзак, я зашагал к навесу, зная, что не дойду.

И не дошел…

Меня перехватили трое одиноких и каких-то одинаковых мужчин, мгновенно отреагировавших на мое движение и встретивших на полпути. Резких движений они не делали, никаких накачанных парней за их спинами не стояло, а в глазах была лишь усталость и легкая раздраженность. Заговорил центральный, тот, про которого Гаспара сказала «умный, злой и неспешный».

— Утро доброе, дружище.

— Ага — кивнул я, останавливаясь и ожидая неизбежного.

— Дон Ругер… горе затмило ему разум…

— Ну да…

— Мы знаем, что вы с доном Ругером договорились о небольшой авантюре, но… мы сумели успокоить и переубедить его. Месть будет свершена — и обязательно — но в этой ситуации нельзя торопиться и рубить сгоряча. Надо узнать больше о тех, кто снабжает обезьян огнестрельным оружием и натравливает на нас. И о тех, кто отправляет в наш город своих ядовитых змей, травящих нашу молодежь наркотиками, глупыми мыслями и опасными забавами…

— Трахать обезьян — та еще забава — согласился я — Да из

конченых дебилов не каждый решится.

Словно и не услышав моих слов, старик продолжил:

— Ты открыл нам глаза. Туман рассеялся. Мы начали задавать вопросы, а вскоре сюда доставят несколько фермеров с выселок — на которых указали причастные к этим мерзким ночным забавам. Действуя размеренно и обстоятельно, мы выясним все до мельчайших деталей — и только затем нанесем удар.

— Но удар нанесен будет не сегодня…

— И даже не завтра. Тут понадобится самое малое несколько недель… может больше. И…

— И?

— И мы справимся сами, друг. Без обид, но это дело внутреннее и помощь чужаков нам не нужна.

— Я заключил сделку. Мы ударили по рукам.

— Тебе было обещано солидное вознаграждение — кивнул старик — И дон Ругер не отказывается от своего слова. Можешь забрать свою награду прямо сейчас, друг. За наш счет мы загрузим тебя питьевой водой и провиантом, поможем немного с лекарствами, если требуется, дадим коробку превосходных сигар и пару бутылок хорошей текилы.

— А затем от меня требуется свалить отсюда нахрен и больше никогда не возвращаться?

— Ты мыслишь мудро, друг. Да… мы хотим, чтобы ты покинул наше поселение и не мутил людям головы идеями о мести. Мы справимся сами.

Выдержав паузу, я почесал щетинистый подбородок и кивнул:

— Договорились.

— Ты сделал правильный выбор.

— И где моя тачка?..

Чего ожидают от такого как я?

Ответ прост — движения напролом к чему-то смутному, нихрена непонятному, но вызывающему какие-то гребаные вспышки чего-то там в башке с ее вырезанной почти полностью памятью.

Почему от меня ожидают именно этого?

Потому что именно так я поступал на протяжении всего своего пути с момента пробуждения в полном искалеченного дерьма стальном лабиринте.

Все это время во мне билось — и продолжает биться — нечто неуемное, неостановимое, не унимаемое.

Я словно обезглавленный колючий червь, что несмотря на страшные увечья все пытается сука куда-то ползти и даже

бодаться кровоточащим обрубком. А те, кому это выгодно, накачивают меня боевыми коктейлями, пихают в лапы оружие и шепчут в жопу ласковые слова — именно в жопу, ведь головы у меня нет.

Сейчас, когда я резко выскочил из Формоза и исчез как из поля зрения, так и из зоны машинного контроля, от меня ждут примерно этого же — примерного повторения своих прежних действий. Ведь хорошо обученная лабораторная крыса никогда не откажется повторить тот же самый вояж к подтухшему кусочку сыра где-то там в глубине лабиринта.

Уверен, что все те, кому я нужен живым или мертвым, прямо сейчас просчитывают мой маршрут. И тут особо напрягаться не надо — если не брать в расчет океан, то по суше мой маршрут ведет сначала на запад и северо-запад, а затем четко на север — туда, где лежат медленно исчезающие руины техногенной цивилизации и где может до сих пор высятся километровые мертвые небоскребы, уходящие корнями так глубоко, что их впору назвать бетонными айсбергами, которые показывают над асфальтом лишь малую свою часть.

И да — тут они правы. Мне туда и надо, если я хочу получить хоть какие-то ответы. Вот только у меня нет никакого желания быть столь же предсказуемым как во Франциске и Формозе. Хватит с гоблина прямолинейности и торопливости.

И поэтому я не рванул на запад. Нет. Я неспешно подготовился, познакомился с пришедшим наконец доном Содро — хранителем фильмотеки поселения — скинул ему желаемое и расспросил о здешних окрестностях, опять получая почти такую же информацию что и от старой Гаспары. Выслушав, переварил, попутно собираясь. А затем я двинулся на север, направляясь к недавно покинутому океану — но куда западнее. Следующие два дня я был в движении, покидая водительское кресло только для подзарядки батарей и короткого ночного отдыха.

Дон Ругер оторвал от кровоточащего пьяного сердца хорошую машину. Легкая высокая багги с трубчатым каркасом и брезентовым верхом могла вместить в себя только трех пассажиров — или двух в полной боевой выкладке. За длинным рядом сидений легко размещалась пара рюкзаков, бутылки, канистры и сложенные солнечные панели. Никакой бронезащиты нет и в помине, зато машина реально легкая, что в данной местности только плюс. В открытом всем ветрам салоне никаких экранов, но имелся надежный универсальный фиксатор и провод со столь же универсальным разъемом, что позволило мне подключить планшет, ввести простенький трехзначный пароль и получить полный доступ к внутренностям машины. Я

ограничился выводом на экран планшета стандартных показателей багги.

Стоило мне тогда усесться за руль и даже еще не тронуться с места, как ко мне подскочил тараторящий абы как стриженный мужик с голосящим младенцем на руках. За ним стояла молчаливая девушка с усталым лицом. Выслушав мужика, что всей своей пропыленной и прожаренной душой надеялся на мое великодушие и возможно даже на удачу, я рассмеялся ему в лицо и… спросил в какой стороне лежит нужное ему поселение? Он показал на север, а я кивнул на свободные сиденья. Выкатившись из переставшего быть столь уже приветливым городка, мы отыскали широкую северную дорогу, идущую по низине между редкими рядами невысоких, но очень толстых деревьев и двинулись на север. Мужик и младенец не затыкались все первые пять часов пути, зато едва машина остановилась, они оба тут же уснули. Зато заговорила девушка, взявшая на себя обязанность кухарки. Помешивая в моем котелке невероятную смесь из примерно сорока тушащихся на огне ингредиентов — большую их часть она отыскала рядом с заряжающейся машиной — она начала рассказ о том, как им живется и почему они решили перебраться ближе к океану. Я дремал и не особо слушал, но ее это, похоже, не волновало.

Я расстался с ними глубоким вечером, высадив рядом со скоплением крытых листьями и дерном глиняных лачуг. Пока их обнимали, целовали и тащили к пылающему между домов костру, несколько стариков буквально вынули меня из багги и усадили на высокий табурет, впихнули мне в руку высокий бокал с пивом. Я покачал головой, но один из стариков приволок длинный провод и с хитрой улыбкой указал на крайнюю большую постройку, где на крыше лежал целый ряд древних солнечных панелей. Чуть в стороне со скрипом вертелся высокий ветряк. Это решило дело и битых пять часов я отвечал на бесконечные вопросы жадных до новостей жителей. После чего, сытый и чуть пьяный, я опять втиснулся в багги и снова выехал на сузившуюся дорогу. И снова я был не один — хитрожопые местные конечно же нашли мне пару попутчиков, которым ну вот прямо срочно надо было как раз туда — ближе к океану. Мужчина и женщина. Она беременна. И очень зла — недавно им повстречались проклятые ублюдки, что предлагают хорошие деньги за прерывание беременности, а мужикам всегда готовы сделать маленький укольчик, после которого их яйца превращаются в пару волосатых пустых бурдюков. Она говорила всю ночь и вырубилась только утром, когда мы встали на подзарядку. Но благословенные звуки природы не долго радовали мой слух — ее перебил очнувшийся

от молчаливой комы мужик, начав сетовать на слишком властных женщин и несносных старух. Когда он заканчивал перечислять все кары небесные, которые обязательно обрушатся на головы воспевающих проклятый матриархат, я наконец-то отрубился, хотя и сквозь сон продолжал слушать его робкое бормотание. Проснувшись, я увидел его снова погруженным в молчание, но довольным — он в три горла жрал густое мясное рагу.

Навевает воспоминание — не его сытое и пугливое молчание, а доносящийся до ноздрей легкий запах свежего дерьма из-за кустарника. Сначала хитрая беременная деваха покормила своего мужчину, а затем поделила оставшееся между собой и мной. Подтирая остатки вкусной еды черствеющими кусочками кукурузной лепешки, я с трудом сдерживал непривычный для меня смех.

Я высадил их на перекрестке в полукилометре от нужного им селения со слишком длинным названием. Они не оценили мою бессердечность, но я пожал плечами и просто поехал дальше, оставив их в дорожной пыли. Не то чтобы мне было напряжно довезти их до тех виднеющихся домов, но я знал, что если совершу эту ошибку, то все опять повторится — меня напоят пивом, дадут еды, высосут из моей головы все новости, а утром отправят в путь, всучив новых пассажиров. И да — я тоже получил немало информации, но я уже захлебывался. Необходимо время для переваривания и усвоения.

Где-то через десяток километров моя долгая безмятежная прогулка кончилась — дорога сначала превратилась в широкую тропу, следом исчезли отходящие в стороны тропы со следами повозок, ну а еще через час мне через каждые пятьсот метров приходилось покидать машину и расчищать путь с помощью мачете. Лиственный сумрак сгустился, а воздух стал таким влажным, что я больше пил его, чем вдыхал. По древесным стволам струилась вода, но под колесами и ногами было относительно сухо — особенности местной почвы, что лежит на карстовых пластах с огромными пустотами.

Размеренно работая мачете, оттаскивая сопротивляющиеся лианы, отмахиваясь от насекомых, я вспоминал и воспоминания приходили удивительно легко и безболезненно…

Да…

Не зря именно здесь в свое время решили обосноваться многие сурверские дивизионы, как они начали себя называть в средней части Эпохи Заката. Хотя причина была даже не в почве и ее податливости и даже не в наличии моря пресной воды. Нет. Их в первую очередь привлекал здешний жаркий климат, что при условии восстановления планеты, мог бы обеспечить их тремя-

четырьмя урожаями в год. Сурверы были из тех, кто старался мыслить стратегически и заглядывать в далекое прошлое. Но в то время это было только во вред — ведь тем, кто собирается жить в будущем, абсолютно плевать на настоящее. Они взрывали, вырубали и бурили как безумные, уничтожая порой остатки еще живой экосистемы, на автомате считая, что она так и так обречена на вымирание.

Сурверские дивизионы — десятки и десятки их образовывались каждый месяц по мере того, как обезлюживались гигантские города, пустели дороги, разом «вымирали» защищенные стенами поселения — Атолл не дремал, забирая и забирая всех людей в свои стальные морозильные камеры. Те, кто не верил Атоллу, пытались выжить самостоятельно — налаживая горизонтальные связи, строя бункеры, вооружаясь, на ходу придумывая собственные законы, создавая и тут же меня кодекс поведения, выискивая и захватывая подходящие для них территории, порой с готовностью вступая за них в кровопролитные бои. Да… в те времена сурверы больше не были союзниками — и тут Атолл тоже сыграл свою роль. И я свою. Сурверская организация больше не была едина и каждый новый день добавлял им раздробленности и междоусобиц. Как только проигравшие в очередной битве смешных муравейников оказывались где-нибудь на побережье отравленного океана с его синюшными волнами и алой пеной, они тут же выходили на связь с ближайшим транспортником или узлом связи Атолла и слезно просили забрать их таких несчастных и обреченных, в доказательство тряся над головами орущими детишками. Так Атолл продолжал и продолжал собирать свой урожай… Но не все сурверы сдались. Мы как тараканы и крысы — если есть хотя бы крохотный шанс, мы обязательно приспособимся и выживем. Год проходил за годом, десятилетие за десятилетием. Сурверы расползлись по планеты и везде выстроили свои убежища, с безумной истовостью добиваясь главного — полной автономии.

Четыреста лет.

Хрен его знает почему, но именно это число имелось почти в каждом внутреннем кодексе этих наполовину спятивших выживальщиков. Четыреста лет полной автономии — и если этого удастся добиться, то их выживание и дальнейшее процветание гарантировано. Ради этого они изощрялись, как только могли — и надо отдать им должное, порой придумывали и воплощали удивительные устройства и целые экосистемы — работающие экосистемы. Если у них что-то рушилось или они проигрывали войну с конкурентами или расплодившимися бандами отморозков пустошей, им приходилось сдаваться на милость

корпорации Атолл и… все их изобретения переходили в его собственность. Смешно… но во многом благодаря хитрым и направленным только на выживание сурверским умам Атолл сумел добавить в гига-купола огромное количество степеней автономности, базирующейся на переработке, воспроизводстве, естественно контроле и поддержании стабильности.

Где все они были раньше? Там в начале проклятого как его некогда считали двадцать первого века, когда все на планете начало стремительно коллапсировать…

Вот уж точно — пока сама смерть не вонзит свою ржавую косу прямиком в яйца цивилизации, та и не почешется.

Атолл выдоил сурверов по полной программе — в том числе и такими щедрыми предложениями как поставка необходимой им техники и электроники в обмен на полное копирование серверов и временный найм ценных специалистов. Страдающие от нужды сурверы охотно шли на эти сделки — в то время многие автоматические фабрики вроде Вест-Пик еще вполне нормально себе работали, но все они принадлежали Атоллу. Сурверы были готовы продать душу в обмен на контейнер штампованных наладонников, пару ящиков не слишком мощных планшетов, десяток сложных фильтров и хотя бы один ящик лабораторного оборудования для производства медикаментов. А после массивной «дойки» про оставшихся там в пустошах сурверов попросту забыли — они были больше не нужны. Но перед этим их всех загнали поглубже в их норы — имитациями апокалипсиса, бомбардировками, парой-тройкой грязных бомб, несколькими поднятыми цунами и как вишенка на торте — сходом двух совсем небольших астероидов под нужным углом и в нужном месте. Один из астероидов упал где-то на этом материке, что сейчас под моими колесами. Второй рухнул на территорию далекого огромного восточного государства, накрыв собой один из больших и почти вымерших к тому моментов городов. Это была не случайность — Атолл сделал все, чтобы уничтожить мощную военизированную группировку крайне организованных и глубоко зарывшихся под городскую застройку выживальщиков, что никак не ассоциировали себя с всемирной организацией сурверов и во всем полагались лишь на собственные силы. Они собрали под свои знамена многих и стремительно росли — чего Атолл не мог позволить, поставив жирную ударную точку. Даже две точки — первый астероид тоже рухнул куда им было надо. Планировался и третий удар по еще одному кластеру выживальщиков, но его отменили в последний момент — кто-то из Атолла посчитал, что падение астероида так близко к самому большому на планете пресному озеру может погубить остатки еще живой уникальной

экосистемы. Смерть непокорных того не стоит.

Вот после всего этого, когда поднятая в стратосферу пыль чуток улеглась, на планете стало по-настоящему тихо. Выжившие, визжа, подыхая от страха, рыдали в эфире, умоляя отправить к ним транспортник Атолла — хотя раньше демонстративно посылали их нахер, показывая гордо оттопыренный средний палец. Их забирали — еще до посадки заставляя подписывать особые договора, по которым они становились полной собственностью корпорации, отдавая не только свою душу, но и бренные тела. Сдавшихся и покорившихся мыли, брили, а затем стирали им память и разбирали на запчасти. Этот этап забора последних желающих растянулся еще лет на десять — финиш Эпохи Заката, после которого на безумно уставшей истощенной планете Земля наконец-то забрезжил Рассвет…

Хотя меня лично этот Рассвет уже не коснулся — к тому времени меня разобрали и забросили в самую темную морозильную камеру. Причем по моему собственному желанию — хотя и вынужденному. Вроде как я проиграл в той игре и был вынужден использовать свой заранее припасенный последний козырь — только чтобы выжить.

Выжить получилось, превратившись в послушную и беспамятную боевую глисту в заковыристой стальной заднице Франциска, куда до этого я и сам отправил очень многих.

Но перед тем, как забросить мозг в блендер, я, зная, что меня ждет, вроде как успел подготовить какие-то закладки с возможными ответами или даже некоторыми средствами. Что-то могущее мне помочь понять те прошлые мои мотивы.

Ведь даже сейчас я продолжаю сомневаться в правильности своих действий. Разве не разумней вернуться обратно в стальную опухоль Формоза и навести там порядок? Восстановить стабильность, уничтожить больных монстров, провести массовые казни банд, вычистить там все хорошо, переформатировать фрагменты, в первую очередь уничтожив мясорубку Мутатерра, восстановить экосистемы и не допустить коллапса гига-купола. Я ведь к этому и шел — там в Формозе… Но на полпути передумал. А вот почему — этого я толком так пока и не понял. Но рано или поздно пойму…

Последний раз взмахнув тесаком, я прикончил какую-то безумную многоногую тварь с раздутой головой коалы и клыками пантеры. Забравшись в машину, поднял багги на вершину травянистого холма и… остановился, глядя на уже такую близкую гладь бирюзового океана. Насмотревшись, я скатился со склона и оказался на узкой петляющей дороге, что еле вмещала машину. Кое-где склоны были расчищены и засажены чайными кустами и

кукурузой. Двигаясь вдоль посадок, я спустился ниже и через пару километров миновал очередное крохотное селение. Здесь я задержался на пару часов — пообщался со стариками и в обмен на кое-какие припасы получил зарядку батарей и пару кувшинов легкого сладковатого пива вприкуску с солеными и перчеными сухарями. Расспросив жителей, я согласился подвезти сразу четверых, если мне покажут ближайший путь к побережью.

Еще через три часа медленной езды мы оказались на берегу рядом с большими шалашами крытыми сушащимися морскими водорослями. На веревках покачивались связки выпотрошенной рыбы, десяток смуглых аборигенов усердно собирал на пляже морские дары, подгоняемый властными окриками крепкого и дочерна загорелого старика в мало что скрывающей набедренной повязке. Выслушав подбежавших к нему моих попутчиков, он сердито глянул на меня и ткнул пальцем вдоль берега, указывая на запад:

— Косто де Ниэбла! Косто ди Ниэбла! Лодки! Там!

Кивнув, я повернул роль и медленно поехал по закатному берегу, двигаясь к рыбацкой деревушке Косто ди Ниэбла, уже не раз упомянутой здешними стариками. Деревушка славилась не уловом, а своими связями с так называемыми Гремио, безраздельно царящими в прибрежной зоне.

Глава 10

Захудалая рыбацкая деревушка с громким названием вполне себе уютно разместилась на россыпи прибрежных валунов, уходящих в океан метров на триста. С камня на камень были переброшены тонкие хлипкие жердяные мостки, упирающиеся в бревенчатые настилы различных размеров, что при других условиях вполне могли бы именоваться плотами. На настилах теснились хижины с плетеными из веток стенами и крышами из того же материала, дополнительно крытые пальмовыми листьями. Там где камни заканчивались начинался длинный общий пирс с уймой причаленных как лодок так и странных крохотных корытец, хотя различные плавсредства тут были понатыканы везде и было их так много, будто их изготовление было для здешних каким-то хобби.

Все это годами иссыхало и запекалось в здешней жаре с долгими периодами без дождей — вот как сейчас. Короче говоря — поселение было тем еще дерьмом из разряда «не дай наши боги кто-нибудь уронит зажженную спичку». При этом над деревушкой поднималось немало тощих едва заметных дымов, тянущихся от обложенных камнями глиняных очагов. Все это я разглядел в бинокль, уделив их бытовухе жалкие секунды — мое внимание было поглощено совсем иным. Кто-то все же кинул зажженную спичку — деревня Косто де Ниэбла жарко полыхнула, причем с прибрежной стороны, а теплый ветер шел с океана — что существенно замедляло распространение пожара и давало жителям шанс отстоять родное поселение. Этим они изо всех своих сил и занимались — без нужды вопя, аж надсаживаясь от воплей, смуглые аборигены носились по дрожащими мосткам, перебрасывали друг другу плетеные и долбленные ведра, затем черпали ими соленую воду и посылали ее в шипящее пламя. Захлебывающийся пожар медленно угасал, но на их месте я бы не расслаблялся — по чистой случайности я увидел, как все это началось и поэтому, не отрывая глаз от бинокля, свободной рукой подтащил к себе винтовку, а затем и рюкзак.

Где-то минут пять так назад возникшая ниоткуда юркая зыбкая тень, двигаясь быстро, неслышно и безошибочно, воспользовавшись странными округлыми хреновинами с горящими фитилями, подпалила все четыре ведущие к деревне моста. Причем момент был подгадан так удачно, что в это время идущий с океана ветер чуть утих. В метаемых им округлых штуках я с запозданием опознал хреновины вроде выдолбленных тыкв с воткнутыми в них пылающими тряпками. Примитивные

коктейли Молотова, лишенные главного недостатка — звона битого стекла. Сделав свое черное дело тень исчезла за грудой камней. В свете дня поднявшееся пламя было невидимым и пока не повалил густой серый дым рыбаки ничего не замечали. Но заметив, за дело взялись дружно — в тушении участвовали вообще все жители от мала до велика. И это столь наивное и наказуемое дружное участие позволило врагам начать атаку, по полной программе используя элемент внезапности.

Из воды там на глубокой воде резко поднялись и выпрямились широки паруса, закрепленные на серферных досках. Среди волн мелькнули блестящие темные спины и короткие плавники каких-то рыб, а еще через секунду доски уже двигались по мелководью со скоростью хорошего бегуна, нацелившись точно на пылающее поселение. Я не просто так любовался происходящим — успел навинтить на ствол винтовки глушитель и занять позицию чуть получше. Багги стояла за небольшой песчаной дюной — на нее я и взобрался, укрывшись в зыбкой тени чахлого кустарника. Убрав бинокль, я прильнул к прицелу и повел оружием, разглядывая атакующих.

Никакой одежды кроме странноватых ремней на на плечах и поперек груди. Тела покрыты цветными татуировками, головы и лица начисто выбриты. Татуированные рожи кривятся в яростных гримасах и, хотя незнакомцы крепко держатся всеми руками за надутые паруса, я успел заметить закрепленные на них длинные легкие гарпуны. Среди нападающих как мужчины, так и женщины, всего их около тридцати и их тела удивляют развитой до предела мускулатурой верхней части тела. А то, как они внезапно поднялись из мирных волн — равно как и бегающий по пляжу ушлепок с коктейлями Молотова — говорило о продуманности и обученности. Рядом с несущимися серфами, вспарывая воду, буквально летели крупные черные рыбы.

Несколько секунд…

И паруса упали в волны, замедляя бег серфов — но не полет прыгнувших на лодки и причал разрисованных макак. Я ждал… пока хрен поймешь, что происходит…, может у них так какая-нибудь кукурузно-тунцовая фиеста так начинается, а я главному клону башку случайно прострелю…

Как только первые нападающие оказались на пирсе, они рванули к ближайшим хижинам. Тут их и заметили — с чудовищным запозданием. Сначала крикнул один из стариков рыбаков. А затем вся деревня взорвалась единым паническим воплем. Мужики побросали ведра и рванули к дома — наверняка за оружием. Женщины бросились к детям. Между камней, под мостками и плотами, мелькали те быстрые и пока мной

неопознанные хищные тела. По полочкам «свой», «чужой» и «дохлый» я все расставил еще секунд через пять — когда самый ретивый хреносос в татуировках замахнулся гарпуном на мирно сидящего на досках и нихрена не понимающего ребенка лет шести. Винтовка хорошо пристреляна, поэтому я не промахнулся, всадив пулю точно в центр широкой груди. Взмахнув руками, гоблин выронил оружие и рухнул в будто вскипевшую воду, а я уже вел ствол дальше.

Выстрел…

Орущая девка с большим тесаком получила пулю в живот и, согнувшись, завалилась опять же в воду — так, будто именно там спасение, а не гибель.

Выстрел…

Еще одна, постарше и помассивней, поймала пулю левым боком и рухнула на бревна. Вопя так, что перекричала остальных, она из последних сил кувыркнулась в океан.

Какого хрена?

Похоже, я нехило отстал в этой жизни, раз простреленные гоблины так спешат укрыться в теплой и едкой соленой воде. Выплыть с такой раной почти невозможно, а отсидеться даже на мелководье вряд ли удастся, а тут прямо действие на чистых инстинктах.

Ответ я получил почти сразу — во вспененной покрасневшей воде крутнулись те же рыбьи силуэты, на поверхность показалось два буквально вытолкнутых тела, а следом безвольных и наверняка уже сдохших гоблинов с бешеной скоростью повлекло в открытый океан, протаскивая под мостками, обходя камни и при этом удерживая их запрокинутые головы над водой. Да тут какой-то сучий симбиоз… но с кем?

Второй ответ тоже явили сразу — вымахнувшие из волн три длинных грациозных тела с силой ударили в отмахивающихся тесаками и кулаками рыбаков, сбив их в воду и рухнув туда же. Одна из рыбин упала на доски и забилась, грамотно подталкивая себя к краю.

Дельфины…

Это были долбанные мать их дельфины — огромные, темно-серые, умные и в змеящихся по всему телу татуировках.

Охренеть!

Выстрел… второй… следующие две рыбину получили по пули, а затем еще три я всадил в их друзей с гарпунами. Перезарядившись, чуть сместился и продолжил стрелять уже без счета — выцеливать было легко благодаря ярким цветным татуировкам и наготе обоих типов нападающих. Видишь хер — стреляй. Видишь — хвост — стреляй. Какой-то невнятный узор на

жопе? Стреляй!

Я так увлекся, что слишком поздно услышал шорох песка под чьими-то быстрыми шагами. Резко перекатившись, услышал слабый треск и меня тут же обдало диким жаром, а затем и болью, ударившей по левому плечу.

— С-сука! — выдохнул я, всаживая нож в живот упырка, вскинувшего над головой вторую пылающую хреновину.

Я провернул нож, выдернул, рухнул и покатился по земле, сбивая жрущее меня пламя. А утробно застонавший гоблин разжал пальцы, схватился за пузо, в то время как выроненная тыква упала и раскололась о его тупую бритую голову с парой тату. Он вспыхнул разом — весь с головы до пят. Заорав, размахивая руками, он побежал с воем к океану, но невыносимая боль сжала его, скрутила, уронила на песок и заставила там метаться некоторое время, прежде чем милосердный болевой шок не вырубил его. Скрипя зубами от боли, я подхватил винтовку и попер вверх по склону обратно к вершине. По пути вколол в горящую огнем руку шприц с обезболом. Рухнув, уже не пытаясь скрыть свою позицию — я мать его все еще дымился, а внизу полыхал труп! — с шумом выдохнул, воткнул новый магазин и продолжил стрелять. На этот раз я бил больше по сраным водоплавающим, а не по уже полностью деморализованным гоблинам. Прикончив трех дельфинов и ранив вдвое больше, я заметил, что даже серьезно раненные они не уходят пока не подберут из воды двуногих сообщников и снова перевел прицел выше.

Выстрел… и летящий через мостик в красивом прыжке темно-серый дельфин падает в воду дохлым куском мяса с пробитой башкой.

Выстрел… и убегающий татуированный хреносос получает пулю в жопу. Под ним резко подламывается нога и он падает, насаживаясь хлебалом на тонкое бревно, где и замирает уродливым трясущимся насекомым.

Выстрел… и бегущая ко мне прямо сквозь пламя прибрежных мостков лысая девка падает на тлеющие доски и начинает неспешно жариться.

Снова перезарядившись, я поднялся и двинулся в сторону вниз по склону, переведя огонь на вставших из линии прибоя новых гоблинов. Убил двоих, прежде чем получил ответку, угодившую в бронежилет. Следом прилетела еще одна пуля и я рухнул плашмя, но прежде успел словить еще один гостинец обожженным левым плечом. Плеснула кровь, вернулась боль, а с ней и злоба. Слившись с винтовкой в одно целое, я не унимался до тех пор, пока не убил еще четверых, выцеливая вооруженных

огнестрелом, а оставшихся не заставил вернуться в волны и исчезнуть — но прежде успел воткнуть по пуле в еще две жопы.

На этом все затихло — сама заваруха. А вот вопли, визги и прочее только разгоралось. Но это уже было не мое дело. Убедившись, что в рыбацкой деревне врагов нет, я вернулся к багги и занялся собой.

К моменту, когда я извлек из плеча пулю и залил пораженную ожогом кожей спреем из драгоценного баллончика, там в поселении наконец-то дотушили пожар, щедро заливая дымящуюся древесину и трупы соленой водой. Унялись крики, хотя раненные все еще нет-нет да вскрикивали, а затем затихали. Я заметил, что тех татуированных убивали сразу, не пытаясь с ними общаться. Убивали прямо как бешеных псов.

Когда я закончил обрабатывать раны, шипя от удивительно сильной боли — прямо сука сильной! — в деревне окончательно все улеглось, а самые смелые из рыбаков рискнули нырнуть в воду и начали вылавливать трупы и буксировать их на причал, откуда их по цепочке передавали на берег. Меня они заметили гораздо раньше, еще во время стрельбы, но пока никто не спешил ко мне приближаться, хотя группка мужиков в возрасте оживленно о чем-то совещались рядом с самой нарядной и стоящей особняком круглой хижиной.

Забросив винтовку в багги, я уселся за руль и повел машину к океану, по пути наехав на голову еще подергивающегося сучьего поджигателя. Дважды хрустнуло, машину пару раз тряхнуло, но мне легче не стало.

Как он так тихо подошел?

Как я прохлопал?

И почему больно настолько острая, что мне аж хочется жалобно застонать?

— А ведь не хотел я к океану приближаться — зло пробормотал я — Не хотел…

Остановив машину метрах в трех от набегающих на шипящий песок волн, я выбрался и присел на корточки рядом с трясущимся в воде полумертвым океаническим аборигеном, лежащим в крепкую такую обнимку с умирающим от раны в башке дельфином. С трудом подняв голову, проморгавшись от окровавленного песка, абориген прохрипел, еще сильнее стискивая дельфина:

— Тандем! Священный танде-е-ем…

— Мне похер — буркнул я, доставая из кобуры револьвер и приставляя ствол к рыбной башке, хотя это вроде и не рыба вовсе, а что-то там млекососущее — Что это за дерьмо в татухах?

— Нет! Нет! Афалины святы! Афалины святы!

— Ну да — хмыкнул я, нажимая спуск и даря более чем двухметровой рыбине окончательное облегчение.

— А-А-А-А-А-А-А! — несмотря на раны, он рванулся ко мне, попытался вцепиться в горло, но не дотянулся и опять рухнул на мокрый песок — А-А-А-А-А!

— Зачем напали на деревню!

— Ты сдохнешь! Сдохнешь! Океан убьет тебя! Суд океана суров!

— Зачем напали на деревню? — повторил я и выстрелил ему в почку.

— У-О-О-О-О! — скрючившись, он дернулся еще раз и затих на лоснящейся туше дохлого дельфина.

Встав, я сделал несколько шагов и снова присел рядом со старательно прикидывающимся мертвяком очередным татуированным хреномосом. Рядом с ним лежала заливаемая водой старая винтовка в остатках пластикового свертка. Ткнув аборигена стволом в мокрую голову, я дождался его слабой испуганной улыбки, после чего улыбнулся в ответ и прострели ему правую ступню.

— А-А-А-А-А!

— Зачем напал на деревню, тунец ты траханный?

— Приказ! Приказ Святого Тандема!

— Кого?

— Тандема Святого! — торопливо забормотал пленный, с ужасом глядя на вернувшийся к его переносице ствол — Не надо! Я еще молод!

— Зачем напали? — терпеливо повторил я.

— Рыбаки убили двух афалин! Святотатство! Афалины погибли в сетях — задохнулись! Ужасная смерть! Все рыбаки знают — Дельфинесы такого не прощают! Сети ставить нельзя! Нельзя! Древний правильный запрет! Сети — нельзя!

— Рыбаки утопили двух дельфинов… а вы решили убить их детей?

— Афалины святы! Святы! Мы все вышли из океана — и афалины толкали нас в спину!

— В смысле — херами прогоняли из воды прожорливых ушлепков гоблинов?

— Что?

— Ничего — ответил я и прострелил ему башку.

Поднявшись, убрал револьвер в поясную кобуру и повернулся к демонстративно медленно приближающимся ко мне косматым загорелым рыбакам. Разговор я начал первым и как положено начал с хороших новостей:

— Да вам походу жопа полная грядет.

— Ох грядет — с облегченной улыбкой согласился со мной рыбак с длинной и уже тронутой сединой черной бородой — Я Лука. Новый вождь селения.

— А со старым что?

— Сердце не выдержало трех ударов сразу. Лежит там у хижины бородой к солнцу…

— Пожар и нападение — это два удара. А третий?

— Два дохлых дельфина в наших тайных сетях. А ведь старый вождь умолял нас не ставить сетей — Лука тяжело вздохнул, но в его словах не слышалось особого сожаления, хотя определенная мрачность присутствовала — Это хитрая уловка поганого племени. Мы ставили сети в мелкой дальней лагуне, куда не заплывают чертовы афалины. Ненавижу долбанных дельфинов! — с этими словами он зло ткнул пяткой голову лежащей у его ног афалины — Ненавижу и этих татуированных ублюдков! Как тебя зовут, чужак?

— Оди.

— Ты спас нас всех, Оди. Племя благодарно тебе. Как мы можем отплатить добром за добро, прежде чем нам придется уйти от воды лет на двадцать…

— Дельфинье племя мстительно?

— Чертовы Дельфинесы ничего не забывают и не прощают… Позволь угостить тебя свежей рыбой?

Кивнув, я зашагал к багги, а группа рыбаков двинулась обратно к все еще дымящейся местами деревне.

— Оружие ваше! — крикнул я им вслед и сразу несколько молодых парней с воплями восторга бросились к лежащим на песке винтовкам и трупам с закрепленными на их телах небольшими сумками.

Оберегая раненое плечо, я в какой уже раз загрузился в багги и медленно двинулся к почернелым мосткам рыбацкого селения, откуда меня жадно изучали столпившиеся женщины и жмущиеся к ним детишки.

Из-за гибели двух дельфинов убивать детей?

Да… природа может и излечилась, а вот мерзость гоблинских душ никуда не делась. Этих упырков спасет только принудительное сквозное вентилирование черепов и жоп…

Моим плечом занялась почти черная и настолько сморщенная древняя бабка, что она казалась огромной изюминой с тощими руками с безобразно раздутыми суставами. Ее пальцы выглядели не лучше, но действовала она ими легко и быстро, хотя это явно причиняло ей боль. Первым делом она смыла с ожогом медицинский спрей — чему я не обрадовался — после чего

внимательно изучила пулевую рану и засунула туда корявый палец, вынимая какие-то соринки. Заскрипев зубами, я одарил бабку злым взглядом и тут же получил охрененную пощечину. Боль разом утихла. Встряхнув звенящей головой, я ухмыльнулся и сделал глоток бодрящего средства из поданного деревянного стакана, в то время как старуха уже растирала в невысокой миске пучок каких-то водорослей вперемешку с оранжевыми и красными живыми рачками.

— Вот так и живем — пожаловался мне сидящий на соседней циновке Лука, покачивая в ладони такой же бокал.

— Завали вершу дырявую — посоветовала ему мрачная старуха и всесильный вождь поспешно умолк.

Закончив с хрустом перетирать хитин уже дохлой океанической живности, бабка влила туда розоватую жидкость из крохотной и явно древней склянки. Перемешав, принюхалась, одобрительно кивнула и, зачерпнув жижу рукой, принялась намазывать мне плечо, бормоча себе под нос какое-то заклинание.

— А пожрать дадут? — поинтересовался я, стараясь преодолеть рвущую плечо боль.

Такое впечатление, что все сучьи рачки ожили и принялись рвать обожженную кожу раскаленными клешнями…

— Не будь бабой! — рыкнула старуха, дыхнув мне в лицо сивухой — Как закончим — налью тебе своего особого. Эй! Лука! Засранец мелкий! Слышишь?

— Я теперь вождь, матушка Эрилла.

— Хер ты китовый, а не вождь — сплюнула бабка — С такими вождями мы точно вымрем.

— До меня был старый Вэнр…

— Гоноподий ему в зад!

— Не переживайте, матушка. Мы выживем — заверил ее Лука — Переберемся на старое родовое место.

— Бросим кормящий океан? Тупое дело ты задумал, Лука. Ой тупое… Без океана нам никак нельзя!

— Тогда сплавимся вдоль берега дальше на восток…

— Там и без нас племен хватает. Чужакам будут не рады.

— Тогда остаются только джунгли.

— Стать кормом пантер и разных древних чудищ? Да ты совсем туп, Лука…

— Другого предложить ничего не могу, матушка Эрилла.

— Прямо вот ничего? А ты что скажешь, чужак?

Я дернул правым плечом:

— Путей всего четыре. Убежать в джунгли. Договориться с упырками жить в мире. Еще можно убить всех упырков.

— А четвертый путь?

— Войти в союз с кем-то третьим — сильным третьим. Но тут главное не прогадать и не превратиться в рабов и кормушку — ответил я.

— Вот! — бабка облизала испачканный в лечебной смеси палец и наставила на меня позеленелый ноготь — Так и надо поступить! Собирайся в гости в Альга Роха. И не забудь прихватить с собой родившихся там старых Кольгу и Санчеса — сделав паузу, она что-то обдумала и решительно кивнула — Ладно! Я сама всех соберу. Скажу, что говорить. А ты всех возглавишь. Да… вождь?

— Как скажешь, матушка — покладисто кивнул бородатый могучий Лука, даже не собираясь спорить — Ты мудра.

— И слишком трезва — проскрипела старуха, с трудом вставая — Налить тебе, чужак?

— Налей — кивнул я, потирая еще горящую щеку.

— Выпей пару глотков. Но не больше трех. А когда чуток окосеешь и размякнешь душой и вукшами — расскажи матушке Эрилле чего ты хочешь за свою помощь. И знай — если вздумаешь врать или отнекиваться, я влеплю тебе еще одну пощечину. И тебе это не понравится.

— Транспорт — произнес я — Мне нужен способный выдержать мою машину крепкий плот и пара не менее крепких парней с шестами. Таких парней, кто сможет работать много часов подряд. Больше мне не надо ничего, и я готов заплатить справедливую цену золотом.

— Не надо! Ты уже заплатил справедливо — кровью! Как своей, так и чужой. Ты получишь плот и четверых выносливых крепких парней. Но я хочу, чтобы все они вернулись обратно.

— Я их не убью. И отправлю обратно сразу же, как только моя багги окажется на берегу в нужном месте. Но большего обещать не могу.

— Никто не может. Наш мир опасен, но прекрасен, жизнь коротка, но чудесна, а самогона всегда мало, но он крепко бьет в голову. Мы договорились, чужак. Я знаю нового вождя с пеленок. Он туговат умом и всегда таким был, но действует быстро. Скоро наша деревне двинется вдоль берега. Тебе на восток?

— Запад.

— Я там никогда не бывала, но говорят, что в тех водах и землях немало лютой скверны и древней злобы. Говорят, там по сию пору бродят немыслимо страшные бессмертные твари… В той стороне лежат стонущие ночами мертвые города с обугленными душами… Уверен, что тебе нужно туда?

— Я уже ни в чем не уверен — признался я, с удивлением

глядя на свое словно бы онемевшее и охладившееся плечо.

Боль почти исчезла, рука двигалась свободно. Проследив за моим взглядом, старуха удовлетворенно кивнула:

— Все заживет за неделю. Я дам тебе особую мазь от заразы и насекомых, а моя магия защитит твою душу, но не тело.

— Магия — усмехнулся я.

— Не веришь?

Пожав плечами — и не ощутив боли — я поднялся:

— Желаю тебе и твоему племени удачи, старая мудрая ведьма.

— Ты произносишь пожелание удачи с таким трудом, будто делаешь это в первый раз и против своей воли — заметила старуха.

— Ага…

— И отвечаешь невнятным угуканьем как злой невоспитанный мальчишка… Скажи Луке, чтобы он поторапливался с подготовкой твоего плота. Ибо чудится мне в твоих глазах зарево убийственного пожара…

— Пожар уже вроде как залит морской водой и даже дым угас — хмыкнул я, выходя из тростниковой хижины — Но в чем-то ты права, ведьма Эрилла… — остановившись на пороге, я повернулся к ней и тихо добавил — Если однажды к вам явится кто-то страшный и начнет расспрашивать про меня…

— Мы помним добро и будем молчать даже под пытками — старуха гордо приподнялась.

Зло оскалившись, я покачал головой:

— Никому из вас не дадут отмолчаться. Поэтому ответьте на всех их вопросы до единого и отправьте по моему следу. Не лгите ни в едином слове. Потребуют проводников из тех, кого ты сегодня отправишь со мной — дайте.

— А ты? Что будет с тобой, когда эти страшные нагонят тебя?

— Они умрут — ответил я, выходя за порог — Умрут все до единого…

Спустя двое суток тяжелый плот на удивление мягко ткнулся в податливый песок и замер. Кивнув до смерти уставшим парням, я нажал на газ, и полностью заряженная багги выкатилась на пляж. Добавив скорости, поднимая клубы пыли и вынужденно лавируя между безмятежной живностью, я поднялся по крутому каменистому склону и добрался до относительного ровного плато, узкой полосой тянущегося вдоль побережья и зажатого между океаном и высоченной туманной стеной джунглей.

Сверившись с картой, я поудобней уселся в кресле и вжал педаль почти до упора. Переезжая через препятствия, раскачиваясь, легкая машина уверенно продвигалась в заданном

направлении, ускоряясь с каждой секундой. Меня ждал долгий путь вдоль побережья и подбирающихся к нему жадных до территорий дождевых джунглей…

Торре де Брухас. Она же Торре Дорада.

Ведьмовская башня.

На самом же деле обычнейший небоскреб тогдашнего новейшего толку, сумевший пережить все катаклизмы и устоять. Живое воплощение высотных зданий, что должны были вместить в себя огромную людскую массу с различными степенями комфорта. И не просто вместить, а еще и предоставить им пространство для отдыха и работы. В подобных небоскребах пилотной экспериментальной серии закладывали дополнительную утроенную прочность при вполне стандартных размерах. Высота чуть меньше километра, больше двухсот совсем неравных по площади этажей — чем выше этаж, тем выше потолки и тем меньше внутренних стен, которые делят нижние уровни на крысиные душные загончики для третьесортных трущобных гоблинов. Эти небоскребы в немалой части своего бюджета были обязаны поступлениям из государственной казны, что в свою очередь пополнялась из налогов. Так что сюда нельзя было не пустить работяг из уже затопленных умирающим океаном низин — началась бы гражданская война. Но выше сотого уровня им ход был заказан — если только они чудесным образом вдруг не становились безобразно богатыми, что могло открыть им двери вплоть до сто пятидесятого этажа. А вот дальше мог помочь только особый статус — который не купить за деньги.

Так было еще до моего рождения. Так продолжалось и потом.

Конкретно этой башни я не помнил. Но они всегда были одинаковы.

И вряд ли ее изначально строили в мелководной зоне океана — скорее сам праотец всего живого поднял свои воды и подошел поближе, чтобы выплеснуть весь мусор на порог наглых ушлепков. Сейчас Ведьмовскую Башню от берега отделяло триста двадцать семь метров неглубокой воды. На неравном расстоянии друг от друга в волнах едва различались мокрые характерные скалы — некогда они были крышами куда мене высоких зданий, а сейчас превратились в опоры для очень широкой улицы. Бревна, доски, в центре дорога, а по сторонам множество хлипких и местами нависающих над водой строений. Вниз ведут короткие лесенки, в которые тычутся носами длинные вместительные лодки. В мост упирается сразу несколько грунтовых дорог, и они не пустуют — по ним неспешно передвигаются повозки и редкие машины, останавливаясь в окруженном невысокой дугообразной

стеной дворе. Берег чист, морская пена белоснежна и только что мимо меня тяжело прокатилась телега с большой старой цистерной, пахнущей весьма характерно — вывозят высранное дерьмо. Но на дорогу постоянно что-то выливается, а это уже говорит о многом. Например, о том, что разумных машин здесь боятся… но не слишком. А это может говорить о их нечастом здесь проявлении.

— Хорошая тачка, чувак!

Этот окрик подарил мне невысокий парнишка с широкими плечами и тупыми глазами. Наглая ухмылка и зажатый в руке обрез уверенно заявляли о нем как о альфа-самце и об этом же безмолвно кричала кучка собравшихся за его спиной пыльных застенчивых отсосов. На обочине валялось с дюжину тяжелых охапок нарубленного тростника.

— Хорошая — согласился я, возвращаясь к изучению Ведьмовской Башни.

Само здание было характерной ассиметричной формы, чуть зауженной к океану, чтобы противостоять идущим от него куда более сильным ветрам. От воды и примерно до середины стены были скрыты многочисленными лесами, превращенными в жилые помещения. Множество труб тянулось по стенам вниз, змеясь, разбегаясь и снова сходясь позднее. Раскачивающиеся на ветру подвесные переходы не внушали доверия, равно как и сотни висящих рядом плетеных гамаков. Несмотря на прошедшие столетия уцелевший небоскреб по-прежнему усердно выполнял свою главную функцию вертикального города.

На верхние уровни я смотреть не стал — мне нахер это не сдалось. Да и сама башня меня интересовала постольку-поскольку. Нет. Меня здесь интересовало лишь несколько факторов и все они могли проявиться, где угодно, но проявились именно здесь — огромное скопление разномастного народа, множество различных по типу входов-выходов и почти полная невозможность внешнего наблюдения. Я ведь не придурок какой, чтобы пытаться затеряться на одинокой машине на пустынной дороге среди джунглей. От спутника или висящего над взопревшей башкой дрона не скроешься. А вот тут… тут я затеряюсь влегкую — главное в темпе зайти внутрь, изучить выходы, получить без лишнего шума доступ к нужной крысиной норе и выползти незамеченным. Цель вполне достижимая, но ради нее придется пойти на кое-какие жертвы. Но это для меня дело вполне привычное.

— Очень хорошая тачка, чувак! — повторил парнишка, чью легко читаемую готовность меня убить сдерживала только моя отчетливо видимая с его места винтовка — Очень хорошая…

— Так купи — усмехнулся я, опуская руку на руль и одновременно нажимая на газ.

Скривившийся парень не ответил, зло рубанув тесаком воздух. Я же, спустившись по очередному склону, влился на дорогу между парой повозок и покатил к широко распахнутым воротам внешнего двора.

В огромный двор меня пропустили беспрепятственно. За порядком здесь следили многочисленные гоблины в кожаных безрукавках с простенькой одинаковой вышивкой, почти стандартными прическами и с деревянными дубинками на поясах. Другого оружия у них не было — даже тесаков. И это вполне разумный ход, если хочешь привлечь в город пугливых крестьян и боязливых торговцев. А блеск наточенного оружия влияет на и без того небольшую отвагу примерно так же, как пинок по яйцам.

Меня и мою машину не могли не заметить, но их куда больше привлекло мое видимое вооружение, однако никто и слова не сказал, что опять же доказывало привычность их внешнего двора к подобным гостям. А раз привыкли, значит у них есть и давно устоявшиеся стереотипы, которые следует использовать. Поэтому, когда я остановился на примитивной парковке за большим дощатым зданием и ко мне подошла парочка прожаренных солнцем усталых парней, на их логичный вопрос о том кто я такой, я тоже ответил вопросом:

— А сами как думаете?

Они отозвались хором:

— Руинник?

Догадавшись, о чем речь, я коротко кивнул. Тогда воодушевленный своей сообразительностью бритый налысо гоблин решил выдвинуть еще одно предположение:

— Но ты не из свободных ныряльщиков. Ты больше по джунглям мотаешься.

Я снова кивнул, придав своему грязному лицу легкий налет уважительности к сверкающему гению дворового охранника. Второго парня это огорчило, и он поторопился сократить разрыв между ним и напарником, торопливо добавив:

— Само собой он по джунглям! Свободных водных руинников почти и не осталось! Те, кто выжил, теперь ходят под Святыми Брухами или под Дельфинесами.

При этом слова «Святые Ведьмы» он произнес с искренним уважением и даже благоговением, а вот слово «Дельфинесы» выплюнул со с трудом скрываемой злостью. Выдержав паузу, я еще раз кивнул, а затем, чтобы не показаться им тупым

кивающим болванчиком закрепленным на торпеде багги, скривил губы и почти бесстрастно произнес, неспешно выбираясь из машины:

— Дельфинесы…

Переглянувшись, парни придвинулись ко мне ближе.

— Никто не любит этих ублюдков.

— Считают, что океан принадлежит им!

— Слишком уж они поднялись! Рыбакам жизни не дают. Теперь и до руинников водных добрались.

— Океан общий! Как и руины древних!

Кивнув в третий раз, я тяжело вздохнул, одновременно хлопая ладонью по револьверной кобуре:

— Свобода важна.

— Точно!

— Мужик дело говорит! — поддержал бритый налысо — Дай Дельфинесам волю — они у нас и сушу заберут!

— Лезут и лезут вверх по уровням! В этом году еще один себе отжали. Все говорят, что они этаж выкупили, но я что-то не верю! А этаж хоть и затопленный чуток, но все же хороший. Мои предки оттуда вышли! А теперь что?

— А теперь там дельфины срут, брат! Дельфины срут! — зарычал первый, окончательно растеряв сонливость и с силой сжимая пальцы на рукояти дубины — Был дом для людей, а стал сральником для татуированных рыб! Херовы афалины!

— Тише, Чилко! Тише! — зашипел второй, толкая друга кулаком в плечо — Не надо про афалин. Про дельфинов — говори. Про афалин молчи!

— А афалины — не дельфины что ли? А Дельфинесы — не люди что ли?

— Тише говорю! Нас же всех командир предупредил не нагнетать! Совет башни заседает. Они все порешают без нас. Хочешь пузом заточку отравленную поймать? Закрой рот, Чилко! Понял?

— Да понял я, Дулко. Понял тебя, брат — сдуваясь, пробормотал крепыш и убрал руку с оружия. Повернувшись ко мне, он тяжело вздохнул и спросил — Тебе подсказать чего, руинник? Ты вроде как мужик правильный.

— Тачка — я кивнул на багги.

— Поставить на платную стоянку хочешь?

— Не. Продать надо. Дорого и быстро.

— Продать? — изумился Чилко — Ты че? Руинник без быстрой машины — не руинник.

— Эту продам — другую куплю — усмехнулся я — Побыстрее. И повместительней.

Мое утверждение вызвало у парней вспышку нового и чуть завистливого уважения. Переглянувшись, они снова заговорили наперебой:

— Реально дело у тебя выгодное.

— Дублоны в карманах всегда звенят, верно?

— Но и опасностей хватает.

— Помнишь того мертвого руинника? Его притащили для похорон. И вытащили из него три сотни пуль! Три сотни, бро!

— Так он попал под пулевой выхлоп какой-то спятившей охранной системы!

— Так говоришь, будто больше такого не случится! Мы вот почему без денег сидим и пыль дворовую глотаем? Да потому что рисковать боимся… а тут кормят четыре раза в день и выходной раз в четыре дня.

— Тачку продать хочу — напомнил я о своем намерении и закинул на плечо рюкзак.

— Тут купят!

— Тут реально купят. Тачка то у тебя не гнилая.

Поглядев на их жадные блестящие глаза, я сделал им щедрое предложение:

— Давайте так, парни. Я за тачку хочу сорок золотых дублонов. Если продадите дороже — заберете разницу себе.

— Кого заберем? — не понял меня Дулко.

— Деньги! Разница в деньгах наша будет! — прошипел Чилко — Мы согласны! Мы найдем!

— Сегодня — добавил я — Деньги мне нужны сегодня. Отдельной ценой идут солнечные панели и резервные батареи — их отдам за десять золотых монет.

— Башня купит, бро! — заверил меня Чилко — Энергия всегда в цене!

— Ага — кивнул я — Где тут ближайшая жральня?

— Дешевая кантина вон там! Второй этаж для людей готовых доплатить за нормальный стол.

— Вот туда и шлите ко мне тех, кто хочет купить кое-какое оружие и электронику. Есть тут такие?

Не знаю в какой уже по счету раз эти двое переглянулись, но судя по всему таких желающих они знали и, возможно, могли поиметь уже с них дополнительную свою выгоду.

— Человек придет — закивал Чилко, явно рулящий во всех денежных вопросах — Мы свой процент с него возьмем, бро. Ты поднимайся на второй этаж и жди. Там часто сделки проворачивают. Прямо сиди и жди, бро!

— Сижу и жду — хмыкнул я, вытаскивая второй рюкзак и тяжелую сумку.

— Только не уходи никуда!
— Ага…
— И ни с кем больше не разговаривай!
— Ага…
— Наш человек лучшую цену даст!
— Понял.
— А как тебя звать-то?
— Оди.
— Руинник Оди. С нас выпивка, бро! Ты мужик правильный!
— Ну да… Я уже жду… — напомнил я, шагая к украшенной характерной вывеской двери кантины.

В течении последовавших пары часов я успешно избавился от почти всего своего добра. Один за другим приходящие незнакомые гоблины пытались торговаться, но натыкались на мое абсолютное равнодушие и сдавались, забирая все по предложенной мной цене.

Багги, подзарядка, кое-какие запчасти и инструменты. Помимо этого, я продал вообще все свое вооружение, оставив при себе только револьвер и сорок патронов к нему. Всю мелочь вроде ножей я подарил Чилко и Дулко — к их огромной радости. Им же сбагрил в подарок всю запасную одежду, включая запас черных трусов и носков, а пришедший следующим торговец мгновенно забрал бронежилет, разгрузку, запасные пластины, шлем, наплечники и все прочее из этой категории.

Под конец торговой сделки у меня имелась крепкая брезентовая сумка, набитая золотыми монетами и серьезно так оттягивающая здоровое плечо. Всего у меня было под полторы сотни золотых дублонов и сколько-то серебряных. Из одежды на мне была темно зеленая футболка, черные штаны с бедренными карманами и плетенные сандалии на босу ногу — от ботинок я тоже избавился. На поясе кобура с револьвером, на голове грязная бейсболка.

Покинув накормившую меня мясной похлебкой кантину, я кивком попрощался с не скрывающими радость парнями охранниками и уверенно зашагал к бегущей над океаном широкой бревенчатой улице, покоящейся на крышах утонувших зданий. Тут было оживленно и вскоре я буквально нырнул в густую колышущуюся толпу, что с готовностью проглотила меня и потащила к растущей на глазах Ведьмовской Башне. Старый вертикальный город цвел, вонял и бурлил, втягивая в себя центнеры фруктов, овощей, мяса, дров, вязанки тростника, мотки лиан и всего прочего, что могло пригодиться этой пережившей столь многое махине. Тут обитали десятки тысяч грязных гоблинов, обживших как внутренние тесные помещения нижних

уровней, так и куда более просторные хлипкие внешние подвесные сооружения. Мне не надо было стараться затеряться в этом живом вонючем месиве — я уже затерялся. Меня уже проглотили. Отсюда есть сотни никем не контролируемых никем выходов и даже если я прямо сейчас сойду с улицы вместе с вон той кучкой деловитых оборванцев, спешащих в длинную лодку, я вполне могу бесследно исчезнуть.

Но у меня оставались незаконченные дела, и я продолжал шагать к башне, по пути роняя под ноги мелкие кусочки раздробленного револьверной рукоятью планшета и еще более мелкие обрывки бумажных карт и вообще всего того, что мне когда-либо давали с момента прибытия в земли Окси. Все упавшее на грязные бревна мгновенно затиралось и растиралось в пыль дублеными босыми пятками и деревянными подошвами. Когда я подошел к главному входу, представляющему собой живописно оформленному живой зеленью почти правильной формы пролом, при мне не оставалось почти ничего из накопленного имущества.

Ключевое слово «почти».

Еще осталась одежда, сумка и оружие. И во всем этом могли скрываться отслеживающие мое местоположение жучки. От всего следовало избавиться, затем приобрести по мелочи новое и стопроцентно ничем «не зараженное» и только затем я выберу один из путей ухода. И что-то мне подсказывает, что я выберу самый примитивный вариант — в мешке под кучей жидкого дерьма или под драной циновкой на дне вышедшей на промысел рыбацкой лодки. А если и решу задержаться ненадолго в Ведьмовской Башне, то только ради возможности убраться отсюда в роли рядового охранника, идущего в нужную для меня сторону каравана…

Миновав вход, я даже шага не сбавил, следуя вместе с толпой туда, куда ей самой желалось. Улица внутри небоскреба не стала уже. Ширина та же, но добавились мощные колонны расписанные странными узорами и эти препятствия мне приходилось обходить, тогда как идущие спереди явно знали об этих «речных порогах» и вовремя уходили в сторону. Вскоре я приноровился и, вслушиваясь в обрывки разговоров, выбрал несколько боковых коридоров, поднялся по широкой бетонной лестнице без перил и оказался на боковой террасе. Некогда она была открыта всем дождям и ветрам, но кто-то предприимчивый постарался с помощью дощатых стен и железной крыши превратить стометровую террасу в закрытое пространство и поделил его на неравные по размеру павильоны. Лениво дышащий чуть ниже океан засылал сюда жаркий воздух, что шло только на пользу

этому месту, где причудливо смешались самые разнообразные запахи.

Сразу от входа начинались уличные нажорные прилавки и редкие одежные. Мимо них я и пошел, лениво оглядывая предлагаемую жратву и продолжая слушать. Заметив висящую на виду легкую рубаху, прошел мимо, но задержался рядом с мрачным безногим стариком и за серебряный дублон купил у него целый комплект одежды. По двое серых штанов и безрукавок из плотной домотканой материи и пару странноватой обуви с тряпичным верхом и подошвой из двух деревянных пластин. Я переоделся прямо там, не обращая внимания на чужие взгляды. Старую одежду оставил повеселевшему старику и пошел дальше. Следующей покупкой стала кожаная вместительная сумка с тремя вместительными внешними карманами. Не став искушать судьбу — надо бы вообще с этим делом паузу взять — я решил переложить наличку позднее. Третьей моей покупкой стали два обычных железных ножа — каждый за дублон. Потом я заметил внешне вполне себе неплохой ремень из как оказалось буйволиной кожи, проигнорировав висящий рядом с ним армейский тактический ремень. Я игнорировал вообще все то, на что в первую очередь упал бы взгляд закупающегося опытного гоблина. Все специализированное и гарантировано подходящее под мои цели тут же браковалось. Да я долбанный параноик. Да я вполне могу поверить или убедить сам себя, что вон там баба с хитрым взглядом и лежащим на дряблых ногах огромным брюхом вполне может работать на какую-нибудь Управляющую и, завидев меня, уже напихала крохотных отслеживающих шипов в весь свой товар, предварительно вытащив из у себя из-под ногтей. Да вон тот трясущийся от лихорадки желтый гоблин с черным ирокезом тоже может работать на машины — иначе зачем ему трясти перед моим лицом рваными ботинками и что-то бубнить про защищенные носки?

Короче… на террасе я больше ничего не купил, покинув ее через другой вход и оказавшись на очередной лестнице. Она подняла меня на пару уровней выше и там, потолкавшись в казалось бесконечной очереди, я наконец вошел в платный и якобы элитный сортир. Тут мне разменяли полновесный серебряный дублон на горстку медных монет, сразу же забрали три из них, вручили крохотный кусок бурого мыла посоветовали при мытье молиться за здоровье верховной брухи Лито-какой-то. Хрен запомнишь эти имена. Жирная кассирша с намеком постучала пухлыми пальцами по деревянному ящику с замком, где просили пожертвований на восстановление былого величия. Чьего величия? Этого не уточнялось, зато был рисунок с чем-то

желтым и вроде бы светящимся на вершине небоскреба. Я пожертвовал сразу пару монет, и разом подобревшая кассирша пообещала, что после смерти меня ждет благоуханный рай, после чего пропустила наконец в пахнущий дерьмом сортир. Но к вони мне не привыкать.

В отдельной кабинке я сделал все свои дела, оставив там же старую сумку вместе с ремнем, кобурой и бейсболкой. Револьвер и патроны — последнее что осталось у меня из старых вещей, но и от них я планировал избавиться в ближайшее время. Так и не помолившись за здоровье верховной брухи, я покинул сортир и вместе с чуть утихшим потоком усталых гоблинов двинулся вглубь гигантской башни. Тут внизу потолки были двухметровой высоты и многим приходилось пригибать голову. Порой кто-то все же ударялся башкой, после чего слышалось его ругательство и вялые смешки окружающих вперемешку с пожеланием чуть разбогатеть и подняться на шесть уровней выше — там потолки высотой в два метра двадцать. Покружив с толпой примерно с полчаса, я выяснил, что этот уровень является спальным трущобным районом, собственно, как и десяток тех, что выше. А если я хочу приобрести что-то стоящее, то мне следует топать к центральному монтакаргос, он же грузовой подъемник, и он же доказательство того, что мне есть чем заняться на верхних уровнях в финансовом плане — вход в лифт стоил два серебряных дублона, что отсеивало большинство здешних гоблинов.

Может ли решивший обновить снарягу руинник позволить себе пожрать в не слишком дорогом ресторане пятнадцатого уровня? Вполне может. Может ли он на том же уровне прикупить себе оружие? Вполне может.

Так что монтакаргос оказался следующим пунктом моего назначения. Уронив мзду в жадно распахнутую вместительную сумку сборщика, я занял место с четырьмя ожидающими гоблинами. Подъемник пару раз дернулся и со скрипом медленно пополз вверх. Мы поднимались минуты четыре. За это время стоящие рядом успели обсудить уже слышанную мной главную новость месяца — Дельфинесы заняли еще один уровень и теперь владели уже шестью этажами башни, четыре из которых были затоплены полностью. Два усиленно пытающихся строить из себя важных дельцов упырков задумчиво рассуждали о том как удивителен стремительный прогресс тех, кто еще несколько лет назад кое-как обитал в воздушных карманах подводных этажей и не помышлял вроде как о большем, но… Жизнь поистине удивительна и совсем не странно, что теперь все больше молодежи задумывается о том, чтобы примкнуть к вольной

океанической стае татуированных воинов.

«Вольная стая океанических воинов»? Как по мне — вполне себе организованная бандитская группировка с агрессивным развитием и масштабированием. Но я терпеливо молчал и думал о паре жареных куриных ляжек. Таких, чтобы с поджаристой хрустящей корочкой, а к этому пару натертых чесноком хрустких сухарей и быть может большой бокал пива.

Воодушевленный этим желанием, впервые за долгое время ощущая такой даже не аппетит, а желание вкусно и много пожрать — именно что вкусно и много — я первым выскочил из грузовой шахты и зашагал прямиком на льющиеся по коридору ароматы. В истоке ароматов я обнаружил два небольших ресторанчика, выглядящих как угодно, но только не элитно, если под роскошью не понимать наличие нескольких достаточно больших застекленных окон, смотрящих на побережье с зеленой полосой туманных джунглей. Побеленные стены с зеленой лианной росписью навевали скуку, а вся разница между точками общепита заключалась в разделении на морепродукты и все остальное. Их разделяли небольшие деревянные перила, отделяющие столики от коридора. Там вдалеке виднелось что-то вроде торгового проспекта, куда я обязательно загляну в ближайшее время.

Усевшись у окна — так поступил бы любой нищеброд с претензиями — я сделал заказ невысокому парнишке, что своей улыбкой и прической напомнил мне кое-кого из Дренажтауна. Не прошло и четверти часа, а передо мной уже стоял заказ — разделанная на куски жареная курица, много хлеба и острого соуса, а венчал мой набор большой бокал пива.

Но спокойно пожрать мне не дали. Не конкретно мне, а вообще всем посетителям как этого, так и соседних заведений. Я еще первую ляжку не доглодал, когда в коридоре зазвучали пьяные вопли и пронзительные, режущие уши визги. Повернув голову, я увидел, как вдоль декоративных перилец пролетает держащий за разбитое лицо один из охранников. Следом за ним пролетел вперед второй вышибала, упав на коллегу и завозившись на полу. И наконец в поле зрения ввалились и сами крикуны. Татуированные мускулистые тела, крохотные набедренные красные повязки, ременные сбруи, одинаковые прически, искаженные в нарочито гротескном пьяного горя хари, знакомое подобие хрупких тыкв в руках и что-то вроде деревянных изогнутых мечей у некоторых. Дельфинаресы. Пьяные, яркие и крикливые. Сраные павлины… Всего их было семь, а через пару минут к ним подбежало не меньше пятнадцати крепких и мрачных охранника из глубин этого уровня.

Воспитательная беседа началась с простого прямого удара, пришедшего по вопящей роже присевшего и странно раскинувшего руки татуированного упырка, собиравшегося наскочить на лежащих парней. Стоило ему получить хорошо поставленный удар, его крик разом оборвался, а следом замолкли и остальные шатающиеся с перепоя хренососы.

На полминуты все погрузилось в тишину и статичность. Две противостоящие группы замерли друг против друга, сверля противников злыми взглядами. Я с хрустом раскусил поджаристое куриное крылышко и это послужило триггером. Две группы шатнулись навстречу, поднялись дубинки и деревянные мечи… И тут от грузового лифта кто-то зло и требовательно заорал:

— Накартал дэггур! Накартал дэггур, парни! Ни шагу дальше!

Татуированные подчинились с такой быстротой, что я заподозрил в них излишнюю трезвость мышления. Оружие опустились, плечи тоже пошли вниз, татуированные фигуры торопливо раздались в стороны, пропуская вперед кричавшего от лифта. Высокий, очень высокий, он выглядел волком среди обосранных дворняг. Широкие плечи, массив тренированных быстрых мышц, немало шрамов, красные свободные шорты с позолотой напротив яиц, уверенный взгляд чисто выбритого безбрового лица, ни намека на пузо или дряблость тела, хотя на вид ему лет сорок, а скорей всего куда больше. Тренированные и поджарые всегда выглядят моложе. Оправдательную беседу он начал столь же просто, как и недавний удар старшего охранника:

— Мы в большом горе. Много наших погибло в недавнем бою у побережья дальше к востоку. Мы потеряли многих молодых храбрых воинов и юных смелых афалин…

— Мы слышали — спокойно ответил ему охранник, глядя в глаза собеседника и стараясь втянуть солидное брюшко — Но не про бой у побережья… нет… мы слышали про нападение на рыбацкую деревушку… слышали про нападение на женщин и детей… но у них ничего не вышло. Они встретили жесткое сопротивление. Почти все погибли, а остальные бежали в открытый океан, захлебываясь кровью из разбитых пастей и простреленных задниц…

И снова повисла статичная тишина. Хотя, если прислушаться, то можно уловить приближающийся шум частых тяжелых шагов. Так бегут тяжеловооруженные и хорошо снаряженные бойцы. И кое-что еще… я даже подался чуть в сторону, пытаясь снова уловить тот едва слышный и пока еще очень далекий звук, пришедший откуда-то сверху и со стороны грузовой шахты лифта. Лязг, короткое тройное буханье, стонущий звук выходящих на

рабочий режим сервоприводов… Охренеть… где-то рядом находился уже активированный экз. Раз его были готовы задействовать внутри здания среди узких коридоров, то там малая и относительно легкая модель. И вряд ли его активировали ради противостояния группе пьяных ушлепков. Это попросту тупо — тут хватит и дубинок с бодрящими жопу электрошокерами. Значит, они боятся проблем куда более масштабных, кровавых и исходящих от Дельфинаресов. Посчитали творящуюся здесь херню отвлекающим маневром и приготовились к отражению удара на верхних уровнях? Скорей всего именно так — чем выше, тем богаче обитающие там гоблины и тем усердней надо защищать тех, кто приносит вертикальному городу наибольшую прибыль.

Вожак любитель траханых афалин сумел справиться с приступом явственно проступившего бешенства и, кашлянув, тем же тоном продолжил диалог:

— Мы видим мир по-разному. Для нас афалины святы. Они разумны, они боги океана, они наши братья и сестра. Тандем!

— Тандем! — нестройно повторили за ним трезвеющие на глазах рядовые быки — Тандем свят!

— Те рыбаки поставили подлые сети… из-за них несколько молодых запутавшихся дельфинов не смогли подняться и задохнулись в родной стихии… А ведь мы предупреждали — мирно и добро мы предупреждали, что сети ставить надолго нельзя. Нужна рыба — хорошо, ставьте сети, но проверяйте их почаще…

— О чем ты говоришь? — голос подал один из стоящих позади охранников, не слишком умело прячущий за спиной крупный пистолет — Проверять почаще? Мой дед — рыбак! Мой отец — рыбак! И я рыбак в прошлом! Этот особый, по их словам, вид крупных афалин может обойтись без воздуха не больше получаса! Ну может сорок минут! А обычные дельфины и двадцати минут не протянут!

— Не вид! — рявкнул вожак, стискивая кулаки — Раса! Священная раса афалин! Мы живем с ними в святом тандеме! Они — наша кровь и плоть! И да — значит, пусть проверяют сети еще чаще! Каждые полчаса!

— Это невозможно!

— Нас не волнует! Ни одна афалина не должна погибать из-за ваших проклятых сетей! Сами ваши сети — зло! Гарпуньте, ловите удочкой, забрасывайте малые донные ловушки — и вам вполне хватит еды! Но вы желаете все больше и больше! Вы грабите океан! Рвете его дно своими скребущими кораллы и песок жадными сетями!

— Мы выживаем! Мой дед и отец никогда не были богаты, хотя ставили свои драные сети каждый день!

Не выдержав, старший охранник рявкнул:

— Хватит! Мы тут не ради этого! Вы скорбите — мы понимаем. Но не позволим бесчинствовать! Пейте, горюйте. Но не здесь!

Выпрямившись во весь свой немалый рост, татуированный вожак уверенно заявил:

— Я буду там, где сам захочу!

После короткой паузы, уловив смысл и посыл, охранник кивнул и отступил на шаг назад:

— Ты ничего не нарушил, Кронг. Но твоим парням придется уйти вниз. Они начали драку. И вам придется заплатить стандартную таксу за нападение на охранников.

— Хорошо…

Едва прозвучало это короткое слово, в коридоре разом с шумом и облегчением выдохнули. Отмерла ресторанная обслуга и мне наконец-то донесли второй бокал пива. Отвернувшись от коридора, я продолжил насыщаться, в то время как все охотно расходились. Бойня не состоялась. Все рядовые радуются и улыбаются, не понимая, что на гнойный и давно созревший нарыв снова наложили очередную сдерживающую латку. Но все это дерьмо однажды лопнет…

Эта театральная сценка с двумястами миллилитрами крови из разбитых носов говорила о многом. Рано или поздно татуированные создадут Ведьмовской Башне немало проблем. Возможно, тут довольно скоро сменятся как хозяева, так и само название вертикального города. Но не в ближайшие годы. Нет. Хотя, судя по действиям охраны и донесшегося до меня звука шагающего экза, там наверху угрозу осознают и уже выработали какую-то систему сдерживания и противодействия. Всем этим вполне можно воспользоваться… но такой цели у меня не стояло.

А еще, благодаря услышанному моим перфорированным мозгом диалогу, я кое-что вспомнил. Очередной бесполезный историко-энциклопедичный выброс никому нахрен не нужной информации.

За соседний столик с шумным долгим выдохом устало плюхнулся разруливший кризис старший охранник. Только что такой уверенный и жесткий как дерьмо динозавра, он сейчас выглядел сдутым оседающим шаром, уронившим руки на стол. Перед ним тут же поставили три бокала пива и первый он осушил разом, второй до половины, только затем сделав паузу и прижимая холодное стекло к мокрому от пота лбу.

— Кошкин суп — выдохнул он сипло и допил вторую порцию

— Я уже слишком стар для этого дерьма.

Переведя замутненный успокаивающийся взгляд на меня, он некоторое время изучал мое лицо, потом еще дольше смотрел на сумку и наконец вполне мирным тоном поинтересовался:

— А ты еще кто?

— Голодный мирный руинник — спокойно ответил я.

— Эти вон — тоже руинники. Выгребают все со дна там, куда другие достать не могут. И богатеют на глазах. Да ладно бы просто богатели — наглеют они тоже на глазах. Да ты сам видел.

— Видел — кивнул я.

— С ними и так проблем хватает, а тут их еще так кроваво и позорно умыли в той рыбацкой деревне.

Я равнодушно пожал плечами:

— Я больше по джунглям шарюсь.

— По внешнему виду не скажешь, что ты руинник.

— Распродал вообще все.

— Почему?

— Да вот думаю на время завязать с руинами — ответил я.

Старший охранник медленно и понимающе кивнул.

— Работенка из самых опасных. Своих многих похоронил?

— Многих — кивнул я, вспоминая могилы похороненных бойцов там во Франциске и Формозе.

— Богатства нажил?

— Не особо.

— И чем дальше планируешь заняться? — он, уже окончательно остыв, допивая третий бокал пива, спрашивал лишь для поддержания разговора, помогающему ему войти в привычный мирный режим.

— Чем-нибудь мирным, спокойным, и чтобы пожить подольше — хмыкнул я, отодвигая тарелку с кучкой костей и тоже берясь за бокал — Так что в охранники не зови.

Глянув на меня с прищуром, он снова медленно кивнул:

— А ведь я собирался предложить испытательный срок. Начал бы с внешнего двора и с минимальной ставкой. Через год поднялся бы до пятого этажа, где куда меньше стекающихся сюда отбросов. Я видел как ты себя вел во время стычки с дельфами. Ты был спокоен как трахающийся во время пожара удав. И ты точно можешь постоять за себя. Мне нужны такие в моей обойме.

— Много этажей под твоим началом?

— Двадцать девять. Недавно было тридцать…

— Но дельфы выкупили еще один нижний и твоей юрисдикции поубавилось — понимающе кивнул я — На зарплате сказалось?

— Не сказалось. А ты знаешь много длинных умных слов,

руинник…

Этого вопроса я точно не боялся, спокойно пояснив:

— Имел раньше планшет. Куча книг и фильмов о древних временах.

— Планшет тоже продал?

— Он разбился — ответил я чистую правду — Прямо вдребезги.

— Ясно. Так что насчет работенки?

— Я здесь ненадолго — улыбнулся я — Чуть передохну и двинусь в места поспокойней.

— Спокойней этого места тебя не найти, руинник. Как тебя зовут, кстати? Я Деккерс.

— Я Бонк — не задумываясь произнес я.

— Откуда родом?

— Дирихибли.

— Слышал о таком. Это там, где древний дирижабль на краю селения лежит?

— В центре — поправил я с кривой усмешкой — В очищенной от таких как я запретной зоне. А я сам из окраинных трущоб. Детство прошло в голодной грязи.

— Да я и сам не из томленных солнцем и бухлом сливок общества — проворчал Деккерс и взял с подноса подошедшей официантки следующее пиво. Я поступил также, и мы отсалютовали друг другу бокалами, после чего ненадолго прервались, вливая в себя пенную благодать. Пиво тут реально было свежим и вкусным.

Утерев подбородок, Деккерс продолжил:

— Вот только именно мне эти сливки и защищать в случае чего. А я в самом низу башни.

Я понимающе кивнул:

— Случись заваруха и главный удар пойдет снизу-вверх.

— Верно. Не знаю сколько этажей они пробьют, но рано или поздно их штурм захлебнется. Вот только нам от этого не легче — мы тут внизу сдохнем первыми. Поэтому я и ищу таких вот как ты битых жизнью мужиков, что не боятся крови и приветствуют насилие. С пушкой обращаться умеешь?

— Навыки есть — подтвердил я.

— Убивать приходилось?

— Случалось.

— Насиловал?

— Нет. Но убивал насильников.

— Про алкоголь не спрашиваю — вижу, что все в меру и с хорошей закуской.

— Можешь не захваливать, Деккерс. Мне эта работа не

нужна.

— Ты погоди отказываться. Сначала выслушай.

— Ну?

— Ты ведь передохнуть чуток хочешь, прежде чем отправляться на поиск более мирных мест?

— Верно.

— Вот и отдыхай. Дам тебе койку в комнате на четверых. Но там пока никого и вся комната будет твоей. Без окон, само собой, зато есть плакат с не слишком забрызганной голой бабой.

— Тоже окно в жизнь — согласился я.

— В день буду платить один серебряный дублон. Это если все мирно и тихо будет. Во время любого кипеша дневная ставка повышается вдвое. Если что-то серьезное — то и втрое. Получишь ранение — лечение за наш счет, плюс компенсация.

— Не…

— Три дня — он выставил три оттопыренных пальца — Мне надо три дня твоей жизни, Бонк. Ты отоспишься, отожрешься, подлечишь ссадины дорожные, соберешься с мыслями — и езжай себе куда хочешь. Я даже подсажу тебя к кому-нибудь надежному в повозку.

— Почему именно три дня?

— Дельфы совсем обнаглели. А недавнее их позорное побоище их только раззадорило — надо ведь теперь доказать, что они действительно крутые, а не просто так тату на задницах набили. А у меня как на грех не хватает двадцати парней — отправлены охранять особый обоз. Вернуться должны через три-четыре дня. И вот тогда я выдохну наконец… и напьюсь до потери пяточной пульсации… Смекаешь?

— Ага…

— Ну?

— Хрен с ним — кивнул я и показал три пальца в ответ — Три дня постоя за твой счет, Деккерс. И пусть ничего не случится…

— Да ничего не случится — заверил меня старший охранник — Это просто я перестраховываюсь.

— Ну да.

— А оружие у тебя есть?

— Ствол есть — кивнул я, хлопая ладонью по сумке — И кое-что планировал докупить. Но раз все равно ничего не случится, то может и не стоит торопиться…

— Ты докупи, докупи… оно ведь знаешь как бывает…

— Ага…

— Ща допьем и покажу тебе твою комнату. Она на этом же уровне…

Три дня проползли медлительным стадом ленивых слизняков. И за это время случилось ровным счетом нихрена. Я жрал, спал, неспешно закупался, лечился, снова жрал и снова спал. Изредка встречал задумчивые закаты и восторженные рассветы на террасе пятнадцатого этажа, хотя больше задумчиво глядел на неутихающую возню там на широкой бревенчатой улице, соединяющей башню с сушей. За пролетевшие столетия не изменилось ровным счетом ничего. Вообще ничего. Гоблины все так же применяли свои навыки и всю свою энергичность на то, чтобы раздобыть побольше чего-нибудь ценного и обменять все это на звонкую монету, горячую дешевую любовь и забористое пойло.

Планета была спасена высокой ценой, но никто не извлек полезных уроков из случившегося. Можно ли винить в этом возящихся в грязи гоблинов? Нет, нельзя. Ведь они всего лишь далекие потомки тех, кто сумел уцелеть в конце Эпохи Заката, сумел выжить, найти укрытие, а затем как-то наладить быт, сохранить жизни близких и кое-как расплодиться. Все это наверняка было настолько тяжело, что думать о правильном воспитании голодных гоблинят было некогда. Да и не объяснишь подыхающей от голода семье почему он должен бродить по мелководью с гарпуном, вместо того чтобы закинуть сеть в реку и вытащить под центнер жирной нерестящейся рыбы. Медведям ведь можно. Почему нам нельзя?

Выходит, машины во многом правы? Как и правы наверняка давно уже сгнившие некогда гениальные умы, заварившие всю эту кашу с мирами-куполами… Разумных обезьян надо держать под твердым контролем шипастой стальной руки… Бичевать и наказывать ампутациями за оплошность и безделье, награждать витаминами и шизой…

Когда три дня истекли, а к Деккерсу так и не вернулись его убывшие бойцы, я по собственному желанию остался еще на двое суток. Все это время я неспешно бродил по этажам от текущего нулевого до двадцатого, прислушиваясь, приглядываясь и не задавая вопросов. Никто не спрашивал про гоблина по имени Оди. Никто не видел рядом или вдали рыщущих чужаков. Нигде не случилось ничего реально странного и малообъяснимого. Пределы башни я не покидал, а террасы выбирал лишь те, что имели крыши, не забывая при этом о широкополой соломенной шляпе.

За это время я узнал немало о самой воспетой здешней профессии — руинники. Те, кто дерзал находить и исследовать заброшенные древние руины. Исчезнувшая цивилизация оставила

после себя немало всего — ведь их забирали в транспортники лишь с ручной кладью, как правило. Никаких безразмерных баулов. По малому рюкзаку на рыло. И никаких домашних питомцев с собой. Все эти пушистые декоративные уродцы обрекались на смерть, но всем было плевать — остатки утопии рушились и все думали лишь о себе.

Под руинами понимались любые полуразрушенные или уцелевшие постройки, зачастую ушедшие под землю или накрытые грязевыми валами цунами рядом с побережьем. Но то, что скрывалось в джунглях было лишь вершиной айсберга — истинные сокровища находились под водой. Наступавший океан иногда был очень быстр и внезапен. Удар, прорыв жалкого перешейка и за пару часов целый город уходил на дно. Там внизу сохранились целые кварталы — вот только добраться до них очень непросто. Именно поэтому профессия сухопутного руинника почиталась куда меньше. Тут на суше приходилось бороться с жарой, змеями, странными тварями и охранными системы. В океане было почти тоже самое, а еще там не было кислорода. Еще десяток лет назад умелые фридайверы могли заработать состояние всего за один невыносимо долгий нырок. Имелись и водолазные колокола. Восстановились водолазные костюмы — допотопные, но все же рабочие. Плавучие города, состоящие из больших плотов, медленно двигались вдоль побережья и управлялись общинами ныряльщиков, где дети сначала учились плавать и нырять и только потом ходить и бегать.

А затем пришли Дельфинесы. И за жалкое десятилетие они почти полностью подмяли под себя профессию подводных руинников. Как конкурировать с теми, кому помогают стремительные и умные дельфины? Это попросту невозможно. Большинство сдалось и либо ушло дальше на север — по слухам в самые гиблые воды — другие сменили работу, а третьи попытались конкурировать, но один за другим начали исчезать — чаще всего там на глубине, попросту не выплывая. Ну да… тяжело ли погибнуть, если заплутаешь внутри затонувшей многоэтажки или запутаешься в водорослях? Или если тебя убьет нож влекомого дельфином упырка…

Дельфы богатели и раздувались, пополняя свою численность за счет внутренней рождаемости и все увеличивающегося потока новобранцев. Дельфы проводили безумные кровавые ритуалы, устраивали оргии, умело изображая из себя безумно любящих океан фанатиков и… одновременно жадно скупая этаж за этажом Башни Ведьм. Еще они не забывали приобретать огнестрельное оружие и всегда были готовы заплатить щедрые деньги

грамотным инструкторам… На настоящее время они представляли собой грозную, но контролируемую силу.

Или так было раньше — по башне ходили пугливые слухи о начавшемся в рядах дельфов серьезном разладе. В отличие от своих предков их молодежь выросла, не зная поражений и страха. Они отличались повышенной агрессией и желанием отличиться. Гремучая смесь… медленно копящаяся в тесноватом подвале древнего небоскреба. Так что Деккерс правильно полагался на свое чутье в желании подстраховаться. За эти пять дней он нанял еще семерых мутных гоблинов вроде меня. Все мы умели правильно держать оружие и были готовы нажать на спуск — большего старшему охраннику и не требовалось.

На шестой день я решил уйти. Тело восстановилось, минимальные закупки у случайных продавцов я сделал и уже не мог просто валяться на койке и размышлять о всяком тяжелом дерьме. Старший охранник прибыл на зов быстро и не стал меня останавливать — только что ему пришла благая весть о скором возвращении проверенных бойцов. Я впервые увидел его улыбающимся и вроде как даже помолодевшим. Рассчитавшись со мной, он согласился с моим предложением доработать шестой день до вечера, не став задавать лишних вопросов. Подкинув на ладони жалкую плату, я убрал ее в карман и весь день посвятил неспешному блужданию по вверенным Деккерсу этажам, демонстрируя всем злую морду, накачанные бицепсы и фирменную безрукавку охраны Башни. Все это действовало только на поглядывающих на меня девушек, а сонным от жары мужикам было глубоко посрать. Некоторые даже норовили оттолкнуть, но заметив мой взгляд, тут же тушевались и принимались бодро лавировать плечами и жопой, вежливо обходя вообще все, включая мелкий мусор. День прошло вяло, но не впустую — я убедился в действенности того способа, которым планировал воспользоваться для неприметного, но при этом обыденного отбытия из надоевшей башни.

Проверив вещи и собравшись, я убедился, что ничего не забыл и вышел из почти обжитой комнаты, кивнув на прощание заселившемуся несколько дней назад соседу. Тот весело осклабился в ответ и, не вставая с койки, помахал мускулистой ручищей — он вообще был тем еще амбалом, достигая габаритов Рэка. Шагнув за порог, я сделал пару шагов и остановился. Сам не знаю почему, но я остановился. Поэтому как раз и встал столбом, чтобы разобраться в своих вдруг зазвеневших во всю силу мысленных сигналов тревоги. Очнувшись, сделал еще пару шагов и кивнул торопящемуся на ночную смену второму новенькому охраннику — тощему, высокому, молодому и молчаливому

алкашу, свободное время не отрывающегося от соски с дешевым пивом. Этот тоже пробулькал что-то в качестве приветствия и прошел мимо, обдав меня запахом пота, пива и настоянного на самогоне тропического одеколона. Этот запах не передать. Так пахнет банан, прошедший через жопу хищника…

Но дело не в запахе. Дело в том, что этот тощий гоблин испытал эмоции при виде меня. Он их почти не проявил, но эмоции в нем полыхнули. И точно также случилось с предыдущим охранником из моей комнаты. Он тоже аж воспылал, хотя до этого я валялся на койке рядом, а он сохранял безразличность. С чего тогда вдруг возникли их эмоции?

Оглянувшись, улыбнулся тоже оглянувшемуся гоблину и двинулся дальше к лифту, одновременно подбрасывая на плече старый рюкзак. Подбросил и… все понял. Эти охранники проявили интересно не конкретно ко мне, а к рюкзаку и оружию за моей спиной. Причем не из жадности. Нет. Они радовались, что я навьючился всеми своими пожитками и двинул на выход — то есть, они радовались моему уходу из башни, а не знать о моих планах они не могли, ведь я не скрывал своих намерений.

И с чего бы рядовым охранникам радоваться моему отбытию? У нас не было столкновений, мы не ссорились из-за коек, и они не выиграют в деньгах благодаря моему уходу, к тому же мы не конкурируем за назначение на позицию выше. Мы все просто временные охранники, ожидающие прихода основного состава. Так что радоваться они были не должны — но сучата радовались.

До лифта я не дошел.

За прошедшие пять дней с их ежедневным патрулированием и демонстрацией бицепсов, я неплохо изучил все уровни. Каждый закуток не знал, но чисто на инстинктах определил самые не просматриваемые и редко посещаемые места. Едва свернув за угол, я шагнул в сторону, скользнул к закрывающей щель решетке, отодвинул ее и оказался в темной пыльной нише. Раньше тут располагался какой-то технический угол, а теперь здесь хранили свой инвентарь уборщицы. Сегодняшняя смена пятнадцатого этажа закончена и за своими швабрами они раньше рассвета не явятся. Так что расположился я с удобством, дав себе время на принятие решения.

Деккерс сейчас выше где-то уровней на двадцать. У них там собрание старших охранников, где они будут обсуждать нехватку персонала и перенаселенность нижних уровней. Все закончится обязательной выпивкой в одном из баров и именно поэтому я уволился заранее, попрощавшись с Деккерсом еще днем во время патрулирования. Вместе со старшим охранником на то заседание ушло несколько старых опытных охранников, каждому из которых

было доверено по пять этажей. Всем ведь хочется выпить на халяву и почувствовать себя важным.

Что происходит с рядовым составом, когда начальство убывает побухать?

Ответ очевиден — рядовые либо тоже бухают, либо выполняют работу спустя рукава и не напрягая ленивую жопу.

И тут эта странная радость новеньких охранников при виде моей убывающей в закат рожи.

Совпадение?

Да запросто. Этот мир настолько упырочно чудесен, что возможно любое совпадение.

Но я не из тех, кто верит в столь чудесные совпадения. К тому же Деккерс за эти дни показал себя реально нормальным работягой, что не без мата и упоминаний сучьих эльфов сверху, но действительно впахивал, выполняя доверенную работу на все сто процентов, а вдобавок к этому еще и пытаясь заглянуть в ближайшее будущее, чтобы подстраховаться. Деккерс мне понравился. Собирай я отряд — он был получил приглашение в мою охранку.

Так что посижу я тут еще чуток, а потом выйду прогуляться. А пока сижу тут среди еще мокрых половых тряпок, прикину, чем собираются в ближайшее время заняться те мутные охраннички и на кого они могут работать. Хотя ответ на последний вопрос скорей всего очевиден…

Просидев в темноте около получаса, прикинув для себя всю возможную раскладку, вспомнив все реально ключевые места, где бы я сам нанес удар в первую очередь и в какое время, я в двадцатый раз проверил оружие и выскользнул из закутка в сумрак вечерних коридоров Башни Ведьм…

Для начала мне надо наведаться в бар и на барахольный рынок. Все дешевое и убойное покупается именно там…

Я не знаю кто еще из охраны замешан и поэтому не стоит откровенничать со всеми подряд — а то получу пулю и сдохну. Пока придется действовать самостоятельно, а затем все прояснится само собой.

Надо торопиться и вряд ли у меня в запасе больше двадцати минут…

Глава 11

Семнадцатый уровень. Служебная крутая лестница, что начинается на нулевом закрытой дверью только для охранки и идет прямиком сюда. На площадках хранится всякое имущество вроде старой мебели и прочего никогда не выкидываемого хлама. Охрана использовала крутые пролеты для редких тренировок, и я сам набегал здесь не меньше ста кругов в свободное время — скучно было и пытался ставить рекорды, носясь с двадцатикилограммовым мешком песка в руках или за спиной. Верхняя дверь всегда была заперта, но поста рядом не ставилось — незачем.

Рядом с дверью суетился мой сосед по комнате. Он уже отпер дверь и начал осторожно приоткрывать, смотря через плечо, но не видя меня, стремительно приближающегося в его мертвой зоне. В дверную щель сунулась татуированная мускулистая рука, схватилась за косяк, там внутри навалились и дверь распахнулась, наполовину впуская нетерпеливо рычащего бугая. Безумно расширенные зрачки, подергивающаяся в мелких судорогах потная харя… он заметил меня мгновенно, глядя поверх низенького охранника. Но отреагировать не успел. Я с силой пнул соседа в жопу, посылая его вперед. Ударившись о дельфа, он оттолкнул его внутрь, но тот удержался благодаря вцепившейся в косяк руке. Следующим движением я перерубил ему руку, пнул еще раз и тут наконец они оба закричали, сплетенной кучей падая на площадку. На моей груди зажегся старый фонарь, послав луч в темноту и высветив десятки нагих татуированных тел плотно сгрудившихся на двух видимых лестницах. Выпавший из руки тесак пробил фирменную безрукавку и воткнулся в спину захрипевшего охранника. Две сорванные с пояса гранаты улетели вниз, упав на голые тела, а я уже хватался за коротко обрезанный помповый дробовик. Дважды я выстрелил стоя на месте, а затем начал уходить, продолжая стрелять. Ответный огонь покрошил бетонную стену и сорвал часть древних плиток с косяка, но я уже выскочил наружу и послал на лестницу последнюю из своих осколочных гранат. Купить их оказалось не так-то и просто…

Выпав из боевого сосредоточенья, я только сейчас услышал звуки стрельбы и дикие крики, рвущиеся из темного проема двери вместе с клубами жидкого дыма. До этого для меня все проходило в полной тишине. И дыма как-то маловато… припав на колено, я звякнул зажигалкой, выждал секунду, схватил две бутылки с пылающими фитилями и зашвырнул их в темноту,

после чего принялся перезаряжаться.

Крики сменились чудовищным по силе надсадным воем. Из двери выскочило несколько крутящихся пылающих фигур, забившихся о стены, налетевших на меня. Обойдя два веселых огонька, я прикрылся третьим от неприцельной стрельбы, присел, чтобы защититься от плывущего вверху едкого дыма и открыл ответный огонь. Опустошив дробовик, спешно отошел, укрылся стеной и снова перезарядился. К этому моменту криков стало куда меньше, а чужая стрельба полностью исчезла. Из двери валом валил дым, находиться в котором было попросту невозможно. У них всего два варианта — попытаться прорваться через мертвые пылающие тела ко мне и продолжить штурм, либо спешно отступить ниже, чтобы остудить шипящие обожженные жопы в ласковой соленой водичке…

Через пару минут стало ясно, что они выбрали второй вариант. Воспользовавшись этим, я оттащил пару поджаристых мясных туш от прохода, захлопнул тяжелую металлическую дверь и повернул по-прежнему торчащие в замке ключ. Перепрыгнув жалобно хрипящего голого подранка со сползающей со спины татуированной кожей, я через весь уровень рванул к другой стороне небоскреба, проклиная еще плохо изученный здешний лабиринт коридоров и закоулков.

Я добежал с небольшим опозданием. Еще одна стальная дверь была приоткрыта и заблокирована, а на кафельном полу рядом лежало два истекающих кровью трупа в жилетках охранников. В одном из них я опознал того тощего алкаша, что был обрадован моим уходом. Бок алкаша был прорублен застрявшим в ране тесаком, в руке остывал большой пистолет, а у стены сидел один из патрульных с простреленной ногой, в то время как старший этажной смены, что явствовало из нашивки на жилете, звенел ключами, открывая малый арсенал. Такие комнатки были на каждом этаже. Оружия в них хранилось мало, боезапаса еще меньше, но в случае штурма они бы очень пригодились. Сидящий у стены раненый палил одиночным по приоткрытой двери, за которой слышались возбужденные нервные голоса

Обернувшись на шум моих шагов, они дернулись, но я успокоил их своей широкой улыбкой и выстрелом дробовика по долбанной двери. Дверь зазвенела, в щели заорало и плеснуло кровью, а я оттолкнул охранника от арсенальной двери, распахнул ее, сунулся внутрь и схватил три ребристых кругляша драгоценных гранат. Отогнуть, выдернуть, выждать, шагнуть к побитой картечью и пулями дверьми и закинуть подарки внутрь, после чего мгновенно отойти — бывает и дверь вылетает,

припечатывая замешкавшихся к стене и делая кровавый сэндвич. Вернувшись к арсеналу, я набрал себе еще чуток подарков и тонко намекнул торопливо перезаряжающему пистолет старшему смены:

— Огнеметом по сучьим жопам. Огнеметом…

Поняв меня, он бросил пистолет раненому напарнику и полез в арсенал за тяжелой горячей сладостью у дальней стены. Он что-то спрашивал, аж давился словами, но не был в курсе, что я даже не слушал и уже бежал дальше.

Я проверил еще три точки, отмеченные мной в голове как ключевые, но там было пусто. По пути предупреждал охрану о начавшемся трындеце, но большинство уже сообразило, что происходит что-то очень нехорошее и начали занимать позиции по регламенту. Ни в одной из трех точек на трех разных этажах не обнаружилось никакой угрозы, и я понял, что в этот раз штурма не состоялось. В четвертой следующей кипиш имелся, но там охрана справилась сама, покрошив шестерых молодых дельфов. Даже не молодых, а совсем пацанов — татуировки старили еще детские лица, но вряд ли им больше четырнадцати. Незаконченные татуировки на пробитых пулями телах говорили о том, что они набраны со стороны и все еще в статусе рекрутов. Пушечное племенное мясо, пущенное на убой…

Еще ниже было тихо, разве что встревоженные гражданские задавали вопросы о шуме. Еще ниже большинство спало, бухало или трахалось. Перепрыгнув троицу сношающихся, пробежав коридор и миновав бар, по пути выпив стопку текилы из-под руки замешкавшегося за стойкой гоблина, я спрыгнул с открытого всем ветрам балкона на уровень ниже, прыгнул еще раз в сторону и вниз, где зацепился за плетенный каркаса и, до полусмерти испугав какую-то полуголую бабенку, повторил свой веселый трюк, приземлившись на не выдержавшую мой вес крышу. Рухнув на чью-то кровать — опять сношаются, чтоб их — перекатился по голым визжащим телам, локтем случайно сломав мужику многие надежды, выскочил в окно и рухнул еще ниже, упав на крохотный бетонный огрызок. С него обычно втихаря мочились те из охранников, кто не боялся нехилого штрафа и пинка по яйцам от начальства. А дверь вела к широкой лестнице к нулевому уровню, где имелось прикрытые деревянными щитами проломы в железобетонном полу. И я знал один из незакрепленных щитов. Добежав, поднял его рывком, скользнул под него и провалился, с плеском приземлившись на некогда нулевой, а теперь официально минус первый этаж дельфов, недавно отжатый ими у прежних владельцев.

Пробежав парой коридоров, зная, что этот этаж и тот что над

ним почти совпадают, я замедлился рядом с границей условного центра. Гоблины любят болтать. Я наслушался немало про этот уровень и про то, как в былые времена тут устраивали шумные дешевые праздники с бухлом и танцами — в центральном полузатопленном павильоне, который использовали как безопасный глубокий бассейн.

Он меня и интересовал — несложно предположить как именно дельфы будут использовать этот внутренний просторный бассейн с ведущими от него лестницами.

Зарешеченное круглое окно дало мне обзор в нужную область уровня, но сначала я без шума убрал двух крайне нервных дельфов вооруженных дробовиками и гарпунами. Первому перерезал глотку, а второго просто удавил, сдавливая пальцы и глядя в окно. Там за решеткой творилось интересное кино…

На длинном ровном пространстве стояло несколько столов с бумагами. Вроде как подробнейшая поэтажная схема как минимум двадцати нижних этажей. Вокруг стола мотались голые дельфы в возрасте, что-то вопя в рации. Этих сраных полководцев было никак не меньше пятнадцати, и они так яростно орали друг на друга, что я сразу поверил в слухи о серьезном разладе в их рядах. Не все из них хотели этого сорвавшегося и обернувшегося серьезной кровью штурма. Вычленив ту сторону столов, где собрались хотевшие этого беспредела, я сменил позицию, подготовил гранаты, выждал и метнул две из них к столам, а еще две в бурлящий от мечущихся в воде бассейн, предварительно убедившись, что тут нигде нет детей.

Еще не успели вспухнуть разрывы в воде и разбросанные взрывом тела у столов еще летели, а я уже стрелял, посылая снопы картечи в общий зал, стараясь выцеливать в первую очередь тех, кто имел на левом плече сзади татуировку алого кристалла — их я определил как сторонников штурма. Их я и карал.

Отстрелявшись, схватил трофейное оружие и рванул на выход, стараясь обогнать начавший сочиться от загоревшихся бумаг и мебели дым. У меня получилось и вскоре я уже был на уровень выше, где сбросил на маршруте патрулирования трофейные стволы, а свой убрал в рюкзак, вытащив заодно необходимое для следующего шага. Оттуда перешел в общее помещение, влился в сонный поток что-то уже начавших подозревать, но идущих на ночную смену работяг и двинулся вместе с ними к ждущим нас плотам, по пути натягивая на голову старую шляпу и прикрывая плечи гнилой тростниковой накидкой. Это позволило слиться с работягами полностью. Усевшись на свободное место на плоту, я скрестил ноги, принял от

покачивающегося рядом дедка тонкую дешевую сигариллу, подкурил от самодельной зажигалку, благодарственно кивнул и предложил в ответ глотнуть из бутылки с текилой.

Покачиваясь на ночных волнах, караван из сцепленных тросами плотов и влекомый тяжелой самоходной баржей, медленно отчалил от причалов Башни Ведьм и ушел в темноту, направляясь к месту выбранному мной как идеальная точка для неприметного ухода. Сделав глоток текилы, глубоко затянувшись табачным дымом, я передал бутылку подсевшему усталому однорукому работяге и стал слушать его рассказ о сучьих боссах, что дерут три шкуры с обычных гоблинов, кивая в нужных местах и поддакивая…

Медлительная цепочка плотов остановилась у здоровенного плавучего причала, закрепленного над мелководьем. Мы освободили транспорт и на него нетерпеливой гурьбой повалили отработавшие свое счастливчики, торопящиеся поскорее просадить заработанное. Нас придавило к веревочным перилам и едва не сбросило в воду, но все же удалось устоять, после чего вся толпа вдруг ускорилась, торопясь на звук гнусавых призывов нанимателей. Чтобы не выделяться из благородного коллектива, я старался не отставать и умело толкался, пробивая себе путь в центр сплоченной группы. Мы находились посреди большого отдела кадров, где набирали на недельную вахтовую работенку, и она не обещала быть легкой и щедро оплачиваемой. Едва финишировав рядом с большим и грязным дощатым возвышением, на который по очереди выходили бригадиры, толпа тут же начала медленно растекаться, по мере того как из ее недра вытаскивали одного гоблина за другим. Это походило на муки рождения — много умоляющих криков, мата, напоминаний о боге и справедливости, подпрыгиваний и судорог, чтобы заметили и указали пальцем и… наконец очередное дрожащее смуглое тело вытягивалось наверх, получало шлепок по спине и торопилось в указанном направлении.

— Десятеро ныряльщиков за моллюсками! Глубина десять метров! Тебя помню — давай сюда!

— Пятеро плотогонов покрепче! Только с опытом! Ты, ты, может и ты!

— Двойная оплата группе из десятерых! Надо достать решетку с глубины!

— Семерых сборщиков плавучих водорослей! Половинная ставка!

— Сорок шесть разносчиков жратвы и воды в южном направлении!

— Двадцать пять разносчиков жратвы и воды в северном направлении! Оплата двойная, дистанции большие!

На этот призыв я откликнулся, торопливо подняв руку и даже пару раз подпрыгнув, чтобы выказать свою готовность. Но мог и не напрягать жопу — на северное направление вызываться никто не торопился. И я знал почему — слишком долгие дистанции от материнского причала до тех или иных отдельных бригадных плотов и островов. Плюс там куда больше опасности в воде — без всякой внятной на то причины. Так что туда вызывались лишь самые доходяги, зная, что в другие места их попросту не возьмут.

Меня вытянули наверх, наградили шлепком по плечу, подтолкнув по узкой скользкой дощатой дорожке-мостику, ведущей к большому старому плоту с мачтой и хижиной. Вскоре прибыли и остальные, начав уныло разбирать шесты — ветра не было и толкать плот предстояло нам самим, благо глубина позволяла. Плот медленно отчалил, бригадир в рваных шортах требовательно заревел, но его рев никак не повлиял на скорость. Сдавшись, он сплюнул в воду, выматерился и присосался к бутылке с мутной жидкостью, больше не потревожив нас до самого прибытия к базе, представлявшей собой нечто среднее между плотом и плавучим островом с глиняным покрытием. Освещение давала полная луна и пара не слишком мощных ламп, позволявших разглядеть тесные ряды брошенных прямо за бревна и глину циновок. Очнувшийся от алкогольной дремы бригадир хрипло заорал, отправляя нас спать. До рассвета оставалось всего ничего, так что, если хотим хоть немного отдохнуть, нам надо поторопиться — день выдастся длинным, жарким и тяжелым.

Я улегся в центре, прикрыл лицо шляпой и затих, исходя потом под своей накидкой. Через пару часов дремы я ощутил, как к рюкзаку полезла чья-то тихая дрожащая лапа и коротко ударил. Хруст кости, сдавленное утробное всхлипывание и снова лишь громогласный храп со всех сторон.

Подняли нас поздно — к семи утра, когда уже начинало припекать. Такой поздний подъем обуславливался условиями работы. Первое мое задание было простым — оседлать узкий плотик из пары бревен, с уложенными поперек жердями, снабженными поплавками, дождаться, когда на этот транспорт загрузят короб со жратвой и водой, а затем доставить все это до дальней точки на севере. Туда не вызвался никто кроме меня — махать веслом никак не меньше пары часов, потом столько же назад. И это только начало.

Плотик был устойчивым, сил и выносливости у меня с запасом, плюс за остатки медных монет я прикупил пару пластиковых бутылок с теплой пресной водой помимо

собственных запасов. В успехе возложенной на меня миссии можно было не волноваться. Я мог бы поставить рекорд по скорости доставки, но на чаевые не рассчитывал, поэтому пригляделся к вялой скорости остальных и только затем взялся за весло.

Финиш состоялся через два часа и за это время мне пришлось трижды задирать ноги, чтобы их не отожрали медлительные, но зубастые длинные рыбины, что атаковали всегда спереди, предварительно выставляя длинные короткие шипастые плавники. Это не акулы, даже не их помесь. Вообще что-то больше похожее на гигантских угрей с видоизмененной мордой, чью большую часть составляла пасть с клиновидными зубами. Одна из рыб прошлась спинным плавником по плоту, перерезав одну веревку. Она ушла на глубину, а я продолжил путь и через пару минут ткнулся носом в тростниковый круглый остров, где меня ждали голодные работяги. Один из них, высокий, бородатый и тупой, попытался отвесить мне негодующий подзатыльник, после чего немного покричал, с минуту поплакал и наконец успокоился, баюкая сломанные пальцы. Проникнувшись моей дерзостью, пузатый бригадир, воняющий как куча дохлой лежалой рыбы, указал пальцем еще дальше на север, где виднелась мелкая черная точка и пообещал мне серебряный дублон, если я доставлю туда малый жбан каши и десятилитровую флягу с водой. В помощь мне он давал одного из подручных. Я согласился без колебаний и уже через несколько минут опять взялся на ведро, сидя позади сонного и больше мешающего чем помогающего гоблина. Путь туда занял почти час, а зубастых рыб стало куда больше. Теперь они плавали парами и тройками, атаковали чаще, но все также не догоняли, что этот плот можно просто опрокинуть и наконец полакомиться опаленной солнцем гоблинятинкой. Сидящий впереди гоблин давно перестал окунать весло в воду, сидя дрожащим куском плоти в центре моста и периодически повизгивая. А когда одна из рыбин срезала нам левый передний поплавок, он заорал и попытался развернуть плот, истошно поминая родителей сучьего бригадира и то, как глубоко он запихает ему в задницу свое весло и всех этих долбанных рыб. Пришлось врезать ему по макушке веслом и он, уронив голову на грудь, надолго затих.

Причалив к очередному островку, где сидящие в грязи гоблины утягивали в сетевые мешки огромных креветок, я передал им посылки, передал им едва очухавшегося напарника, пояснив, что с этим бесноватым трусом я больше никуда не поплыву. Они придурка знали и понимающе покивали. Отвесив паникеру пару затрещин, они заставили его примкнуть к их

бравой бригаде на следующую неделю, а мне пожелали счастливого пути, посоветовав взять сильно западней вон и заплыть вон за те виднеющиеся зеленые точки — там я попаду в прохладное обратное течение, что быстро доставит меня до базы. Благодарно кивнув, я оттолкнулся веслом и мой поврежденный плот пошел в указанную сторону.

Через полчаса размеренной работы веслом я чуть подправил курс и взял южней. К этому моменту я уже скрылся за теми самыми зелеными точками, оказавшимися настоящими оазисами из молодых деревцев и кустарника, процветающих на крышах ушедших под воду зданий древнего города. Там подо мной в прозрачной воде был смутно виден раскинувшийся пригород из относительно невысоких трех и четырехэтажных зданий. Я надел маску и через каждые двадцать-тридцать метров окунал голову в воду — просто из мальчишеского внезапного интереса. Ведь я был рожден и рос на грани суши и океана…

Подо мной тянулись улицы с бурыми кучами того, что некогда было брошенными машинами и обломками зданий. Внутри зданий кишела разноцветная яркая жизнь. Огромные косяки сверкающей серебром рыбы пронизывали здания насквозь, тут же уходя в следующие здания, и тем самым, не позволяя преследующей их огромной рыбине схватить свою добычу. Моя тень упала на гигантского осьминога, и он медленно втянул щупальца внутрь коттеджа. Ко мне направилось несколько знакомых туповатых зубастых рыб, и я поднял ноги на плот.

Причалив к едва виднеющейся из воды крыше, я частично вытащил плотик и потратил немало усилий, чтобы стянуть его заново с помощью обрывков веревки и лиан. Заново закрепил отрезанный ранее и подобранный поплавок. Надолго этого не хватит, но плот еще послужит какое-то время. Срубив несколько тонких здоровых деревцев, я не испытал жалости — они все равно будут сметены следующим тропическим штормом. Этот сезон не за горами. Очистив стволы от веток, я закрепил их на плоту, добавил сверху несколько перекладин, оплел все ветками с листьями, сам удивившись своим умениям. Получился низенький неплохой навес, укрывающий от солнца и чужого небесного взгляда. Содрав со стен здания с пару десятков знакомых моллюсков, я утолил голод, напился воды, закинул в рот пригоршню кислых мелких ягод и снова отправился в путь. День только начинался. До заката далеко. Греби, гоблин, греби…

Само собой, назад к базе курьеров трудолюбивый туповатый гоблин Бонк не вернется. Вряд ли кто-то заподозрит его в угоне — мой плотик выглядел так плачевно, что скорей всего меня заочно похоронят, посчитав утонувшим или съеденным. Ну не

вернулся гоблин и посрать — курьеров хватает. Эта ниточка будет оборвана, а я так старательно не светил заросшим щетиной испачканным лицом, что никто не сможет дать мое описание. Тренированное тело спрятано под накидкой, а при мне нет ничего, что может содержать в себе отслеживающие жучки — ни в теле, ни в вещах.

Я исчез. Я растворился в бескрайнем океане. Я намеренно потерялся. И даже карты при себе не имею. Моим единственным ориентиром служит едва-едва заметное отсюда побережье. Я двигаюсь вдоль него — пока что — но теперь намеренно не строю долгих продуманных планов. В каждом продуманном плане есть зерна предсказуемости — а я этого не хочу. У меня есть только направление и уйма времени — чтобы подумать, чтобы вспомнить, чтобы добраться до памятных и чем-то важных мест…

Я свободен.

И возможно я свободен впервые за многие столетия…

Окуная весло в воду, я с наслаждением ощущал как огнем горят уже неплохо так поработавшие мышцы плечевого пояса. Хват теперь приходилось менять куда чаще, но я продолжал упорно грести, уходя все дальше от внешних границ крохотного мутного королевства Башни Ведьм.

Через пару часов я вошел в зону водных руин, что тянулись насколько хватало взгляда. Там вдалеке виднелось несколько черных и далеко отстоящих друг от друга дымов. Вода подо мной уже не бурлила, а кипела от обилия жизни, что заново заселила брошенные затопленные города. Кое-где дорогу преграждали сплетенные могучими лианами настоящие стены, тянущиеся от одного полупогруженного здания к другому. Чтобы не делать слишком большой крюк, я направлял плот в зияющие проломы и широченные окна некогда роскошных пентхаусов. Вплывая внутрь, я проходил насквозь, плыл длинными коридорами, миновал танцевальные и театральные залы. Со стен на меня глядели покрытые лишайниками барельефные лики более никому не известных деятелей далекого прошлого. Несколько раз я встречал символику Атолла Жизни, сурверов и Россогора.

Ближе к вечеру я углубился в руины так глубоко, что попросту заблудился — побережья не видно из-за зданий, к тому же быстро темнело. Прислушавшись к заливистому вою, раздающемуся с нависающих надо мной уцелевших крыш, я прошел по воде еще с километр, миновал насквозь пару затопленных руин и наконец обнаружил подходящее место для ночлега, найдя приют под крышей элитных апартаментов с прозрачными стенами и полом. Посреди этого частично погруженного аквариума лежали обломки крыши, на которые

ураганами нанесло почвы и семян. Вытащив плот и закрепив, я прошелся по этому овальному девятиметровому островку и удовлетворенно кивнул — просто идеально. В паре огромных листьев я отыскал свежую дождевую воду. Напился и пополнил флягу, а остатки потратил на смыв морской соли с кожи. Набрав сухих ветвей, я распалил костерок и уселся рядом, уместив на коленях мою долю рабочей каши. Пережевывая кукурузные зерна с редчайшими волоконцами мяса, я задумчиво глядел в пляшущее пламя, лижущее дно котелка с закипающим кофе. Подумав, добавил себе в алюминиевую кружу Бункерснаба изрядную порцию текилы — сегодня я заслужил. Вылив туда кофе, подбросил в крохотный костерок еще пару сучьей, вытянул ноги, откинулся на рюкзак и сделал большой обжигающий глоток.

Хорошо…

Как же сука хорошо…

Впереди спокойный вечер и долгая ночь.

А завтра… завтра гоблина Оди ждет очередной день в морских руинах, где я буду решать мелкие насущные проблемы и даже не стану напрягать голову над проблемами глобальными. Я хочу вычистить свою голову от всех этих мутных пафосных напластований говна.

Я снова хочу стать по-настоящему свободным — как когда-то до того, как посланцы и эмиссары Атолла отравили мой разум визгливыми речами о спасении мира…

Потянувшись безумно уставшим телом, насладившись этим ощущением, я сделал еще больший глоток кофе с текилой и вытащил из водонепроницаемой жестяной коробки сигариллу. Вскоре к дыму костра добавился ароматный сигарный дымок, а в моей искромсанной душе загорелся еще один огонек чего-то очень сильно похожего на обычное счастье.

Я свободен…